

нія судамъ входить въ Азовское море, вслѣдствіе его обмеленія. Странно, что въ приведенныхъ соображеніяхъ вовсе не упоминается о выгодахъ, которыя можетъ извлечь изъ предлагаемой мѣры г. Керчь.

Изложенный споръ былъ бы законченъ, если бы въ заключеніи записки Морскаго Министерства не было высказано замѣчаніе, что было бы весьма полезно изслѣдовать справедливость всѣхъ противоположныхъ показаній посредствомъ снаряженія ученой экспедиціи, которая вмѣстѣ съ тѣмъ указала бы и на мѣры къ устраненію оказавшихся неудобствъ. На эту записку послѣдовала резолюція Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Константина Николаевича: „всякое административное распоряженіе для отвращенія дальнѣйшаго обмелѣнія моря, было бы преждевременно и неосновательно, доколѣ не будетъ произведено ученаго изслѣдованія этого явленія, ибо подобное изслѣдованіе, раскрывъ настоящія причины обмелѣнія моря, укажетъ дѣйствительныя средства, противодействовать ему“. Затѣмъ Августѣйшій предсѣдатель Имп. Рус. Геогр. Общества предложилъ президенту Академіи Наукъ и совѣту Общества снарядить для изслѣдованія возбужденнаго вопроса экспедицію изъ членовъ Академіи, Географическаго Общества и Морскаго Министерства.

Вслѣдствіе этого, Общество и Академія Наукъ подали свои мнѣнія объ обмелѣніи Азовскаго моря и сдѣлали предложенія о подробнѣйшемъ его изслѣдованіи. Мнѣнія эти въ главнѣйшихъ основаніяхъ согласовались съ мнѣніемъ Морскаго Министерства. Въ запискѣ Академіи сверхъ того были собраны прежнія историческія извѣстія о состояніи Азовскаго моря. По приказанію Его Высочества, всѣ три мнѣнія напечатаны вмѣстѣ въ упомянутой выше брошюрѣ. „Обмелѣніе Азовскаго моря,“ явившейся въ видѣ приложенія къ Морскому Сборнику 1861 года. Географическимъ Обществомъ и Академіей была составлена коммиссія для выполненія сдѣланныхъ ими предложеній. Коммиссія пришла къ заключенію, что весьма желательно произвести новую гидрографическую съемку Азовскаго моря съ точными промѣрами, а также возможно вѣрнѣе опредѣлить условія колебаній морскаго уровня. Предполагалось также изслѣдовать геологическія условія береговъ Азовскаго моря, въ особенности опредѣлить количество твердыхъ веществъ, приносимыхъ рѣками, распределеніе образующихся осадковъ въ слѣдствіе морскихъ теченій и наконецъ выяснитъ вопросъ о томъ, до какой степени самъ человѣкъ виновенъ въ обмеленіи Азовскаго моря. Сверхъ того предположено было, изслѣдовать содержаніе соли въ различныхъ частяхъ моря и опредѣлить встрѣчающіяся въ немъ животныя и растенія.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И МАТЕРІАЛЫ.

ШАМАНСТВО ВЪ СИБИРИ.

Шаманская религія властвовала нѣкогда надъ всѣми народами финскаго и тюрко-монгольскаго племени. Остатки ея видны еще по нынѣ между инородцами европейской Россіи и Сибири, — бурятъ и якутъ, остякъ и тунгусъ, самоѣдъ и камчадалъ, манджуръ и гилякъ, корякъ и минусинскій татаринъ еще до сихъ поръ сохранили шаманскія вѣрованія своихъ отцевъ, еще до сихъ поръ они благоговѣнно внемлютъ неистовымъ воплямъ шамановъ и заунывнымъ звукамъ ихъ бубновъ. Но при всемъ томъ, шаманство не сохранилось до селѣ въ своемъ первоначальномъ видѣ, — многое измѣнилось въ немъ отъ частыхъ столкновеній съ буддизмомъ, христіанствомъ и магометанствомъ. Весьма трудно, почти невозможно представить древнее состояніе шаманской религіи. Не легки также изслѣдованія и о современномъ состояніи шаманства, потому что его послѣдователи, при своемъ антагонизмѣ къ русскимъ, плохо дѣлятся съ ними свѣдѣніями о своей религіи. Шаманы, которымъ извѣстна ихъ міеологія во всей ея полнотѣ, ни за что не посвящаютъ изслѣдователя въ тайны своей мудрости. При такой трудности изученія шаманской религіи понятны та неполнота, поверхностность и оши-

бочность, которыми отличается большая часть сочиненій о шаманствѣ. Укажемъ на главныя изъ нихъ.

1. *Черная впра или шаманство у монголовъ* Д. Банзарова. Авторъ занимается изслѣдованіемъ о древнемъ шаманствѣ и почти ничего не говоритъ о современномъ состояніи этой религіи.

2. *Шаманство у Сибирскихъ народовъ* и *Шаманство у народовъ Сѣверной Азіи* — Н. Шукина. Эти статьи основаны на сочиненіи Банзарова; автору принадлежатъ только свѣдѣнія о шаманскихъ обрядахъ, богослуженіи, ворожбѣ.

3. Въ извѣстномъ *Описаніи земли Камчатки*, Крашенинниковъ довольно подробно говоритъ о шаманствѣ у камчадаловъ.

4. *Vorlesungen über die finnische Mithologie, Reiseerinnerungen aus den Jahren 1838—1844* — Кастрена, и *Путешествіе къ Ледовитому морю*. Фр. Бѣлявскаго. Въ этихъ сочиненіяхъ много свѣдѣній о шаманствѣ у остяковъ и самоѣдовъ; о томъ же говоритъ довольно пространно и Гутри въ *Abregé de la nouvelle geographie, tom. II.*

5. Іакинѣвъ въ своемъ „*Китай*“ оставилъ нѣсколько свѣдѣній о шаманствѣ въ Пекинѣ; а въ „*Исторіи о народахъ Средней Азіи*“, онъ сообщаетъ много извѣстій о вѣрованіяхъ древнихъ азіатскихъ племенъ.

Кромѣ этихъ сочиненій, свѣдѣнія о шаманствѣ разбросаны во многихъ статьяхъ и книгахъ этнографическаго содержанія. Независимо отъ нихъ, мы имѣли случай пріобрѣсть много новыхъ свѣдѣній о шаманствѣ у монголовъ. Считаемо нужнымъ предварить читателя, что мы, боясь впасть въ повторенія, не всегда говорили подробно объ извѣстномъ мнѣ или обрядѣ, которые у разныхъ народовъ различаются только названіями и незначительными частностями, а не сущностью дѣла. О финской мифологіи, во многомъ отличной отъ шаманской, мы говорили только отчасти, хотя Кастренъ считаетъ ее принадлежащею къ шаманизму. Но она, своими богатыми рунами, съ своей *Калеваловой* достойна особой статьи.

На первомъ планѣ стоитъ въ шаманствѣ обожаніе природы; оно потеряло нынѣ прежній характеръ фетишизма и замѣнилось поклоненіемъ духамъ — „хозяевамъ“ различныхъ предметовъ природы. Каждое естественное явленіе, каждая форма міровой жизни, имѣютъ своего духа-владѣтеля. Пространства воздуха, воды, горы, лѣса, планеты, самая внутренность земли, — все это наполнено легіонами духовъ.

Рядомъ съ духами въ шаманской религіи стоятъ души умершихъ людей и фетиши — идолы естественные и искусственные. Одни изъ этихъ идоловъ представляются существами живыми, личными; другіе же считаются только вмѣстилищемъ, мѣстопребываніемъ извѣстныхъ духовъ, которые такимъ образомъ дѣлаютъ для человѣка удобнымъ непосредственное сношеніе съ ними.

Всѣ упомянутыя божества дѣлятся на два разряда — добрыхъ и злыхъ. Если вліяніе послѣднихъ и слабѣе первыхъ, за то числомъ злыхъ божествъ превосходятъ добрыхъ. Вездѣ, куда бы ни пошелъ шаманистъ, ему грозитъ опасность отъ сатаны; во всѣхъ своихъ дѣлахъ онъ думаетъ встрѣтить препятствія отъ легіоновъ злыхъ духовъ. Вдыхаетъ ли онъ воздухъ, — ему чудится, что въ его внутренности устремляются черти; видитъ ли непріятный сонъ, ему грезится, что это дѣйствіе дьявола, заблудится ли въ лѣсу, — значитъ водить „хозяинъ лѣса“, заболѣетъ ли, сойдетъ ли съ ума, — всѣ признаютъ, что въ немъ поселился бѣсъ. Нетолько въ настоящей, но и въ будущей жизни ждутъ человѣка демоны и ужасныя отъ нихъ муки. Словомъ, адъ — атмосфера шаманиста, черти—его *idée fixe*.

Чтобы умиловить духовъ и отклонить вредное вліяніе ихъ, шаманисты задобриваютъ ихъ жертвами. Но такъ какъ духи остаются часто недовольны этими приношеніями или уже до того раздражены, что никакія взятки не въ состояніи утолить ихъ гнѣва, тогда обращаются къ добрымъ духамъ. Послѣдніе, ненавидя тьму и зло, постоянно борются съ демонами и умѣ-

ряютъ вредное ихъ, вліяніе на человѣка, но окончательно уничтожить ихъ не въ состояніи.

Такъ какъ духи могутъ быть умиловлены жертвами, то нужно знать—какой хотятъ они жертвы; такъ какъ инстинктъ самосохраненія побуждаетъ охранять себя отъ вредныхъ вліяній природы, или воображаемыхъ духовъ,—предузнавать эти пагубныя дѣйствія,—то нужно знать и имѣть средства къ избавленію отъ нихъ. Разныя обстоятельства жизни требуютъ для блага общаго и частнаго, знанія многихъ вещей, недоступныхъ для обыкновеннаго ума человѣческаго. Все это влекло за собою волшебство, заклинанія, предсказанія. Люди, посвятившіе себя этой профессіи, образовали особую касту шамановъ, жрецовъ-кудесниковъ.

Шаманисты не имѣютъ священныхъ книгъ; вся ихъ религія, вся обрядность, заключаются въ преданіи. Только въ Пекинѣ въ 1747 г. изданъ уставъ манчжурскаго шаманскаго служенія. Древніе обряды шаманской религіи, изложенные въ упомянутомъ уставѣ, представляютъ, по словамъ Іакинаа, стройную систему, основанную на понятіяхъ чисторелигіозныхъ ⁽¹⁾. Но съ этимъ уставомъ знакомы одни пекинскіе шаманисты, для прочихъ онъ неизвѣстенъ.

Есть буддійское сказаніе, что во времена древности, когда шаманство было всеобщю религіею Азіи, оно имѣло многія магическія книги ⁽²⁾. По монголо-бурятскому народному преданію, родоначальники бурятъ *Хори* и *Бурятъ*, руководствовались писаннымъ шаманскимъ закономъ, но однажды, переплывая черезъ рѣку, Бурятъ уронилъ его въ воду, что и подало поводъ къ введенію ворожбы по жженой лопаткѣ. Мы не можемъ отвергать истинности этихъ преданій: у народа, имѣвшаго письменность, каковы были монголы, могли быть и священныя книги. Въ настоящее время въ Монголіи и Восточной Си-

⁽¹⁾ „Китай“, ч. IV, стр. 55.

⁽²⁾ Улигерунъ-Далай; Буддизмъ А. Нила, стр. 219.

бири есть много народныхъ книжекъ о шаманствѣ, писанныхъ буддистами. Но послѣдніе, съ цѣлью удобнѣйшаго распространенія своихъ вѣрованій между шаманистами, примѣшали къ шаманству много буддійскаго и такимъ образомъ исказили народную религію. Нѣкоторыми изъ подобныхъ книгъ руководствовался Банзаровъ, при составленіи своей диссертациі о „Черной Вѣрѣ“.

ГЛАВА I.

Небо.

Первое мѣсто въ ряду обожаемыхъ шаманистами предметовъ природы, занимаетъ *небо*. Въ періодъ фетишизма, слѣды котораго не изгладились еще до сихъ поръ, шаманисты почитали одно видимое небо, не придавая ему никакого высшаго, духовнаго значенія. Хотя Плано Карпини, Рубруквисъ, Гайтонъ Армянскій и многіе другіе старые и новые путешественники говорятъ о поклоненіи монголовъ, татаръ и другихъ шаманистовъ Единому Богу, но все, что рассказываютъ эти писатели о вѣрованіи въ Бога, должно относить къ *небу*. Ошибка произошла здѣсь отъ неправильнаго перевода словъ, означающихъ небо. Такъ напр. монгольское *тэнгри*, иностранцы переводили *Богъ*, а оно прежде всего значить *небо*. Но такъ какъ этому *тэнгри* монголы поклонялись и приписывали божескія свойства, то путешественники признали его тождественнымъ словомъ Deus, Dieu, Алла ⁽¹⁾. Подобное же случилось съ католическими миссіонерами въ Китаѣ, которые слово *тань* (небо), приняли за имя Бога.

Но дѣйствительно ли *тэнгри* значить небо? Чингисъ-Ханъ, какъ видно изъ рассказовъ монгольскаго историка Цананъ

⁽¹⁾ Черная Вѣра, *стр. 62.

Цэцэна, часто называлъ себя сыномъ тэнгри; онъ величался и гордился этимъ именемъ. Но подъ тэнгри здѣсь очевидно разумѣется небо, по волѣ котораго рождаются и отъ котораго непосредственно зачинаются великіе люди. Такъ напр. служанка одного долисскаго владѣтеля въ отсутствіе его очреватѣла; возвратившійся владѣтель хотѣлъ убить ее, но она сказала ему: „Я видѣла на небѣ воздухъ, спустившійся на меня въ видѣ куриного яйца“ (1). Въ вариантахъ этого мифа рассказывается—въ первомъ, что женщина зачала отъ упавшей съ неба ей въ ротъ градинки, а во второмъ—отъ падавшихъ на нее солнечныхъ лучей. Эти мифы указываютъ на вѣрованіе монголовъ въ то, что великіе и замѣчательные люди рождаются отъ неба, слѣдовательно, должны называться сынами его. У сосѣдей монголовъ—китайцовъ и родственныхъ имъ японцевъ, еще до сихъ поръ каждый государь носить почетный титулъ *сына неба*. Послѣ этого становится отчасти уже яснымъ, что Чингисъ называлъ себя сыномъ неба и слѣдовательно, съ *тэнгри* соединялось понятіе неба, а не *Бога*. А что Чингисъ-ханъ дѣйствительно родился отъ тэнгри, или по крайней мѣрѣ, по его волѣ, объ этомъ свидѣлствуетъ данное ему при рожденіи имя—*тэнрингъ оюкэсэнь*, — „вымоленный у тэнгри“ (2).

Когда Чингисъ умеръ, рассказываетъ Ц. Цэцэнь, то положенное на одноколку тѣло его отвозилось на родину. Подданные въ глубокой печали сопровождали гробъ государя. Когда поѣздъ достигъ топкаго мѣста *Муна*, одноколка завязла и всѣ усилія сдвинуть ее съ мѣста остались тщетными. Тогда нѣкто Килукэнь Богатуръ пропѣлъ слѣдующее: „отъ *синяго, вѣчнаго неба (тэнгри)* чудесно рожденный, левъ людей, сынъ неба, государь мой и проч. (3). Эти слова надгробной пѣсни ясно уже

(1) Истор. народовъ Средней Азіи, Іакинна ч. II, стр. 15.

(2) Geschichte d. O. Mongolen, von SS. Ssetzen, S. 63.

(3) Тамъ же. S. 107.—Алтанъ Тобчи, въ Запискахъ Русскаго Археологическаго Общества, т. XIV, стр. 30.

указываютъ на поклоненіе монголовъ видимому небу (тэнгри), потому что оно называется *синимъ*. А что синее небо—божество древнихъ монголовъ, это подтверждаетъ эпитетъ *вѣчное* и то, что Чингисъ родился отъ него. Последнее уже окончательно подтверждаетъ то, что Чингизъ, называя себя сыномъ тэнгри, разумѣлъ подъ этимъ словомъ небо, а не бога.

Отъ монгольскаго *тэнгри* происходитъ якутское *танара*, *таара*, — названіе неба и въ последнее время Бога. Чувашское *тара* тоже происходитъ отъ монгольскаго *тэнгри*, *тангри*, потому что носовой звукъ *ан* при переходѣ въ чувашскій языкъ, измѣняется на *о* (1) тунгусы главнаго своего бога зовутъ *Шеванъ Окжари*, т. е. икона—небо, что свидѣлствуетъ даже о современномъ поклоненіи тунгусовъ видимому небу (2). Китайцы почитаютъ небо подъ именемъ *тянь*, поклоняются ему, какъ высшему божеству и приносятъ жертвы (3).

Шаманисты финскаго происхожденія также считали и считаютъ небо высшимъ божествомъ. Главное божество финской мифологіи *юмала*, по изслѣдованію А. Кастрена, значитъ небо и богъ неба (4).

Слово *юмала*, какъ состоящее изъ трехъ слоговъ, есть слово производное. Окончаніе *ла* указываетъ на какое нибудь мѣсто, мѣстожителства. Оставшееся безъ *ла юма* до сихъ поръ принимается черемисами въ значеніи Бога. Въ другихъ же родственныхъ съ финскимъ языкомъ понятіе Бога, выражается черезъ производную форму, зстонск. *юммаль*, лопарск. *юбмель*, *ибмель*, *иммель*, зырянское *іен*. Но и *юма* не первоначальный корень; буква *а* есть ничто иное, какъ придатокъ, ибо по свойству финскаго языка *м*, не можетъ одна заключать слова, но принимаетъ вспомогательный звукъ. Поэтому корень

(1) Чуваши, Савельева. Въ Ж. М. Вн. Д. ч. XXXVI, стр. 401.

(2) Енисейскія губ. вѣдомости 1860 г. № 3, стр. 10.

(3) Китай, соч. Іакинна, ч. IV.

(4) Vorlesungen über die finnische Mythologie. St. Petersburg. 1853.

юмала будетъ *юм*, названіе, которое самоѣды, по свидѣтельству прежнихъ путешественниковъ, давали Богу. Въмѣсто *юмъ*, нынѣ самоѣды употребляютъ *нумъ*, но это слово одно и тоже, что *юмъ*: перемѣна и на и въ самоѣдскомъ языкѣ не рѣдкость.

Какое же понятіе выражаетъ у разныхъ народовъ упомянутое слово? — Лопарское *юбмель*, по словамъ Гегстрема, болѣе соотвѣтствуетъ латинскому *Jupiter*, чѣмъ *deus*. Эстонское *юмалъ* и зырянское *іенъ* употребляется какъ эпитеты для обозначенія всѣхъ боговъ вообще и христіанскаго въ частности.

Какъ у упомянутыхъ народовъ, такъ и у самоѣдовъ, понятіе, соотвѣтствующее *юмалъ* перемѣшано съ христіанскими представленіями. Если же отдѣлить послѣднія, то выйдетъ, что самоѣды почитали въ *нумъ* небо. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и самый языкъ ихъ, въ которомъ понятія Бога и неба выражаются однимъ и тѣмъ же словомъ *нумъ*. Такое словоупотребленіе основывается на томъ, что небо считалось богомъ, существомъ божественнымъ. Для выраженія идеи Бога, нѣкоторыя самоѣдскія племена употребляютъ *Ийлеумбаертъе*, но это слово только эпитетъ нума, какъ защитника и хранителя стадъ, и употребляется большею частію племенами, обращенными къ христіанству. Некрещенные же племена говорятъ *нумъ*, разумѣя подъ этимъ словомъ почти всегда небо. Небо же они считаютъ не мертвою вещью, а живымъ, личнымъ существомъ, посылающимъ громъ, молнію, дождь, снѣгъ и т. д. Тоже самое значеніе имѣютъ лопарское *юбмель*, черемисское *юма* и финское *юмала*.

Небо, по понятію шаманистовъ, вѣчно: „силою вѣчнаго неба“.... такъ обыкновенно начинались граматы монгольскихъ хановъ. Въ своихъ обращеніяхъ къ небу, монголы придавали ему эпитетъ *впчнаго*: „да будетъ извѣстно это тебѣ, высокое, *впчное* небо“; „отъ спяга, *впчнаго* неба рожденный государь“.... и т. п. Камчадалы тоже сохранили темную вѣру въ вѣчность

неба; они, по свидѣтельству Крашенинникова, считаютъ небо несотвореннымъ, не знаютъ кто сотворилъ его ⁽¹⁾.

Будучи вѣчнымъ, небо править міромъ. По волѣ его рождаются люди; это творческое дѣйствіе неба извѣстно у монголовъ подъ именемъ *дзаяа*. Такъ чингисъ родился по повелѣнію неба. Такъ одинъ хюннусскій владѣтель посвятилъ небу двухъ своихъ дочерей, не считая никого изъ людей достойными быть ихъ мужьями. Онъ заключилъ дочерей въ высокомъ теремѣ и просилъ небо принять ихъ. Небо приняло приношеніе и послало къ царевнамъ волка, который денно и ночью стерегъ теремъ, производя вой. Младшая сестра сошла къ волку, совокупилась съ нимъ и родила сына ⁽²⁾. Иногда небо посылаетъ мѣсяцъ, чтобы онъ, совокупившись съ извѣстной женщиной, произвелъ дитя. Такъ въ лѣтописи *Алтанъ Тобчи* одна монголка рассказываетъ: „бывало въ темную ночь мѣсяцъ въ видѣ мальчика входитъ въ мою юрту и озаряется свѣтомъ; погладивъ животъ мой, онъ, выходя изъ юрты, превращался въ рыжую, лысую собаку. Сообразивъ все это, я думаю, что мои дѣти родились по опредѣленію неба“ ⁽³⁾. Преданіе говоритъ, что одинъ изъ предковъ Чингиса зачался во чревѣ своей матери посредствомъ чудеснаго вліянія солнечныхъ лучей ⁽⁴⁾. Служанка солискаго владѣтеля очреватѣла отъ воздуха, который она видѣла на небѣ, и который спустился на нее въ видѣ куриного яйца ⁽⁵⁾. О Чингисъ-ханѣ монголы говорили, что онъ родился по повелѣнію неба; и небо посылаетъ не только великихъ людей, но и обыкновенныхъ государей и владѣтелей. Китайскіе и японскіе государи всѣ безъ исключенія носятъ названіе сына неба; хюннусскіе шаньюи называли себя рож-

⁽¹⁾ Описаніе Камчатки, ч. III, стр. 71.

⁽²⁾ Исторія народовъ Ср. Аз. Іакинѣа, ч. 1, стр. 249.

⁽³⁾ Алтанъ-Тобчи, въ „Зап. Археол. общества“ т. XIV, стр. 5.

⁽⁴⁾ Сибирскій Вѣстникъ 1824 г., ч. IV, стр. 253.

⁽⁵⁾ Исторія народовъ. Ср. Аз., ч. 1, стр. 71.

денными небомъ ⁽¹⁾. Представляя небо виновникомъ появленія на землѣ великихъ людей, шаманисты выражаютъ тѣмъ свое вѣрованіе въ его заботливость о славѣ и счастіи народовъ, устрояемыхъ знаменитыми государями.

Заботясь о благѣ народовъ, неба наблюдаетъ за поведениемъ людей; оно видитъ всѣ поступки и помыслы человѣка. Въ силу такого вѣрованія монголы призывали небо въ свидѣтели и представляли ему на судъ свои поступки. Они говорили „отецъ и царь мой, небо, да будетъ мнѣ судія и свидѣтель!“ „небо, тебѣ это извѣстно“ и т. п. ⁽²⁾. И дѣйствительно, небо судитъ людей, наказываетъ и вразумляетъ ихъ. Въ XV в. монголы взяли въ плѣнъ одного китайскаго императора и осудили его на тяжкое рабство. Но однажды ночью, изъ чашки, изъ которой пилъ плѣнный императоръ, выходило багровое сіяніе. Это было сочтено за повелѣніе неба выпустить плѣнника, и онъ былъ препровожденъ въ Китай съ честью ⁽³⁾. Моганъ-ханъ изъ дома Тугю долго задерживалъ у себя китайскихъ пословъ. Небо изъявило на это гнѣвъ свой продолжительною грозою, вслѣдствіе чего послы были отпущены и съ императоромъ ихъ заключенъ миръ ⁽⁴⁾. Китайцы и другіе жители Средней Азіи; естественныя бѣдствія: наводненія, неурожай, засухи и т. п. объясняютъ гнѣвомъ неба на людей за ихъ беззаконія ⁽⁵⁾. Если государи, которые посылаются небомъ и должны быть отцами народа, лишаютъ себя любви народной, то небо наказываетъ ихъ бунтами, измѣною слугъ и подданныхъ ⁽⁶⁾.

Какъ начало добра, небо врагъ злыхъ духовъ и всего нечистаго. Оно преслѣдуетъ и поражаетъ демоновъ громовыми

⁽¹⁾ Ibid., ч. 1, стр. 28.

⁽²⁾ Ss. Ssetzen's Geschichte d. O. Mongalen, S. 149 und 190.

⁽³⁾ Черная Вѣра, Банзарова, стр. 66.

⁽⁴⁾ Ibid; Deguin: Histoire d'Huns, t. 1, p. 292.

⁽⁵⁾ Черная Вѣра, стр. 66.

⁽⁶⁾ Stühr's Religions-System. des Orients, B. 1, s. 13.

ударами и молніей. Если молнія поразитъ животное, человѣка, дерево или другую вещь, то значить въ нихъ скрылся отъ громовой стрѣлы злой духъ или есть что нибудь нечистое. Но объ этомъ мы поговоримъ еще ниже.

Такимъ образомъ древніе шаманисты признавали небо высочайшимъ и первымъ божествомъ. Съ теченіемъ времени боготвореніе неба уступило мѣсто поклоненію небожителямъ и наконецъ христіанскому Богу. Этотъ переходъ совершился, разумѣется, не вдругъ, а постепенно, въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ. Сперва же понятіе о личномъ Богѣ и небѣ сливалось. Монголы, напр., по словамъ Д. Банзарова, безотчетно воображали небо иногда духомъ, который являлся имъ въ формѣ синяго неба ⁽¹⁾. Когда небо, какъ высшее божество, замѣнили небожители, боги, тогда шаманисты стали поклоняться небу уже не какъ самостоятельному божеству, а только какъ священному мѣстопребыванію небожителей. Въ этотъ періодъ небо, въ понятіи шаманистовъ, раздѣлилось на нѣсколько частей, соотвѣтственно различному достоинству небожителей. Туруханскіе и, какъ намъ извѣстно, другіе якуты, признавали нѣкогда существованіе девяти небесъ ⁽²⁾; изъ которыхъ на семи обитаютъ разныя животныя, употребляемыя въ пищу покойниками, на восьмомъ живетъ богъ грома, на девятомъ главный богъ *Ар-тоѳиз* и жена его ⁽³⁾. Изъ нѣкоторыхъ молитвъ бурятскихъ шамановъ видно, что по ихъ понятію небо раздѣляется на двѣ части: *великое* и *малое* небо: „призываю я *малое*, *малое* небо; призываю *великое*, *великое* небо со всею его ясностью“.

Мы изложили только монгольское ученіе о небѣ, какъ божествѣ; о поклоненіи же небу другихъ шаманскихъ народовъ не можемъ сообщить никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній. Почти

⁽¹⁾ Черная Вѣра, стр. 67.

⁽²⁾ Младшая Эдда насчитываетъ тоже девять небесъ.

⁽³⁾ Записки Спбир. Отдѣла Геогр. Общества, кн. IV, с. 142. 1857 г.

у всѣхъ шаманистовъ, кромѣ монголовъ, не осталось никакихъ свидѣтельствъ о прежнемъ ихъ обожаніи видимой тверди. Оно давно уже перешло къ духамъ-небожителямъ, которые замѣнили собою *небо* и даже называются, если не всѣ, то главные изъ нихъ, тѣмъ же именемъ, какъ и прежнее божество *небо*. Монголы называютъ *тэнгри* и небо, какъ божество, и духовъ-небожителей. Самоѣды называютъ *нумомъ* не только небо, но и другія божества—солнце, луну, море, громъ. Въ самомъ характерѣ шаманскихъ духовъ большая часть свойствъ и качествъ тѣ же, какія приписывались нѣкогда высшему божеству-небу.

Небесныя свѣтила и воздушныя явленія.

О боготвореніи солнца и луны народами Азіи, мы имѣемъ свидѣтельства гораздо раннія христіанской эры. Ханы хуннскіе выходили, по словамъ китайскихъ лѣтописей, ежедневно утромъ—для поклоненія солнцу, а вечеромъ—лунѣ ⁽¹⁾. Тоже дѣлали ханы другихъ народовъ. Входъ въ ставку владѣтелей Тугю былъ съ востока, изъ уваженія къ странѣ солнечнаго восхода ⁽²⁾. Плато Карпини говоритъ о монголахъ, что они почитаютъ солнце и луну, которую называютъ великимъ императоромъ ⁽³⁾. Это поклоненіе свѣтиламъ сохранилось между шаманистами до настоящаго времени. Только въ древности боготворили свѣтила въ ихъ матеріальной непосредственности, а нынѣ фантазія народа создала божества, владѣющія небесными тѣлами. Но личность этихъ божествъ до того еще невыяснена, что сливается съ самыми свѣтилами, такъ что они, безъ всякаго отношенія къ духамъ, представляются существами столь же живыми, разумно-свободными, какъ и духи ихъ. Поэтому мнѣ о свѣтилахъ и ихъ духахъ мы излагаемъ вмѣстѣ.

Солнце, по вѣрованію шаманистовъ, *сынъ неба*. Азіатскій

⁽¹⁾ Deguin, tom. 1, part. 2, p. 26.

⁽²⁾ Исторія народовъ Ср. Аз. ч. 1, стр. 269.

⁽³⁾ Путешествія къ Татарамъ, стр. 93.

владѣтель, сынъ неба, называетъ себя братомъ солнца. ⁽¹⁾; разумѣется, не по матери, а по общему ихъ отцу — небу. Въ какихъ отношеніяхъ солнце находится къ другимъ свѣтиламъ, неизвѣстно. Хотя Плато Карпини и говоритъ, что татары считали солнце *матерью* луны, потому что она заимствуетъ свой свѣтъ отъ солнца ⁽²⁾; но вѣроятно, это личное мнѣніе П. Карпини, приписанное имъ полудикимъ татарамъ. Откуда могъ узнать средневѣковой номадъ эту астрономическую истину? Кромѣ того, изъ нѣкоторыхъ легендъ монгольскихъ и финскихъ народовъ прямо вытекаетъ, что шаманисты считаютъ свѣтила принадлежащими къ мужескому полу. Въ финской легендѣ солнце, луна и звѣзды, сватаются на дѣвушкѣ и имѣютъ женъ, въ монголо-бурятскомъ сказаніи луна и солнце спорятъ о дѣвушкѣ, желая имѣть ее своею супругою ⁽³⁾. Азіатскіе ханы называютъ солнце своимъ братомъ; отъ его лучей зачался одинъ изъ предковъ Чингиса. Дѣти одной монголки, по словамъ ея, прижиты съ мѣсяцемъ, входившимъ по ночамъ въ ея юрту подъ видомъ мальчика. Многія звѣзды извѣстны въ бурятской мифологіи подъ именемъ *старцевъ*. Въ этомъ отношеніи мифологія тюрко-монгольскихъ и финскихъ народовъ, прямо противоположна индо-европейскимъ мифологіямъ, въ которыхъ солнце представляется женщиной, а мѣсяцъ мужчиной, или на оборотъ ⁽⁴⁾. Только одни лопари сходятся въ этомъ отношеніи съ народами индо-европейскими. По ихъ вѣрованію, луна — женщина, а солнце — супругъ ея ⁽⁵⁾.

Солнце имѣетъ огромное вліяніе на судьбу человѣка и по

⁽¹⁾ Иакинѣа исторія народовъ Ср. Аз.

⁽²⁾ Черная Вѣра.

⁽³⁾ Все это впрочемъ не доказательство: въ нашей мифологіи полъ небесныхъ свѣтилъ постоянно переиживается. Едва ли мнѣ первона-
чальныхъ народовъ могутъ имѣть ту прочность, которую приобрета-
ютъ впоследствии въ твореніяхъ поэтовъ.

Ред.

⁽⁴⁾ Grimm: Deutsche Mithologie, s. 666.

⁽⁵⁾ Eckermann: Religionsgeschichte B. IV.

этому пользуется большимъ уваженіемъ у всѣхъ шаманистовъ; лопари считаютъ его матерью всего живущаго. Когда житель сѣверной Америки коняга собирается на промыселъ въ море, то вставши до солнечнаго восхода, садится на свой шалашъ или на пригорокъ и смотря на то, какъ поднимается солнце, рѣшаетъ ѣхать или нѣтъ ⁽¹⁾. Самоѣдь старается высказать солнцу свое повиновение и слѣдованіе законамъ его. При восходѣ солнца онъ обращается къ нему и говоритъ: „какъ ты, Ийлеумбаертъ, выходишь, такъ и я встаю!“ при закатѣ же самоѣдь произноситъ: „какъ ты, Ийлеумбаертъ, заходишь, такъ и я отправляюсь отдыхать!“ ⁽²⁾. Древніе финны съ особеннымъ уваженіемъ и любовію обращались къ солнцу; финскій пастухъ поетъ: „о, солнце, покажи мнѣ свои очи, блесни своими бровями! А я покажу тебѣ твою *хозяйку* изъ пещеры; она ткеть золотую ткань, она трудится надъ серебряною тканью. Перервала она по поламъ золотую нить, разодрала на двое серебряную пряжу. Плачетъ объ этомъ дѣвица; не плачь, молодая дѣвушка!“ ⁽³⁾. Хозяйка солнца его богиня, золотыя и серебряныя нити-лучи, солнечныя; они разрываются, — значитъ приходитъ ночь.

Солнце и мѣсяцъ иногда вступаютъ въ брачный союзъ съ женщинами. Вотъ что рассказываетъ, напр., бурятская легенда ⁽⁴⁾.

„Въ глубокой древности, въ дремучемъ лѣсу жилъ съ женою и дѣтьми одинъ человекъ, кормившійся трудами рукъ своихъ. Однажды, въ его отсутствіе, мать послала свою дочь за водою на ключъ, находившійся далеко отъ юрты. Дѣвушка пришедши на ключъ, заслушалась тамъ пѣнія птичекъ, прилетавшихъ пить. Мать, долго ждавши свою дочь, наконецъ потеряла терпѣніе и вскричала: „чтобъ взяло ее солнце!“ Едва она успѣла произнести это, какъ солнце и мѣсяцъ стали быстро спускаться со своихъ

⁽¹⁾ Путешествіе въ Русскую Америку Хвостова, ч. II, стр. 25.

⁽²⁾ Письма Кастрена: Современникъ 1845 г. № 7, стр. 61.

⁽³⁾ Eckermann: Religionsgeschichte B. W., s. 167.

⁽⁴⁾ Сообщена Н. С. Б.—вымъ.

мѣстъ на небѣ, стараясь опередить другъ друга. Дѣвочка одной рукой укрѣпилась за кустъ, а другою держала кувшинъ. Солнце схватило ее, но она держалась такъ крѣпко, что выдернула кустъ. „Теперь, говоритъ солнце, есть у меня спутница, съ которою я могу весело проводить время!“ Но луна стала просить у солнца дѣвушку себѣ: „Я хожу одна, сказала, она, да и при томъ ночью, а ночной путь опасенъ, ты же ходишь днемъ и можешь обойтись безъ спутницы!“ Солнце уступило дѣвушку и тихо, вмѣстѣ съ луною, поднялось на небо. Но на лунѣ показались съ тѣхъ поръ темныя пятна, которыхъ прежде не было.“ ⁽¹⁾ По вѣрованію тунгусовъ, луна изъ любви къ дѣтямъ, беретъ ихъ живыми отъ родителей ⁽²⁾. Одна монголка въ лѣтописи Алтанъ Тобчи ⁽³⁾, говоритъ: „бывало, въ темную ночь, мѣсяцъ, въ видѣ мальчика, входитъ въ мою юрту, и она озаряется свѣтомъ; погладивъ животъ мой, онъ, выходя изъ юрты, превращался въ рыжую, лысую собаку, которая, облизываясь, выходила въ правую дверь. Соображая это, я думаю, что дѣти мои родились по опредѣленію неба,“ т.-е. прижиты съ мѣсяцемъ, посланнымъ небомъ.

Финская легенда говоритъ, что солнце, мѣсяцъ и звѣзды сватаются на прекрасной дѣвѣ *Киликки* за своихъ сыновей. Невѣста даетъ такіе отвѣты: „не хочу я идти къ мѣсяцу, потому что лицо его постоянно измѣняется: то является узкимъ, то полнымъ и широкимъ. Ночью онъ въ движеніи, а днемъ отдыхаетъ, поэтому его хозяйство не устроено“. Солнцу невѣста отвѣчаетъ: „не хочу я идти къ солнцу, потому что оно походитъ на злаго человека: лѣтомъ мучить оно зноемъ, зимой же — холодомъ. Во время жатвы оно посылаетъ продолжитель-

⁽¹⁾ Поразительно-сходно объясняетъ лунныя пятна древне-германская мифологія: „луна взяла съ земли двухъ дѣтей, которые черпали воду изъ источника и несли на коромыслѣ ведро. — *Altdeutsche Religion, von Müller. 1844. s. 161.*

⁽²⁾ Georgi Bemerkungen einer Reis. im Russ. Reich. Th. 1, s. 276.

⁽³⁾ Записки Археолог. Общ. т. XIV. Алтанъ-Тобчи, стр. 5.

ные дожди, а при всходѣ хлѣба производить засуху.“ Благопріятный отвѣтъ получаетъ только звѣзда: „охотно пойду я къ звѣздѣ, потому что она добра; постоянно дома и прелестна въ своемъ отечествѣ, на плечахъ Большой Медвѣдицы, на спинѣ семизвѣздія (1).“

Лапландцы приписываютъ лунѣ вліяніе на зачатіе и рожденіе дѣтей (2). Беременная женщина уподобляется у нихъ лунѣ; по лунѣ же предсказываютъ судьбу и качества ребенка. Если ближайшая къ лунѣ звѣзда надъ нею, то родится мальчикъ, если же звѣзда стоитъ подъ луною, — то дѣвочка. Если звѣзда предшествуетъ лунѣ, то дитя вырастетъ высокимъ и здоровымъ, если же звѣзда находится позади луны, то ребенокъ будетъ слабый или вскорѣ послѣ рожденія умереть. Звѣзда, сопровождающая луну, исполняетъ у послѣдней должность слуги и вѣстника.

Солнце, луна и звѣзды представляются существами всезнающими, любящими правду и истину. Присягающій якутъ обращается къ солнцу и говоритъ: „если я присягнулъ несправедливо, то да лишитъ меня солнце свѣта и теплоты.“ Буряты и шаманисты и даже христіане призываютъ солнце въ свидѣтели своей невинности; они говорятъ: „видитъ солнце“, „видитъ Богъ и солнце.“ Тунгусы вѣрятъ, что солнце наблюдаетъ за поведеніемъ человѣка и наказываетъ его за худыя дѣла (3).

Солнцу и лунѣ нѣкоторые азіатскіе государи приписывали свое поставленіе на царство. Хуннускіе паньюи, такъ обыкновенно начинали свои грамоты къ китайскому императору: „рожденный небомъ и землею, поставленный солнцемъ и луною“ (4).

Луна имѣла еще то значеніе у среднеазиатскихъ народовъ,

(1) Kastren, Vorlesungen über d. fin. Mith. S. 54.

(2) Eckermann, Religionsgeschichte B. IV, S. 166; Schefferi Lapponia, pag. 296.

(3) Georgi, Bemerkungen. S. 275.

(4) Исторія народовъ Средней Азіи. Іакинѣа, ч. I, стр. 28.

что служила указательницею времени имѣла вліяніе на дѣла людей. Народы тугю обыкновенно предъ полнолуніемъ производили набѣги и грабительства (1). Монголы выступали въ походъ и начинали другія важныя дѣла иначе, какъ въ полнолуніе или пололуніе (2). Хунны тоже предпринимали дѣла, сообразуясь съ положеніемъ луны и звѣздъ: въ полнолуніе шли на войну, при ущербѣ отступали (3).

Кромѣ того, луна имѣетъ вліяніе на нѣкоторые нравственные отправленія человѣка. Она посылаетъ людямъ, по мнѣнію тунгусовъ, вѣщіе, пророческіе сны (4).

Звѣзды—предметъ поклоненія всѣхъ шаманистовъ древнихъ и новыхъ. Древніе монголы особенно уважали и поклонялись созвѣздію *сели старцевъ*, или Большой Медвѣдицы; этому созвѣздію приносили въ жертву молоко, кумысъ и посвящали животныхъ. Монголы поклонялись также созвѣздію *девяти старцевъ*, что было, безъ сомнѣнія, причиною явившагося въ послѣдствіи обожанія девяти тэнгриевъ, *югозападныхъ царей* (5). Девять большихъ звѣздъ и созвѣздіе Большой Медвѣдицы пользовались особеннымъ почитаніемъ у многихъ народовъ. Такъ напр. на о—въ Цейлонъ десять звѣздъ считались до того сильными, что ихъ опредѣленія не могъ отмѣнить никакой богъ (6).

Особенное уваженіе самоѣды, лопари и финны чувствуютъ къ полярной звѣздѣ; древніе финны называли ее перломъ между всѣми звѣздами (7). Буряты и якуты съ особеннымъ благоговѣніемъ поклоняются планетѣ *солбогъ* (Венерѣ). Остатки, по

(1) Ibid. стр. 269.

(2) Банзаровъ; Плато-Карпини, стр. 87.

(3) Исторія Іакинѣа, ч. I, стр. 16.

(4) Georgi Bemerkungen, th. I, S. 275.

(5) Черная Вѣра, стр. 73.

(6) Stühr Religionsgeschichte der Orients, B. I, S. 283.

(7) Kastren Vorlesungen, S. 59.

словамъ Бѣлявскаго, обожаютъ и звѣзды, которыя имъ служатъ путеводителями въ неизмѣримыхъ степяхъ ⁽¹⁾.

Звѣзды, по понятію древнихъ и нынѣшнихъ монголовъ, имѣютъ власть доставлять людямъ здоровье и долголѣтіе, увеличивать ихъ богатства, умножать стада ⁽²⁾. Тунгусы вѣрятъ, что каждый человекъ имѣетъ на небѣ свою звѣзду-покровительницу, оказывающую большое вліяніе на судьбу его ⁽³⁾. На вѣрѣ въ это вліяніе звѣздъ основывалось занятіе мифологіей у древнихъ шаманистовъ. Такъ напр. татарскіе шаманы изучали положеніе и значеніе звѣздъ и предсказывали по нимъ будущее ⁽⁴⁾. Лапландцы, какъ уже сказано, по звѣздамъ предсказываютъ свойства, полъ, здоровье ребенка, находящагося въ утробѣ матери.

Ни одно изъ естественныхъ явленій, такъ не страшно для язычника, какъ затмѣніе солнца и луны. Причиною этого явленія всѣ язычники считаютъ темную силу, которая хочетъ погубить благодѣтельные свѣтила. По индійскому вѣрованью, солнце и луну глотаешь змѣй, по древне-нѣмецкому — за свѣтилами гонятся и стараются проглотить ихъ два волка. Китайцы говорятъ, что на солнце и луну нападаетъ драконъ. Во время затмѣнія, съ цѣлью испугать чудовище, овладѣвшее свѣтиломъ, язычники производятъ крикъ, стукъ, шумъ. Гренландцы при лунномъ затмѣніи выносятъ на крышу дома огонь. Африканскіе Мавры бѣгаютъ, стрѣляютъ въ солнце изъ ружей, кричатъ на чудовище, которое, по ихъ словамъ, „хочетъ пожрать свѣтило дня“ ⁽⁵⁾.

Буддійскій мифъ, принятый отчасти и монголами-шаманистами, такъ рассказываетъ о затмѣніи. *Раха*, одинъ изъ злыхъ

⁽¹⁾ Путешествіе къ Ледовитому морю, стр. 102.

⁽²⁾ Черная Вѣра, стр. 73.

⁽³⁾ Georgi Bemerkungen, th. I, S. 276.

⁽⁴⁾ Сибирскій Вѣстникъ, 1824 г., кн. IV, стр. 246.

⁽⁵⁾ Jacob Grimm. Deutsche Mithologie, S. 669, 670.

духовъ, однажды хлѣбнулъ украдкой *расаяны*, блаженного напитка небожителей, но былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія солнцемъ и луною. Поступокъ Рахи былъ доведенъ до свѣдѣнія Вишну. Чародержецъ однимъ взмахомъ своего страшнаго оружія отсѣкъ голову дерзкому святотатцу. пылая местию къ солнцу и лунѣ, Раха старается проглотить свѣтила и тѣмъ производить затмѣнія. Съ цѣлью испугать Раху и отогнать его отъ свѣтила, монголы производятъ страшную кутерьму. „Представьте себѣ, говоритъ очевидецъ, крикъ и вой во все горло болѣе 800 дикарей, при громѣ, визгѣ и пискѣ отвратительной музыки, бѣснующихся на пространствѣ какихъ-нибудь двухъ верстъ; прибавьте къ этому пальбу изъ ружей, стрѣльбу изъ луковъ, бросанье къ небу копій, топоровъ, ножей и палокъ, лай собакъ, ржанье коней, мычанье коровъ, блеянье овецъ, какъ бы дополнявшихъ тысячами голосовъ оглушительный оркестръ неистовыхъ хозяевъ,—наконецъ, палъ, пущенный старухами, которыя кидали головнями въ страшнаго Раху ⁽¹⁾“.

Буряты-шаманисты объясняютъ затмѣніе еще тѣмъ, что какой-то огромный ракъ старается съѣсть свѣтила. Камчадалы, по словамъ Крашенинникова, не знаютъ причины солнечныхъ и лунныхъ затмѣній; но когда они случаются, то выносятъ на крышу огонь и приказываютъ свѣтилу сіять по прежнему. Мифическія сказанія о затмѣніяхъ у остальныхъ шаманистовъ почти тѣ же самыя, какъ и приведенныя выше.

Утренняя и вечерняя заря, вѣтеръ, дождь, туманъ; все это считается у шаманистовъ или божествами или дѣйствіями, произведеніями ихъ. Въ настоящее время впрочемъ эти божества затмѣнены духами и почти не сохранилось сказаній о нихъ, какъ о божествахъ самостоятельныхъ; поэтому мы будемъ говорить о нихъ въ отдѣлѣ о богахъ.

Земля и вода.

За небомъ, въ ряду шаманскихъ божествъ, слѣдуетъ *земля*.

⁽¹⁾ Амуръ 1860 г. № 7, стр. 99 и 101.

Народы Азіи, въ періодъ своего младенчества, почитали землю благодѣтельнымъ божествомъ и представляли ее подъ образомъ милосердой матери, дающей бытіе и пропитаніе всѣмъ живущимъ на ней существамъ. Народы хунну и тугю, по словамъ китайскихъ лѣтописей, приносили жертвы земли (1). Монголы издавна боготворили землю; они олицетворяли ее въ богинѣ *Этуганъ*, которую называли владычицей природы. Ей приносили въ жертву молоко, кумысъ и чай, умоляли о плодородіи, боялись и благоговѣли передъ ней, называя, въ знакъ производительности и сокровищъ ея, *золотою* (2). Это обожаніе сохранилось до сихъ поръ между монголо-бурятами, которые приносятъ ей жертвы и называютъ ее „мать“, „мать протяженная земля.“ Землю монголы олицетворяютъ въ богинѣ *Этуганъ*, которая представляется преклонною старухой и живетъ во внутренности земли. Вотъ что рассказываетъ объ этой богинѣ одна бурятская легенда (3): „Разъ три брата охотились вмѣстѣ, и нашли въ Болхонской горѣ (Иркут. губ. Идинскаго вѣдомства) отверстіе, дна котораго не было видно. Они рѣшились изслѣдовать это подземелье и спустили въ него старшаго брата Мадаю. Онъ очутился въ подземной пещерѣ и примѣтилъ въ стѣнѣ ея дверь, черезъ которую Мадай вошелъ въ великолѣпную комнату, облитую яркимъ свѣтомъ. Около стѣнъ этой комнаты стояли не закрытые сундуки, полные золота и серебра; по срединѣ было возвышеніе, на которомъ лежала старуха, Мать-Земли. Послѣ усерднаго ей моленія, Мадай набралъ сколько могъ золота, подаль братьямъ условный знакъ и былъ поднятъ. Желая пріобрѣсть себѣ и доставить братьямъ богатство, онъ нѣсколько разъ спускался въ подземелье и возвращался съ грудой золота. Но корыстолюбивые его братья захотѣли одни завладѣть золотомъ и, обрубивши веревку, на ко-

торой спускался Мадай, ушли домой. Мадай, брошенный въ подземелье, считалъ себя погибшимъ; три дня и три ночи провелъ онъ въ молитвѣ и такъ изнурился, что упавъ, не имѣлъ силы подняться. Вдругъ камень, на которомъ онъ лежалъ, сталъ пошевеливаться, потомъ двигаться по направленію къ отверстію и скоро вынесъ Мадаю изъ пещеры.“ Эта легенда показываетъ, что богиня *Этуганъ* владѣетъ сокровищами земли, покровительствуетъ несчастнымъ, любитъ добрыхъ и поклоняющихся ей. Земля, по вѣрованію тунгусовъ, божество благодѣтельное, подающее человѣку всякія блага (1). Народы финскаго племени также обожаютъ землю. Древніе финны поклонялись ей и называли ее „мать-земля.“ Финны также, какъ и монголы, олицетворяли землю въ богинѣ ея — „матери земли,“ „хозяйкѣ земли.“ Ганандеръ рассказываетъ, что древніе финны считали мать-земли сильною богиней и просили ее о дарованіи людямъ силъ и крѣпости: „поднимись изъ земли, Мать-Земли, и даруй мнѣ силу и крѣпость!“ Въ *Калевалѣ*, мать земли призывается вмѣстѣ съ другими божествами поспѣшить на помощь угнетеннымъ (*Rune X, Vers 217*). Въ другомъ мѣстѣ той же поэмы, ее молятъ сообщить землѣ питательную силу, при чемъ молящійся обращается и къ самой землѣ: „Древняя, живущая подъ нами, мать земли, хозяйка земли, ускори растеніе травы, побуди къ тому землю! Встань, земля, отъ сна, очнись отъ дремоты, поле; произражай полнѣе и выше стебли, заставь тысячи колосковъ подняться и пустить сотни вѣтвей, на моихъ пашняхъ, на моихъ посѣвахъ“ (2)!

Финской *Маа-емли* соответствуетъ лопарская *Мадеракка* и эстонская *Маа-Эмла*. Последняя заботится не только о плодородіи земли, но и о плодородіи женщинъ (3). Самоѣды почита-

(1) Черная Вѣра; стр. 75.

(2) Ibid.; стр. 75—77.

(3) Иркутск. Губерн. Вѣдомости 1857 г., № 8, стр. 4.

(1) Georgi. Bemerkungen eines Reis. S. 276.

(2) Rune II, V. 301; Kastren's Vorlesungen S. 86—88.

(3) Ibid, S 89.

ють землю въ олицетворенномъ геніи ея, носящемъ названіе „пупа земли“⁽¹⁾.

Какъ отъ обожанія неба вообще, шаманистъ перешелъ къ обожанію частей его — свѣтилъ, такъ и поклоняясь землѣ вообще, онъ обожаетъ ея частности — воды, горы, лѣса, скалы, острова. Въ настоящее время весьма немногіе шаманисты считаютъ эти предметы самостоятельными, личными божествами, а только — мѣстами пребыванія духовъ. Но личность многихъ изъ послѣднихъ до того еще не выяснена, что они извѣстны только по имени и понятіе о нихъ сливается съ понятіемъ объ упомянутыхъ предметахъ. Другіе же духи „владѣтели“ лѣса, воды и т. п. отчетливо представляются шаманистами существами живыми, дѣйствующими и совершенно отдѣльными отъ предметовъ. О первыхъ духахъ мы будемъ говорить здѣсь, а о послѣднихъ — въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

Горы и скалы почитались народами Азіи, и въ томъ числѣ монголами, съ глубокой древности; изъ китайскихъ лѣтописей видно, что жертвоприношеніе и поклоненіе горамъ, было обыкновеннымъ дѣломъ у азіатскихъ государей. „Сынъ неба принесть жертву горѣ,“ „сынъ неба отправился для жертвоприношенія горѣ,“ — вотъ обыкновенныя выраженія объ этомъ почитаніи китайскихъ лѣтописей⁽²⁾. Древніе Монголы поклонялись и дѣлали возліаніе кумыса многимъ горамъ и скаламъ, напр. *Бурханъ-Халдану*, горѣ, около которой кочевали предки *Чингиса*, *Мона-Хану*, *Гэктэй Хуну* и другимъ⁽³⁾. Нынѣ монголо-буряты поклоняются и присягаютъ передъ одною скалою на байкальскомъ островѣ Ольхонѣ, на которой, по преданію, лежить одинъ изъ котловъ Чингисъ-хана. При истокѣ Ангара изъ Байкала изъ воды возвышается скала, извѣстная подъ именемъ *шаманскаго камня*. Этому камню буряты поклоняются

(1) Письма Кастрена въ Соврем. 1845 г. № 7, стр. 61.

(2) Исторія народовъ Средн. Азіи, ч. I, стр. 464 и друг.

(3) Черная вѣра, стр. 82.

до нынѣ и присягаютъ на немъ. Подозрѣваемаго въ преступленіи бурята, сажаютъ въ легкій стружекъ и одного отправляютъ къ камню, около котораго шумитъ и бурлитъ, разбивая о него свои волны, необыкновенно быстрая въ этомъ мѣстѣ Ангара. На этомъ камнѣ подозрѣваемый долженъ присягнуть въ своей невинности, и если онъ невредимо вернется на берегъ, то признается совершенно невиноватымъ. На этомъ камнѣ живетъ душа знаменитаго шамана *Мунгуту Зарина*⁽¹⁾.

Камчадалы, курильцы и алеуты имѣютъ много священныхъ горъ и скалъ. Такъ объ островѣ Алаидѣ, состоящемъ изъ одной только горы, курильцы имѣютъ слѣдующую легенду: эта гора стояла прежде посреди озера, но такъ какъ она была выше прочихъ горъ и отнимала у нихъ свѣтъ, то между ними были частыя ссоры, во избѣжаніе которыхъ Алаидъ удалась отъ горъ и стала въ уединеніи на морѣ. Въ память же своего пребыванія на прежнемъ мѣстѣ, она оставила тамъ свое сердце, — это конической формы камень, возвышающійся посреди озера⁽²⁾. Объ одной священной горѣ, имѣющей видъ челнока, камчадалы рассказываютъ, что богъ Кутху, въ бытность свою въ Камчаткѣ, ѣздилъ на этомъ челнокѣ по морю и озерамъ для ловли рыбы. Эту гору камчадалы такъ уважаютъ, что боятся подходить къ ней⁽³⁾. Огнедышашія горы (сопки), которыхъ такъ много въ Камчаткѣ, пользуются особеннымъ уваженіемъ и внушаютъ туземцамъ благоговѣйный страхъ⁽⁴⁾.

Кромѣ горъ и скалъ, шаманисты почитаютъ небольшіе камни, почему нибудь замѣчательные. Нѣкоторые сибирскія племена имѣютъ обыкновеніе носить съ собою маленькіе камешки, считая ихъ божествами. Каменные *сейды*, идолы лопарей, обыкновенно состоятъ изъ грубыхъ и необдѣланныхъ камней, которые

(1) См. о немъ въ слѣд. отдѣлѣ.

(2) Крашенинникова описаніе Камчатки ч. I, стр. 108.

(3) Ibid. стр. 68.

(4) Ibid. ч. II, стр. 177.

лопары вытаскиваютъ изъ воды. Гегстремъ говоритъ ⁽¹⁾, что онъ не замѣтилъ въ каменныхъ сейдахъ никакого подобія чело-вѣка или животныхъ, они, впрочемъ, имѣютъ необыкновенный видъ и представляютъ собою шероховатые и негладкіе камни. Кастренъ имѣлъ случай видѣть нѣсколько древнихъ каменныхъ сейдъ и говоритъ, что онѣ состоятъ изъ обыкновенныхъ камней, только въ формации ихъ есть что-то особенное ⁽²⁾. Древніе финны поклонялись и камнямъ. Божество моря имѣло свое сѣдалище на пестромъ камнѣ, на днѣ моря ⁽³⁾. На одномъ холмѣ сѣверной финляндіи лежитъ плоскій камень, обтесанный на подобіе стола. До сихъ поръ холмъ этотъ внушаетъ туземцамъ страхъ и ни одинъ входившій на него, говорятъ финны, не спускался здоровымъ ⁽⁴⁾.—Буряты также поклоняются до сихъ поръ необыкновеннымъ по чему нибудь камнямъ, считая ихъ спустившимися съ неба. Около г. Балаганска (иркутск. губ.) лежитъ огромный бѣлый камень, которому буряты приносятъ жертвы, особенно во время засухи, и утверждаютъ, что во время жертвоприношенія или вскорѣ послѣ него бываетъ дождь. Этотъ камень, говоритъ легенда, спустился съ неба на одну гору, потомъ перешелъ къ югу, въ Харгапайскій улусъ; Харгапайскіе буряты тотчасъ принесли ему жертву, но она, вѣроятно, не была принята, и камень снова перешелъ къ сѣверу, гдѣ лежитъ и нынѣ.

Лѣса, рощи и деревья считаются также божествами или, по крайней мѣрѣ, священными мѣстопробываніями духовъ. Эти рощи извѣстны у бурятъ Иркутской губерніи, какъ жилища *бумалъ бурхановъ*,—т. е. „сошедшихъ (съ неба) божествъ“. Въ 15 верстахъ отъ Баендаевской станціи по обѣимъ сторонамъ

⁽¹⁾ Reskrifaing ofver de til. Sver krona lydand Lapmark. стр.182., Kastren Vorlesungen.

⁽²⁾ Этногр. Сборн. вып. IV.

⁽³⁾ Vorlesungen üb. finn. Meth. S. 200.

⁽⁴⁾ Religionsgeschichte von Eckermann, B. IV, S. 120.

дороги, есть двѣ такихъ рощи. Буряты говорятъ, что *бумалъ-бурханъ* благоволилъ избрать ихъ своимъ жилищемъ. Вообще, между бурятами кудинскаго и верхоленскаго вѣдомствъ, сильно распространена вѣра въ *бумалъ-бурхановъ* и ихъ рощи. Проезжая мимо ихъ, буряты останавливаютъ лошадь, закуриваетъ трубку и поднимаетъ ее вверхъ, принося табачную жертву богу рощи; этотъ обрядъ называется: *поднять табакъ вверхъ* (*та-бѣхи дэши бариху*). Бумалъ-бурханамъ приносятся общественныя и частныя жертвы; во время засухи ихъ просятъ о дождѣ, а во время продолжительнаго ненастья о ведрѣ. Дурная погода бываетъ оттого, что мимо этихъ мѣстъ проходитъ какая нибудь женщина и, какъ существо нечистое, оскверняетъ ихъ. Поэтому бурятки всегда обходятъ и объѣзжаютъ рощи бумалъ-бурхановъ. — Буряты и монголы поклоняются и деревьямъ. Такъ на вершинѣ высочайшей изъ байкальскихъ горъ, *Хамаръ-дабанъ* стоятъ три березы, которымъ ѣдущіе мимо буряты поклоняются и приносятъ жертвы. Березы и пихты особенно уважаются бурятами. Священная палочка *жодо*, необходимая шаману при жертвоприношеніяхъ, дѣлается изъ березы. На священное значеніе этого дерева указываетъ слѣдующая легенда сибирскихъ туземцовъ и въ частности монголовъ: „въ Сибири прежде не было березъ, и никто не зналъ—что это за дерево. Незадолго до прихода русскихъ, появилось въ Сибири бѣлое дерево (береза); тогда шаманы предсказали народу, что его покорить бѣлый царь.“ — На священное значеніе пихты и вереса указываютъ слова одной, имѣющейся у меня шаманской пѣсни: „изъ деревьевъ лѣсныхъ лишь отъ пихтоваго дерева, и отъ вереса идетъ священный дымъ“. Кромѣ этихъ, всѣми шаманистами почитаются еще тѣ деревья, на которыхъ развѣшаются шкуры жертвенныхъ животныхъ. Еще Калевала рассказываетъ о Венемейненѣ, что онъ, убивъ медвѣдя, привезъ его домой. Во время пира, голову медвѣдя повѣсили на дерево и Венемейненъ пожелалъ, чтобы такими удовольствіями впредь

ублажалась Финляндія (1). Въ Калевалѣ упоминается одинъ дубъ, который носилъ названіе *божьяго дерева* (2). Финны и до нынѣ еще питаютъ къ нѣкоторымъ деревьямъ какое-то особенное уваженіе, такъ что неохотно срубаютъ ихъ, напр. такъ называемое *дерево лышаго*, т. е. сосну безъ смолы, *пень лышаго*, т. е. пенъ съ молодымъ отросткомъ (3).

У остальныхъ шаманистовъ у всѣхъ безъ исключенія есть священные рощи и деревья. Камчадалы почитаютъ напр. пихтовый лѣсъ, растущій по берегу р. Шемеча, не смѣютъ не только рубить, но и прикасаться къ нему, подѣ опасеніемъ смерти. Этотъ лѣсъ выросъ, по преданію, надъ тѣлами камчадаловъ, которые во время одного похода, питались лиственничною корою и умерли съ голода (4)—чуваши и черемисы называютъ свои священные рощи *кереметь*, здѣсь приносятъ жертвы злымъ духамъ. Прежде у каждой чувашской деревни была своя кереметь, въ многолюдныхъ же селахъ было ихъ по двѣ, по три и болѣе (5). Женщины ни подѣ какимъ видомъ не смѣютъ входить въ эти рощи (6).

Вмѣстѣ съ горами и лѣсами въ шаманской міеологіи стоитъ еще стихійное божество — вода. Всѣ шаманисты боготворятъ эту стихію, молятся ей и приносятъ жертвы. Клокочущая поверхность моря, спокойныя волны рѣки, шумный водопадъ, зеркальное озеро, цѣлебный ручей — все это поражаетъ дѣтски-поэтическое чувство дикаря, наполняетъ его сердце страхомъ и благоговѣніемъ къ бурной и въ тоже время прекрасной и полезной стихіи.

Монголы поклоняются многимъ рѣкамъ; одна рукопись пред-

(1) Kalevala, rune. XLVI, vers. 585.

(2) Ibid. Rune II, Vers 50.

(3) Этнографич. Сборникъ, вып. IV, стр. 252.

(4) Крашенинникова опис. Камчатки, ч. I, стр. 44.

(5) Журн. Мин. Вн. Дѣлъ 1851 г., ч. XXXVI, стр. 409.

(6) Georgi Bemerkungen ein. Reis. im Russland. S. 846.

писываетъ имъ дѣлать возліянія изъ кумыса слѣдующимъ рѣкамъ: Онону, Селенгѣ, Кэрэлэну, Желтой рѣкѣ и другимъ (1). Кромѣ рѣкъ, монголы большія озера, напр. Байкаль, Гузакуль, и воду ихъ, считаютъ святою и цѣлебною. Монгольскіе курьеры, почти каждый годъ приѣзжающіе въ Иркутскъ, берутъ изъ Байкала воду и увозятъ съ собою въ Монголію. Воду оз. Гузакула, пограничные буряты также употребляютъ вмѣсто лекарства, отъ боли въ животѣ (2). Нѣкоторыя рѣчки и ручьи, по мнѣнію бурятъ, могутъ производить дожди. Около крѣпости Тунки (Иркутской губ.), есть ручей *Аршанъ-усунъ*. Стоитъ побывать у него, и на другой день начинается ненастье; оттого во время сѣнокоса никто не смѣетъ приближаться къ этому ручью (3). Минеральные источники пользуются особеннымъ уваженіемъ шаманистовъ; нынѣшніе буряты считаютъ ихъ мѣстами пребыванія *бумаль-бурхана*. Въ Идинскомъ вѣдомствѣ, Шаралдайскомъ родѣ, былъ одинъ источникъ, водою котораго лечили глазныя болѣзни. Но лѣтъ тридцать назадъ, онъ скрылся и вышелъ изъ-подъ земли съ совершенно противоположной стороны. Скрылся же онъ потому, говорятъ буряты, что оскверненъ одной женщиной развратнаго поведенія, которая, будучи больна глазами, умылась въ этомъ ручьѣ и перешагнула черезъ самый истокъ. Въ маѣ мѣсяцѣ около источника приносится общественная жертва бумаль-бурхану. Отправляясь на минеральныя воды, буряты берутъ съ собою вина, мяса, сметаны, вереса и пихтовой коры. Всякій бурятъ долженъ у истока минеральнаго ручья привязать какой-нибудь лоскутокъ, потомъ брызгать въ ручей виномъ, а когда сварится мясо, то бросить кусокъ самага жирнаго мяса въ воду и три ложки сметаны въ огонь. По совершеніи этихъ жертвъ, начинается пирушка.

Точно такъ же какъ буряты, поклоняются водѣ и всѣ дру-

(1) Черная Вѣра. Банзарова, стр. 82.

(2) Шуккина. Шаманство у народовъ Сѣв. Аз. ст. I, стр. 38.

(3) Ibid. стр. 39.

гіе шаманисты. Вотяки приносятъ ей въ жертву козу и пѣтуха (1); остяки и многія племена самоѣдовъ особенно почитаютъ р. Обь и приносятъ ей въ жертву оленей; татары южной Сибири имѣютъ обыкновеніе бросать въ воду передъ пиршествомъ или обѣдомъ кусокъ мяса или другой пищи. Финны, эсты и лопари, почитали и почитаютъ воду. Многія рѣки и озера въ Финляндіи еще до нынѣ называются — *св. озеро, святая рѣка, святая вода*. По вѣрованію всѣхъ шаманистовъ, вода, — какъ божество чистое и святое, не терпитъ ничего не чистаго и преступнаго. По словамъ бурятовъ, *святое море Байкаль*, выбрасываетъ изъ себя всѣ нечистоты; нѣкоторые ручьи, почитаемые шаманистами, производятъ грозу и ненастье, если въ нихъ бросить какую-нибудь нечистоту (2); другія воды скрываются изъ за этого, удаляются отъ людей. Вотъ что разсказываетъ одна эстонская легенда о священномъ озерѣ *Еймъ*. На берегу его жили дикіе, злые люди; они не косили луговъ, которые орошало озеро, не заѣзжали полей, которыя оно оплодотворяло, — они только разбойничали, убивали, и кровь убитыхъ мутила свѣтлыя волны озера. Озеро оскорбилось этимъ. Однажды вечеромъ оно собрало всѣхъ своихъ рыбъ и вмѣстѣ съ ними поднялось на воздухъ. Когда разбойники услышали шумъ, то закричали: „Еймъ поднялось и оставило намъ свои сокровища и рыбу!“ но рыбы поднялись вмѣстѣ съ озеромъ и на сухомъ днѣ его не нашлось ничего, кромѣ змѣй, ящерицъ и жабъ, которые вышли на берегъ и поселились въ сосѣдствѣ разбойниковъ. Еймъ же поднималось все выше и подобно бѣлому облаку летало въ воздухѣ. Цѣлую ночь висѣло оно надъ землею, поутру жнецы увидѣли, какъ оно стало опускаться... Наконецъ, оно спустилось на новое мѣсто. Жители устроили его русло, сдѣлали плотины, по берегамъ насадили деревьевъ. Озе-

(1) Georgi Beschreibung all. russisch. Nation. S. 62.

(2) Iac. Grimm. Deutsche Mithologie, S. 565.

ро оплодотворило страну; пашни зеленѣли, и жители плясали вокругъ озера; даже старики сдѣлались юношески веселыми (1).

Происхожденіе міра и человѣка.

Небо считается шаманистами *отцомъ міра*, а земля — *матерью міра*. „Отецъ, плѣшивое небо, мать, — протяженная земля!“ часто слышится въ молитвахъ бурятскихъ шамановъ. „Отецъ и мать всѣхъ вещей“, — говоритъ китайская религія — „небо и земля“ (2). Представляя небо мужескимъ, оплодотворяющимъ, а землю женскимъ, оплодотворяемымъ началомъ, шаманисты вѣрили нѣкогда, что отъ нихъ произошла вселенная. Хотя мы мало знаемъ объ этомъ вѣрованіи, однакожъ можемъ догадываться — въ чемъ оно состояло, по намекамъ нѣкоторыхъ молитвъ и заклинаній шаманскихъ. Изъ монгольской молитвы къ огню видно, что небо и земля были нѣкогда слиты, т.-е. составляли хаосъ. Неизвѣстно отъ какихъ причинъ произошло отдѣленіе неба отъ земли, что и дало бытіе огню и, по всей вѣроятности, прочимъ вещамъ. Кромѣ монголовъ это вѣрованіе въ первобытный хаосъ и отдѣленіе неба отъ земли сохранили камчадалы. Кутху, говоритъ ихъ мифологія, *снесъ землю съ неба*, т.-е. отдѣлилъ отъ него, и утвердилъ на морѣ (3). Гораздо опредѣленнѣе говоритъ японская сага: „въ началѣ небо и земля были слиты; было только мужское и женское начало; ни одно изъ нихъ не произошло изъ другаго. Въ хаосѣ, имѣвшемъ видъ яйца были сѣмена всѣхъ вещей. Чистыя и свѣтлыя частицы поднялись вверхъ и образовали небо, а тяжелыя и темныя опустились внизъ и образовали землю (4).

Съ паденіемъ фетишизма, мифы шаманистовъ о происхож-

(1) Ibid. стр. 566.

(2) Le Chou-King, pag. 150.

(3) Крашенинникова, Опис. Камчатки.

(4) Migne, Dictionnaire des toutes religions, tom. IV, p. 1181.

деніи міра отъ союза неба и земли уступило мѣсто вѣрованію въ сотвореніе его тѣми богами, которые замѣнили собою небо и землю, какъ божества. Дошедшія до насъ легенды объ этомъ сотвореніи хотя и носятъ на себѣ слѣды библейскаго вліянія, однакожъ въ нихъ преобладаетъ элементъ шаманско-миѣическій. Важную роль здѣсь играетъ у однихъ народовъ *птица*, у другихъ *айцо*, понятія очевидно родственныя, а у нѣкоторыхъ — *огонь*. Приведемъ эти легенды.

Бурятская ⁽¹⁾. Въ началѣ было одно безпредѣльное море, на днѣ котораго лежали черноземъ и глина. Захотѣвши сотворить міръ, Богъ велѣлъ бѣлой гагарѣ нырнуть и достать глину со дна океана. Нырнувъ, гагара вынесла на носу красную глину и черноземъ. Она разбросала ихъ во всѣ стороны, отчего образовалась земная поверхность и начала производить всѣ роды растений. Такъ-какъ земля лежитъ на поверхности моря, то ее поддерживаетъ на своемъ боку огромная рыба ⁽²⁾. Имѣя на себѣ такую тяжесть, рыба иногда поворачивается съ боку-на-бокъ: вотъ причина землетрясеній.

По финскому эпосу вначалѣ ничего не было, кромѣ моря. Но орелъ, прилетѣвшій изъ Туріи, свилъ гнѣздо на колѣнахъ Вейнемейнена и положилъ въ него семь яицъ. Вейнемейненъ, почувствовавъ теплоту, пошевелился, — яйца упали на дно моря и разбились; изъ ихъ обломковъ Вейнемейненъ сотворилъ небо, землю, солнце, мѣсяцъ и звѣзды. При этомъ онъ говорилъ: „изъ нижней половины яйца да будетъ кора земная, изъ верхней половины — высокое небо, бѣлокъ да блеститъ на небѣ солнцемъ, желтокъ сіяетъ прелатною луною! Изъ остальныхъ частей яйца да будутъ небесныя звѣзды! ⁽³⁾“.

Мысль о сотвореніи земли и неба отъ птицы или изъ

⁽¹⁾ Записана въ Иркутскѣ, отъ Н. С. Болдонова.

⁽²⁾ Т.-е. *кумъ*, по бурятски *экэ джигасунъ* — огромная рыба.

⁽³⁾ Kalevala alte, Rune I, V. 306 — 315. Kastren's Vorlesungen, S. 289.

яйца, была еще у древнихъ восточныхъ народовъ. По древнеиндѣйскому сказанію, Богъ сотворилъ воды и положилъ въ нихъ *сма*, изъ котораго вышло яйцо, блестящее, какъ солнце. Въ этомъ яйцѣ возродилось высочайшее существо подъ формою брамы. По истеченіи года, Богъ раздѣлилъ яйцо на двѣ части, изъ которыхъ сотворилъ небо и землю ⁽¹⁾. По ассирійско-вавилонскому мѣу, въ началѣ положено было въ Ефратъ яйцо неба, рыба выбросила его на берегъ, голубь высидѣлъ это яйцо и изъ него началъ рождаться міръ. Основаніемъ всѣмъ этимъ мѣамъ, можетъ быть, служило представленіе міра существомъ живымъ, которое по этому должно было родиться изъ яйца.

Но не всѣ народы вѣровали въ происхожденіе міра изъ яйца или отъ птицы, нѣкоторые приписываютъ происхожденіе вселенной, дѣйствию огня или молніи. Такъ по египетской мѣологии супруга *Фты* (неба) *Кабира* произвела землю изъ ила и тины, бывшей въ первоначальной водѣ, а Фта оживотворилъ земную глыбу огнемъ жизни ⁽²⁾. У Карпатскихъ руссовъ есть сказаніе, что свѣтъ творилъ царь-огонь вмѣстѣ съ царицей-водой. Подобнымъ же образомъ объясняютъ твореніе и Забайкальскіе тунгусы.

Все пространство, занимаемое теперь землею, первоначально было покрыто водою. *Буга* (Богъ) послалъ на эту воду огонь, который сожегъ часть ея. Послѣ этого образовалась твердь, явилась земля, море и другія водныя вмѣстилища. Затѣмъ Буга произвелъ свѣтъ и отдѣлилъ его отъ тьмы. Но сошедши на землю, онъ встрѣтился съ *Бунинкою* (сатаною), который присвоивалъ твореніе міра себѣ. Стали они спорить. Буга истребилъ Бунинку, но не совсѣмъ. Послѣдній, желая отомстить Бугѣ, испортилъ сдѣланныя имъ двѣнадцати-струнныя

⁽¹⁾ Lois de Manou, въ Livres sacr. de l'Orient, trad. par Pauthier, page 333, 334.

⁽²⁾ Rinek. Religion d. Hellen. I, S. 66, 67.

гусли. Разгнѣванный Буга согласился признать могущество Бунинки только въ томъ случаѣ, если онъ велитъ вырасти изъ озера соснѣ; если же это сдѣлаетъ Буга, то Бунинка долженъ признать его могущество. Послѣ обоюднаго согласія, Буга велѣлъ вырасти изъ озера соснѣ, и она прекрасно выросла; Бунинкина же сосна не могла стоять прямо и постоянно качалась. Сатана призналъ тогда превосходство и могущество Буги и послѣдній, въ наказаніе Бунинкѣ, превратилъ черепъ его въ желѣзный. Чувствуя отъ этого нестерпимую боль, демонъ просилъ Бугу снять наказаніе; Буга исполнилъ его просьбу, только запретилъ ему вредить сотворенному тогда человѣку⁽¹⁾.

Верховный духъ, говоритъ древнеяпонскій мифъ, возникшій изъ первобытнаго хаоса, водворился на высотахъ небесъ и успокоился въ своемъ величіи. Потомъ явились два духа съ творческою силою, и началось небесное мірозданіе, но земля оставалась еще въ хаосѣ. Послѣдній изъ семи духовъ, управлявшихъ преемственно міромъ, вступилъ въ бракъ. Однажды онъ сказалъ своей женѣ: „надо же гдѣ нибудь быть обитаемой землѣ, поищемъ ее въ водахъ, кипящихъ подъ нами.“ Онъ погрузилъ въ воды копье, осыпанное дорогими камнями, и когда вынулъ его, то скатившіяся съ него капли сгустились и образовали величайшій изъ 8 острововъ, составившихъ потомъ міръ⁽²⁾.

Чувствуя зависимость человѣка отъ природы, сознавая тѣсную связь между ними, — первобытные люди выразили это понятіе объ отношеніи человѣка къ природѣ въ легендахъ о сотвореніи міра. Эдда всю природу создаетъ изъ трупа убитаго великана Имира: изъ крови — моря и всѣ воды, изъ тѣла — землю, изъ костей — горы, изъ зубовъ — утесы и скалы, изъ черепя — небо, изъ мозга — облака, изъ бровей — вселенную⁽³⁾.

(1) Сибирскій Вѣстникъ 1822 г. ч. XIX, стр. 33.

(2) Японія, въ Современникѣ т. XXXV.

(3) Буслаева о вліяніи Христ. на славян. языкъ, стр. 77.

Нѣкоторые камчадалы говорятъ, что Кутху сотворилъ міръ изъ тѣла своего сына⁽¹⁾.

Древнихъ шаманскихъ преданій о сотвореніи человѣка въ настоящее время отыскать весьма трудно. Изъ извѣстныхъ намъ легендъ, объ этомъ самая древняя — тунгузская. „Намѣревааясь сотворить человѣка, Буга принесъ отъ востока желѣзо, отъ юга — огонь, отъ запада — воду, отъ сѣвера — землю, и сотворилъ мужа и жену. Мясо и кости онъ создалъ изъ земли, сердце изъ желѣза, кровь изъ воды, а теплоту изъ огня“⁽²⁾.

Въ этомъ сказаніи видѣнъ осколокъ общаго сѣвернымъ и многимъ изъ южныхъ народовъ мифа о сотвореніи тѣла человѣка изъ различныхъ частей міра. Приведемъ здѣсь сказаніе древне-русской легенды: „отъ осьми частей Адамъ сотворенъ бысть, — отъ земли — тѣло, отъ моря — кровь, отъ солнца — очи, отъ облакъ — мысли, отъ камени — кости, отъ вѣтра — дыханіе, отъ огня — плоть“⁽³⁾.

Бурятское сказаніе о сотвореніи человѣка составлено изъ библейскаго. „Богъ, сотворивши человѣка, положилъ его въ свѣтлой комнатѣ, а самъ поднялся на небо за душою. Стражемъ у дверей упомянутой комнаты Богъ поставилъ собаку, которая была сотворена голою, между тѣмъ какъ человѣкъ — мохнатымъ. Пришелъ дьяволъ и сталъ просить собаку — впустить его къ человѣку; но она была вѣрна повелѣнію Бога — никого не впускать. Тогда, по волѣ дьявола поднялась ужасная буря и уstraшенная ею собака, оставила свой постъ. Дьяволъ вошелъ и наплевалъ на тѣло человѣка, вслѣдствіе чего оно лишилось волосъ и сдѣлалось смертнымъ. Собаку же Богъ наказалъ, покрывъ ея шерстью“⁽⁴⁾.

Подобное же сказаніе въ ходу между русскими крестьяна-

(1) Крашенинникова, Опис. Камчатки. ч. III, стр. 71.

(2) Сибирскій Вѣстникъ 1822 г. ч. XIX, стр. 34.

(3) Буслаева: Прибавл. къ Св. Русс. Нар. Сахарова, стр. 34.

(4) Записана въ г. Балаганскѣ Иркутской губерніи.

ми и черемисами Казанской губерніи. „Юма, — говорятъ послѣдніе, — сотворивъ тѣло человѣка, пошелъ въ другое мѣсто для сотворенія души, и велѣлъ псу караулить тѣло. Кереметь не замедлилъ явиться у тѣла; чтобы склонить на свою сторону караулившаго пса, онъ произвелъ такой холодъ, что песъ чуть не замерзъ, а когда кереметь далъ ему шерсть, то онъ изъ благодарности допустилъ его къ тѣлу. Кереметь охаркалъ его, чѣмъ и положилъ въ немъ зачатокъ всѣхъ болѣзней“ ⁽¹⁾.

Здѣсь считаемъ не лишнимъ привести нѣкоторыя шаманскія легенды о потопѣ, о происхожденіи народовъ, о кончинѣ міра. Всѣ эти легенды носятъ на себѣ ясныя слѣды библейскаго вліянія, но при всемъ томъ въ нихъ много чисто народной, шаманской фантазіи. Вотъ что разсказываютъ, напр., буряты Иркутской губерніи о потопѣ: „когда въ древности народъ сильно размножился и грѣшилъ, Богъ захотѣлъ погубить этихъ грѣшниковъ потопомъ, оставивъ одного праведнаго человѣка для продолженія рода человѣческаго послѣ потопа. Спустился Богъ на землю и нашедши здѣсь праведнымъ одного только Ноя, велѣлъ ему строить судно. Когда Ной выстроилъ, пошелъ дождь. Животныя по парѣ изъ каждаго рода вошли въ судно Ноя по одному его свисту. Вода поднималась выше и выше, люди и животныя начали тонуть. Корабль Ноя поплылъ. Дьяволъ превратился въ морскую мышь, которая прогрызла дно и бока корабля, вода начала заливать въ него. Ной молился Богу, который спустилъ съ неба бѣлую кошку, тотчасъ задавившую мышь. Дьяволъ оставилъ судно, а Ной вылилъ изъ него воду и законопатилъ дыры. По этому, говорятъ буряты, кошка чиста, кромѣ рыла“ (окончаніе легенды — чисто библейское).

Послѣ столпотворенія вавилонскаго, говорятъ буряты, явилось 73 народа и языка; чуваша Казанской губерніи возвышаютъ это число до 77. О своемъ происхожденіи нѣкоторые

⁽¹⁾ Этнографическій Сборникъ, вып. IV, стр. 210.

шаманисты сохранили до сихъ поръ преданія и легенды. Вотъ что разсказываютъ буряты: „въ глубокой древности около верхоленскихъ бурятъ жилъ одинъ человѣкъ. Онъ имѣлъ семерыхъ дѣтей и великое множество скота. Онъ до того притѣснялъ своихъ дѣтей, что они убѣжали за Байкаль и угнали съ собою скота своихъ родителей, не оставивъ имъ ни головы. Томимые печалью и голодомъ, отецъ и мать, долго искали своихъ дѣтей. Вотъ, однажды прибѣжалъ къ нимъ изъ Хоринска любимый ими сивый порозъ. Обрадованный старикъ принялъ его какъ сыновей и забылъ половину прежняго горя, говоря: „ай-да, сивый нашъ порозъ, не забылъ ты насъ, покинутыхъ своими дѣтьми!“ Они ухаживали за нимъ, гладили его по шерсти. Однажды силою небожителя Эцэгэ Малана ⁽¹⁾ тотъ порозъ притащилъ домой съ пастбища желѣзную зыбку, скованную желѣзными обручами и привязанную ему на шею. Старикъ испугался, увидѣвъ зыбку и предчувствуя, что заключала она въ себѣ. Онъ пытался было открыть ее, но не могъ, потому что она была окована нѣсколькими желѣзными обручами. По внушенію Эцэгэ Малана, старикъ принесъ восемь жертвъ и зыбка открылась сама собою. Тутъ увидѣлъ старикъ дитя въ пеленкахъ и взялъ его себѣ на воспитаніе. Старуха воспитывала дитя со всею материнскою любовью и заботливостью. Такимъ образомъ мальчикъ все росъ да росъ. На третьемъ году своей жизни мальчикъ все ходилъ для игръ на рѣку, изъ которой выходили и играли съ нимъ нѣсколько подобныхъ ему мальчиковъ, а потомъ уходили снова въ воду. Мальчикъ разсказалъ все это старику, который велѣлъ ему удерживать одного изъ этихъ мальчиковъ, говоря: „когда выйдутъ они изъ воды, то поймай ихъ посредствомъ невода.“ Такимъ образомъ, неводомъ пойманъ былъ одинъ изъ мальчиковъ, а прочіе убѣжали въ воду. Пойманнаго мальчика привели домой и начали воспитывать. Отъ пріобрѣтеннаго отъ Эцэгэ Малана произошли ку-

⁽¹⁾ Главный небожитель, см. отдѣлъ о духахъ.

динскіе, идинскіе и балаганскіе буряты; отъ втораго — верхоленскіе; первый называется Буха Ноеномъ, а послѣдній — Ихиритомъ.“

Огонь.

Слѣды почитанія огня мы находимъ у народовъ Средней Азіи съ глубокой древности. Византійскіе лѣтописцы говорятъ, что *Тую*, или алтайскіе турки боготворили огонь ⁽¹⁾. Въ донесеніи посольства, посланнаго Юстиніаномъ къ кагану, жившему при источникахъ Иртыша, упоминается о томъ, что пословъ очищали, проводя ихъ между двумя огнями. Русскіе князья во время монгольскаго ига также подвергались этому обряду, прибывши въ орду.

Монголы еще въ древности олицетворили огонь въ богинѣ *Утэ*, царицѣ огня. Но личность этой богини не выяснена и понятіе о ней сливается съ понятіемъ объ огнѣ. Вотъ какъ изображается *Утэ* въ шаманской свадебной молитвѣ: „матеръ *Утэ*, царица огня, сотворенная изъ дерева *Ильма*, растущаго на вершинахъ горъ *Хангай-Хана* и *Бурхату-Хана*! Ты, которая родилась при отдѣленіи неба отъ земли, произошла отъ стопы матери *Этүгэнь* и создана царемъ *тэнгриевъ*! Матеръ *Утэ*, коей отецъ — твердая сталь, мать — кремень, предки — ильмовые деревья; которой блескъ достигаетъ до неба и проникаетъ всю землю! Огонь, высѣченный *тэнгриемъ* и разведенный царицею *Улукхэнь*! Богиня *Утэ*, которой приносимъ въ жертву желтое масло и бѣлаго барана, имѣющаго желтую голову! у которой бодрый сынъ, прекрасная невестка и стройная дочь! Тебѣ, матеръ *Утэ*, всегда взирающая вверхъ, приносимъ вино чашами и жиръ пригоршнями. Даруй благополучіе царевичу (*эсениху*), царевнѣ (*невьстѣ*) и всему народу. Поклоняемся!“ ⁽²⁾.

⁽¹⁾ Банзаровъ, стр. 84.

⁽²⁾ Черная Вѣра, стр. 89.

Огонь, по понятію монголовъ произошелъ при отдѣленіи неба отъ земли. У финновъ же богъ огня *Пану* считался сыномъ солнца. Представляя солнце огненною массой, древніе финны принимали огонь за истечение изъ этой массы, или говоря словами руны, за „дита матери солнца.“ Такъ какъ солнце и огонь по сущности своей одно и то же, то почитаніе огня совпадало у финновъ съ почитаніемъ солнца и *Пану* поклонялись ни какъ самостоятельному божеству, а только какъ сыну солнца ⁽¹⁾.

Огню шаманисты приписывали и приписываютъ большое вліяніе на участь ихъ. Огонь очага считается у монголовъ необходимою принадлежностью каждаго дома, а богиня *Утэ* — хозяйкою. Новое лицо, вступающее въ семейство, должно прежде всего поклониться *Утэ* и поручить себя ея покровительству. Женихъ и невеста въ день свадьбы поклоняются и приносятъ жертву огню. Это дѣлается съ цѣлію испросить молодымъ благословеніе чадородія. У камчадаловъ есть слѣдующій религіозный обрядъ: дѣлаютъ изъ соломы идолъ *Пома* (богъ огня) и придѣлываютъ ему *membrum virile* сажени въ двѣ съ лишнимъ. Головой *Пома* кладутъ къ огню, а *membrum* привязываютъ къ потолку. Немного погодя, *membrum virile* отвязываютъ, свиваютъ кольцомъ и обжигаютъ конецъ его въ огнѣ. Потомъ начинаютъ махать имъ на стоящихъ въ юртѣ, приговаривая *уфай (подай)!* ⁽²⁾.

У якутовъ во время свадьбы, женихъ входитъ въ юрту и становится по правую сторону комелька, а отецъ и мать невесты — по лѣвую. Женихъ бросаетъ въ огонь коровьяго масла, становится на правое колѣно и преклоняетъ голову надъ выходящимъ отъ масла дымомъ. Шаманъ въ это время сидитъ на кровати и во всеуслышаніе призываетъ на жениха благополучіе, чадородіе и т. п. ⁽³⁾.

⁽¹⁾ Kastren's Vorlesungen. S. 55 und 57.

⁽²⁾ Описаніе Камчатки, ч. III.

⁽³⁾ Якуты, въ Ж. М. Вѣд. 1854 г. гл. VIII, стр. 27.

Огонь считается поборникомъ истины. Подозрѣваемый въ чемъ нибудь якутъ клянется передъ огнемъ, что если онъ солжетъ, то лишится отца, матери, жены, дѣтей, жизни, что душа его сойдетъ въ преисподнюю. По совершеніи клятвы шаманъ поливаетъ на огонь масло, а присягающій шагаетъ черезъ шаманское платье и бубенъ, лежащіе передъ огнемъ, и глотаетъ дымъ горящаго на кострѣ масла ⁽¹⁾.

Огонь очищаетъ людей, животныхъ и вещи отъ всего нечистаго. Послѣ смерти монгола, юрту очищали въ древности огнемъ, а бывшія въ ней вещи проносили между двумя огнями. Если громомъ убивало человѣка или животнаго, гдѣ нибудь около юрты, то она освящалась огнемъ съ особенными обрядами ⁽²⁾. Иноземные послы къ монгольскимъ ханамъ проводились между двумя огнями, чтобы очистить ихъ преступныя намѣренія. Нынѣ буряты, похоронивъ покойника и возвращаясь въ юрту, скачутъ, для очищенія, черезъ разложенный передъ нею огонь. Женщины послѣ родовъ очищаются огнемъ. Подобный обычай водится и у самоѣдовъ, при чемъ очищаемая окуривается сженою шерстью оленя ⁽³⁾.

Наконецъ, огонь считается у шаманистовъ божествомъ, карающимъ человѣка за его проступки. Многія, особенно наружныя болѣзни почитаются слѣдствіемъ гнѣва богини Уть. Якуты приписываютъ болѣзни гнѣву огня, а потому для излеченія больного стараются прежде всего умилостивить эту стихію.

Начавъ поклоняться огню, шаманисты въ то же время должны были установить и жертвы ему. Огонь на очагѣ можно поддерживать только удобосгораемыми веществами: отсюда явились жертвы огню, такъ частыя у шаманистовъ. Жертвы приносятся ежедневно, какъ только хозяева начинаютъ ѣсть. Было, сверхъ того, у монголовъ торжественное ежегодное жертвоприношеніе

⁽¹⁾ Ibid. стр. 19.

⁽²⁾ Черная Вѣра, Плано Карпини, гл. III.

⁽³⁾ Vorlesungen über die fenn. Mithol. стр. 58.

огню, вѣроятно во время поворота солнца на лѣто, какъ это дѣлалось у другихъ народовъ. Въ жертву приносились вещества удобосгораемыя — „вино чашами и жиръ пригоршнями.“ Запрещалось бросать въ огонь такія вещества, отъ которыхъ худой запахъ и дымъ; не позволялось плевать и лить воду на него, перешагивать, замахиваться оружіемъ; считалось грѣхомъ рубить возлѣ огня топоромъ, вынимать ножомъ мясо изъ котла, стоящаго на огнѣ, втыкать ножъ въ горячіе дрова ⁽¹⁾.

Въ такой же степени уважаютъ огонь и нынѣшніе шаманисты. Огонь до того считается священнымъ, что многіе шаманисты не выбрасываютъ изъ костра ни головень, ни углей, а даютъ имъ превратиться въ пепель.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Боги и духи.

Идея о двухъ началахъ — добромъ и зломъ, возникшая во времена фетишизма, вполне развилась и олицетворилась въ ученіи о богахъ. Всѣ мифологіи признаютъ два рода боговъ — добрыхъ и злыхъ, покровителей и враговъ, благодѣтельныхъ и зловредныхъ. Два эти лагеря, будучи различны по своей природѣ и по отношеніямъ къ человѣку, находятся между собою въ постоянной враждѣ. Кастренъ не допускаетъ такого дѣленія духовъ, говоря, что у алтайскихъ народовъ одни и тѣ же духи становятся въ различныя отношенія къ людямъ. Но мифологія монгольскихъ племенъ прямо говоритъ, что злые духи совершенно другіе существа, чѣмъ духи добрые. Тѣ и другіе постоянно борются между собою. Шаманы дѣлятся на *черныхъ* и *бѣлыхъ*, — первые служатъ злымъ духамъ, послѣдніе — добрымъ.

⁽¹⁾ Плано Карпини, стр. 89.

Все это ясно показываетъ присутствіе въ шаманствѣ идеи дуализма.

1. Первое мѣсто въ ряду добрыхъ божествъ занимаютъ *небо и земля*, олицетворенныя въ божественной четѣ. Это монгольскіе — *Эцэгэ Малангэ тэнгри* и жена его *Экэ Юренг тэнгри* ⁽¹⁾. Они живутъ на небѣ, въ огромныхъ палатахъ, съ нѣсколькими тысячами оконъ и сотнями дверей; занимаются скотоводствомъ и имѣютъ безчисленное множество табуновъ. Они оказываютъ благотворное вліяніе на всѣхъ бурятъ; если же захотятъ кого особенно осчастливить, то открываютъ двери неба, изъ которыхъ недолгое время льется необыкновенный, чудный свѣтъ. Если человѣкъ успѣетъ взглянуть на него и попросить чего нибудь, то молитва его будетъ непременно исполнена.

У якутовъ два первые небожителя называются *Ар-Тоенгэ* и *Кубей-Хатунгэ* ⁽²⁾. Последняя, равно какъ и бурятская *Экэ-Юренгэ* спускалась нѣкогда, на землю въ видѣ лебедя.

У камчадаловъ главное божество *Кутху*, а жена его — *Илькхумэ*. Кутху до сотворенія міра жилъ на небѣ, потомъ снесъ съ неба землю ⁽³⁾, поставилъ ее на морѣ и поселился въ Камчаткѣ. Здѣсь у него родился сынъ Тыжилъ Кутху и дочь Сидуку, которые вступили между собою въ супружество. Кутху и жена его долго жили въ Камчаткѣ, носили платье, сшитое изъ древесныхъ листьевъ, питались березовою и таловою корой, потому что звѣрей еще не было, а рыбы ловить не умѣли. Кутху изобрѣлъ только лодки и лыжи. Вскорѣ послѣ этого, оставивъ свое семейство, Кутху ушелъ куда-то на лыжахъ. Во время его путешествія, земля гнулась подъ нимъ, какъ тонкій ледъ — и такимъ образомъ явились горы, пади и долины — Кутху считается богомъ неба и грома. Когда гремитъ громъ,

⁽¹⁾ „Престарѣлый отецъ небожитель“ и „мать Юренгэ небожительница.“

⁽²⁾ „Свѣтлый господинъ“ и „почтенная госпожа.“

⁽³⁾ По другому сказанію — онъ сотворилъ землю изъ своего сына.

то камчадалы говорятъ, что это Кутху перетаскиваетъ лодки съ рѣки на рѣку.

Послѣ отбытія Кутху изъ Камчатки, у Тыжилъ Кутху родились сынъ *Амлѣя* и дочь *Сидукамышичъ*, которые, подобно своимъ родителямъ, вступили въ бракъ. При размноженіи людей Тыжилъ Кутху сталъ заботиться объ ихъ благосостояніи: онъ сотворилъ звѣрей, началъ шить изъ кожъ ихъ одежду, ловить рыбу сѣтями, связанными изъ крапивы ⁽¹⁾.

Боа, Буа (у тунгусовъ) — великій богъ неба. Онъ живетъ надъ облаками и раздѣлилъ управленіе міромъ между подчиненными божествами. Онъ знаетъ все, но ничто не въ состояніи опечалить его; онъ благодѣтеленъ и незлобивъ. Если люди обращаются къ нему съ просьбою, то онъ посылаетъ къ нимъ на помощь низшія божества. Его нельзя ни видѣть, ни сдѣлать его изображенія ⁽²⁾.

Самоѣдскій *Нумэ* возсѣдаетъ на воздухѣ и посылаетъ отсюда громъ и молнію, дождь и снѣгъ, ведра и бури. Радуга — край плаща Нума. Этотъ богъ хранитъ оленей, почему и называется *стражемъ скота*. Нумэ все видитъ и знаетъ; онъ награждаетъ и наказываетъ людей по достоинству.

Остякскій *Турмэ* говоритъ съ людьми гнѣвнымъ голосомъ грома и вѣтровъ. Онъ всюду слѣдитъ за человѣкомъ и за все воздастъ по заслугамъ. До него не достигаютъ никакія мольбы; онъ правитъ по неизмѣннымъ законамъ справедливости. Его милости нельзя заслужить никакими жертвами, онъ смотритъ только на внутреннее достоинство человѣка ⁽³⁾. Очевидно, что здѣсь языческій элементъ перемѣшанъ съ христіанскими представленіями о Богѣ. То же замѣчается въ ученіи о вышнемъ богѣ у чувашей, мордвы, чѣремисъ, вотяковъ.

⁽¹⁾ Крашенинникова описаніе Камчатки, ч. III, стр. 71, ч. II, стр. 167, ч. III, стр. 73.

⁽²⁾ Georgi, Bemerkungen, стр. 275.

⁽³⁾ Этнографич. Сборникъ, вып. IV, стр. 293, 306.

2. *Хуа-Солбогъ* (у бурятъ) — пастухъ *Эцэгэ* Малана, имѣющій большое вліяніе на скотъ. У камчадаловъ и якутовъ Колымскаго округа этотъ богъ извѣстенъ подъ именемъ *Пилячуча*, который исправляетъ должность пастуха *Тыжилъ* Кутхи. Онъ живетъ на облакахъ, весьма малъ ростомъ, ходитъ всегда въ рассомачьемъ платьѣ, ѣздитъ въ саняхъ, запряженныхъ куро-патками, и счастливъ человекъ, увидѣвшій слѣдъ его ⁽¹⁾. Но не смотря на то, этого духа боятся, потому что онъ уноситъ вихрями дѣтей и употребляетъ ихъ въ своемъ жилищѣ вмѣсто подставокъ подъ жировыя плоски, которыми освѣщается его жилище. Кромѣ того, *Пилячучъ* производитъ громъ и молнію, а радуга — подзоръ на его платьѣ ⁽²⁾.

У якутовъ *Пилячуча*, какъ повелителя грома замѣняется *Сюрдахъ Сюя Тодъ* — „страшный топоръ господинъ“.

3. *Буха Ноёнъ* (у бурятъ) — порозъ главнаго небожителя; на третьемъ году жизни, оставши отъ стада своего небеснаго хозяина, онъ заблудился. Восемь разъ окруживъ все небо и не нашедши потерянныхъ имъ изъ виду стада, *Буха Ноёнъ* спустился на землю. „Спустился онъ“ — говоритъ шаманская молитва — „со середины голубо-серебристаго неба, свѣтло-серебряною спиною касаясь высокаго неба, а серебряными копытами ступая по лицу земли. Онъ поправляетъ шерсть свою, поворачиваясь на синемъ пескѣ; чешетъ шею свою о бѣлую, прямую березу. Рога у него величайшіе, а подшейникъ волочится по земли. Онъ размножилъ потомство Бурята и Булгута, подобно водному источнику, подобно снѣгу“.

Буха Ноёнъ, спустившись на землю для непосредственнаго управленія шаманистами, остановился на сѣверномъ берегу Байкала и сталъ мычать такъ сильно, что затряслась земля и всколебалось море. Услышавъ этотъ ревъ, пестрый порозъ за-

⁽¹⁾ Слѣдомъ *Пилячуча* называются струйки на поверхности снѣга, производимыя вѣтромъ.

⁽²⁾ Описаніе Камчатки, ч. III, с. 75.

байкальскаго владыки пришелъ къ *Буха Ноёну* и сталъ бодать его. *Буха* ушелъ отъ него въ Тунку и здѣсь на гольцахъ, волшебною силою, поставилъ свое каменное изображеніе ⁽¹⁾. Затѣмъ онъ пошелъ на Саянскія горы къ *девяяти югозападнымъ царямъ* и женился на сестрѣ ихъ *Буданъ*. Отъ этого брака родилась вскорѣ дѣвушка, названная *Шанданъ* и отличавшаяся злымъ и жестокимъ характеромъ, почему и отдана замужъ за *Эриэнга*, начальника злыхъ духовъ.

Въ то время, какъ *Буха Ноёнъ* жилъ у югозападныхъ царей, пестрый порозъ пришелъ въ Тунку и отыскавъ здѣсь статую *Буха Ноёна*, сталъ бодать ее, но не могъ повредить истукану. Потерявъ силы и своротивъ правый рогъ, пестрый порозъ возвратился къ стадамъ своего хозяина.

Буха Ноёнъ считается непосредственнымъ правителемъ шаманистовъ, распорядителемъ ихъ жизни, подателемъ всякаго счастья. Вмѣстѣ съ женою своею *Буданъ* онъ призывается при бракосочетаніяхъ. Тогда просятъ у нихъ жениху и невѣстѣ счастья, богатства, чадородія.

Есхеитъ (у якутовъ) принимаетъ отъ людей молитвы, возноситъ ихъ къ главнымъ богамъ и возвѣщаетъ повелѣнія ихъ людямъ. *Есхеитъ* живетъ въ каждомъ родѣ якутовъ, подъ видомъ бѣлогубаго или косматаго жеребца, ворона, орла, журавля. Каждый родъ не убиваетъ олицетворенія своего ходатая ⁽²⁾.

Непосредственными правителями людей и посредниками между ними и небожителями, считаются *Лонъ* и *Еляль*. Первый — помощникъ главнаго божества, посланникъ его и богъ здоровья. *Еляль* считается тоже исполнителемъ воли главныхъ духовъ ⁽³⁾.

4. *Дзолъ Дзаягачи* — „счастье Дзаягачи“, почитается у

⁽¹⁾ Буряты увѣряютъ, что это изображеніе сохранилось до сихъ поръ и находится на одномъ изъ тункинскихъ гольцовъ.

⁽²⁾ Ж. М. В. Д. 1854 г. кн. VIII, стр. 17.

⁽³⁾ Путешествіе къ Ледов. морю Бѣлявскаго, стр. 98.

монголовъ съ древности. Этотъ геній заботится о здоровьи и богатствѣ своего любимца, охраняетъ его отъ опасностей, удаляетъ отъ всего дурнаго. „Дзаягачи выкалываетъ глаза и перешибаетъ хребетъ злодѣю избраннаго, опускаетъ пальцы въ молоко и бросаетъ арканъ въ стадо своего любимца“. Дзаягачи бываетъ свой у каждаго человѣка ⁽¹⁾.

Другой видъ Дзаягачи — *Эмэльджи*, богиня дѣтей, ихъ здоровья и счастья. Этотъ духъ то же самое, что у якутовъ *Жаюгай Тоенъ*. Послѣдній считается подателемъ дѣтей, богатства, виновникомъ счастливыхъ промысловъ. Жену его зовутъ *Айсытъ*, — „подательница“.

Гельбанъ и *Ноабуликанъ* (у тунгусовъ) почитаются за защитниковъ женскаго пола, способствуютъ или препятствуютъ чадородію, охраняютъ беременныхъ и стерегутъ невинность дѣвушекъ.

Сюда же должно отнести тунгусскихъ *Мунди* и *Микинъ* — покровителей дѣтей и *Гумолбу* — устрояющаго домашнее счастье ⁽²⁾.

5. Древніе монголы во время своей славы и постоянныхъ войнъ, давали на своемъ олимпѣ одно изъ главныхъ мѣстъ тремъ геніямъ войны. Это — *Богагуръ тэнгри* — богъ храбрости. Въ одномъ гимнѣ онъ представляется могучимъ и важнымъ для всѣхъ людей, хранителемъ царей, покровителемъ простолюдиновъ, главою храбрыхъ и источникомъ богатства. Онъ — начальникъ небесныхъ войскъ, вооруженъ мечемъ и имѣетъ такую силу, что скалы превращаетъ въ равнины. Участіе его въ войнѣ состоитъ въ томъ, что онъ вселяетъ въ воиновъ мужество.

Дайчинъ тэнгри — богъ воитель. Ему монголы молились въ походахъ и приносили даже человѣческія жертвы.

Кисаганъ тэнгри — богъ побѣды. Покровительствуемый имъ

⁽¹⁾ Черная Вѣра, стр. 93.

⁽²⁾ Georgi Bemerkungen, S. 277.

„убиваетъ непріятеля, снимаетъ съ него платье, ведетъ за собою коня его. Въ дорогѣ Кисаганъ тэнгри не оставляетъ побѣдителя, коню его не даетъ спотыкаться, въ опасныхъ мѣстахъ бережетъ воина, въ тѣсныхъ — доставляетъ ему свободный проѣздъ“ ⁽¹⁾.

Девять югозападныхъ царей почитаются монголами съ древности. Нося общее названіе *сульдэ*, они изображаются воинственными, въ видѣ всадниковъ, одѣтыхъ въ латы, вооруженныхъ мечами и копьями; на головѣ у нихъ шлемъ, въ одной рукѣ нагайка, а въ другой флагъ ⁽²⁾. О происхожденіи югозападныхъ царей буряты говорятъ различно. Одни рассказываютъ, что всѣ они дѣти Эцэгэ Малана, посланные имъ на землю управлять бурятами въ то время, когда послѣдніе поселились на сѣверномъ берегу Байкала. Другіе же утверждаютъ, что эти цари были знаменитые шаманы, служившіе тэнгриамъ, и родились въ одномъ мѣстечкѣ между рр. Иркутомъ и Тагной. Одинъ изъ югозападныхъ царей обитаетъ при истокахъ Иркуты, другой — при верховьяхъ Оки, третій на берегахъ Тагны, а прочіе — на вершинахъ Саянскихъ горъ. Кромѣ *сульдэ* эти цари носятъ еще названіе *эжинговъ* (хозяинъ), а каждый въ отдѣльности получилъ свое имя отъ приносимой ему жертвы, напр. — *господинъ чалаго жеребенка*. Всѣ эти цари заботятся о счастіи и благополучіи человѣка въ продолженіе всей его жизни, но нѣкоторые съ особенною милостью хранятъ его только въ извѣстномъ возрастѣ, послѣ котораго человѣкъ поступаетъ подъ покровительство другаго уже патрона. Покровителю каждаго возраста приносится особая жертва, по которой онъ и называется. Такъ защитнику младенцовъ приносится *будля*, почему онъ и носитъ имя *будля эжинъ*; покровитель отрочества — *эжинъ бѣлаго барана*, юности — *эжинъ желтаго*

⁽¹⁾ Черная Вѣра, Банзарова, стр. 91 и 92.

⁽²⁾ Ibid. стр. 96.

козленка, два защитника мужескаго возраста зовутся — *эжинз* барана и козла и *эжинз* чалаю жеребенка.

Изъ девяти царей извѣстны еще *Сагадай Убурунз* и жена его *Сакилза Хатунз* ⁽¹⁾. Но они неимѣютъ большаго вліянія на бурятъ, по этому имъ приносятся въ жертву не животныя, а молоко и вино.

Девять югозападныхъ царей, по словамъ нѣкоторыхъ балаганскихъ (Иркут. губ.) шамановъ, произошли отъ „*владѣтеля кузницы*“ — *блага кузнеца*, который живетъ теперь на Саянскихъ горахъ. Онъ такъ изображается въ одной шаманской молитвѣ, читаемой при жертвоприношеніи въ кузницѣ: „владѣтель кузницы, кривой господинъ, владѣтель наковальни, высококорослый господинъ, отъ краснаго камня выжавшій мягкое желѣзо, призывавшій серебряное небо *Удай!* отъ черно-краснаго камня выжавшій укладъ, призывавшій 55 югозападныхъ тэнгриевъ и происшедшіе отъ него девять кузнецовъ! Этотъ человекъ (*имя хозяина кузницы*) ради здоровья тѣлеснаго тебѣ молится!“

Есть еще на Саянскихъ горахъ *Черный Кузнецъ*; этотъ, первый изъ кузнецовъ молился сатанѣ. Ему не молятся и онъ называется *Чернымъ Владѣтелемъ*. Кромѣ того, существуетъ еще *Желтый Владѣтель*, занимающій среднее мѣсто между чернымъ и бѣлымъ. Всѣ они были, — говорятъ буряты, — люди и первые стали заниматься кузнечнымъ ремесломъ.

Гуйнэши (бѣгающій), называющійся также *исправникомъ* и *курьеромъ* бѣгаетъ съ вѣстями отъ югозападныхъ царей къ Эриэну и обратно. Ему приносятъ жертву, называемую — *подарокъ исправнику*.

55 Югозападныхъ и 99 Сѣверовосточныхъ царей. Эти духи управляютъ всѣми частями свѣта, — востокомъ, западомъ, сѣвромъ и югомъ. Изъ числа ихъ особенно извѣстны „*Владыка*

истока *Анары*, господинъ *Мунгуту Заринз*“ ⁽¹⁾, обитающій на шаманскомъ камнѣ, и „*Имлющій подъ своею властью Иркутскаго царя* (т. е. генер.-губернатора), господинъ *Имнез Саганз*“ ⁽²⁾“.

Древніе монголы молились еще *Манихану*, богу лѣсовъ и звѣриной ловли. Онъ имѣетъ видъ огромнаго человека, владѣетъ лѣсами и обитающими въ нихъ животными ⁽³⁾.

Въ мифологіи Сибирскихъ шаманистовъ, кромѣ исчисленныхъ нами добрыхъ боговъ, есть еще множество духовъ, владѣтелей и покровителей отдѣльныхъ предметовъ природы. Каждый холмъ, каждое дерево, каждая гора, каждый домъ имѣетъ своего *хозяина* (*эжинз*). Всѣ эти духи имѣютъ большое вліяніе на людей, какъ видно изъ слѣдующей бурятской молитвы: „держашіе эхо высокой горы, держашіе вѣтеръ широкаго моря; цари мои, живущіе на горахъ, божества мои, обитающіе на урочищахъ! Въ бѣдствіяхъ вы бываете для насъ опорой, въ скудные годы являетесь милостивыми, въ тяжелые мѣсяцы доставляете обиліе. Когда сидимъ въ юртѣ, — вы не опасны для насъ, когда находимся на улицѣ, — нѣтъ отъ васъ препятствія. Въ темную ночь вы даете свѣтъ, а въ жаркій полдень доставляете тѣнь. Худое удаляете отъ насъ, приближаете одно доброе. Сдѣлавшіеся сами творцами, избавляющіе насъ отъ опасности! Вы не даете потѣтъ нашимъ тарелкообразнымъ лицамъ, содрогаться пуговицеобразнымъ сердцамъ нашимъ; вы хранители головы, приготовители для рта. Черезъ двери вы пускаете въ юрту лучи свѣта, въ трубу показываете солнце“.

Якутская мифологія говоритъ тоже, что духи обитаютъ на урочищахъ, горахъ, деревьяхъ; каждая мѣстность имѣетъ своего *хозяина*. Къ этимъ же духамъ должно отнести и камчадалскихъ *камудей*; живущихъ по высокимъ горамъ и сопкамъ.

⁽¹⁾ Ангара — йнъ арани эжинъ, Мунгуту Заринъ ноень.

⁽²⁾ Иркутъ хави эжилхэнъ, Имнезъ Саганъ ноень.

⁽³⁾ Черная Вѣра, стр. 84.

⁽¹⁾ Т. е. старикъ Сагадай и госпожа Сакилза.

Они питаются рыбою, для чего летаютъ ночью на море и приносятъ на каждомъ пальцѣ по рыбѣ, которую варятъ и пекутъ, употребляя вмѣсто дровъ китовое сало и кость ⁽¹⁾.

Для объясненія міеа объ этихъ *хозяевахъ*, приведемъ ученіе о нихъ финской міеологіи ⁽²⁾. Всякій предметъ въ природѣ имѣетъ своего духа покровителя—*haltia*. Эти *haltiat* были творцами обладаемыхъ ими предметовъ, равно какъ и бурятскіе *эжины*, которые по словамъ приведенной выше молитвы, „сами сдѣлались творцами“. Эти геніи не были связаны съ извѣстными предметами, но были существами личными, свободно движущимися; они имѣли видъ и форму, тѣло и душу. Ихъ бытіе нисколько не зависитъ отъ бытія обладаемыхъ ими предметовъ: съ одного предмета они могутъ переносить свою власть на другой того же рода; предметъ можетъ разрушиться, а духъ будетъ существовать въ предметахъ, однородныхъ съ исчезнувшимъ.

Какъ у монголовъ птицы, звѣри и люди имѣютъ своихъ эжиновъ, такъ и въ финской міеологіи каждый человѣкъ имѣетъ своего *haltia*. Особенно шаманы, во время своихъ заклинаній находятся подъ вліяніемъ *haltia*. Состояніе экстаза, въ которомъ часто бываютъ шаманы, называется по фински *alla haltiaissa*, т. е. быть у духовъ. Впрочемъ, это выраженіе свидѣтельствуетъ, что одинъ человѣкъ можетъ имѣть нѣсколько *haltia*, какъ думаютъ, кромѣ финновъ, лопари и самоѣды. Замѣчательно, что *haltia* рѣдко встрѣчается въ древне-финскихъ рунахъ; но что древніе финны имѣли понятіе объ этихъ духахъ,—видно изъ слѣдующаго, напр., мѣста Калевалы ⁽³⁾: „выйдите на верхъ вы, мужи меча, герои—отъ старца земли, изъ источниковъ, носители серпа, изъ рѣкъ,—защищающіеся лукомъ! приди дѣсь, со своими мужьями, роща, со своими толпами, старецъ горы со

⁽¹⁾ Описаніе Камчатки, ч. III, стр. 75.

⁽²⁾ Kastren's Vorlesungen über die finn. Mythologie, стр. 163.

⁽³⁾ Rune XII, Vers 225.

своими сынами, *иизи* ⁽¹⁾ воды со страхомъ, мать воды — съ силами, старецъ земли — съ толпами! дѣвы изъ всѣхъ долинъ, покрытыя пѣною, изъ всѣхъ источниковъ (поспѣшите) на помощь къ одному человѣку!“

Въ числѣ призываемыхъ здѣсь существъ были, безъ сомнѣнія, и *haltia*. На нихъ же намекаютъ и слѣдующія слова Калевалы: „призываю женъ земли, старыхъ хозяекъ съ поля, мужей меча отъ земли, конныхъ героевъ съ песка, призываю ихъ на помощь мнѣ ⁽²⁾“. Каждый охотникъ или человѣкъ, предпринимающій важное дѣло, призывалъ своего *haltia* слѣдующими словами: „поднимись мое существо изъ пещеры, съ блестящими глазами, —изъ-подъ камня, приди съ пестрыми щеками, духъ мой, съ сосны! Приди въ шлемѣ, полномъ огня!“ Изъ этого отрывка видно, что *haltia* жили подъ деревьями, на скалахъ, въ пещерахъ. За свою силу они назывались *импющими огненные глаза* (*külsilmä*), каковое названіе прилагается и къ медвѣдю. Огненный шлемъ указываетъ на пламенную натуру *haltia*.

Финскимъ *haltia* и монгольскимъ эжинамъ, соотвѣтствуютъ лопарскіе *сайвоксъ*, самоѣдскіе *сиртѣ*, вотяцкіе *мудоргъ*, чувашскіе *ирихъ*.

Воды наполнены, по вѣрованью шаманистовъ, богами и разными родами духовъ. Изъ добрыхъ сюда относятся.

Ухунъ хатъ (бурятскіе) цари водъ. Они живутъ въ глубокихъ мѣстахъ рѣкъ, озеръ, также и въ Байкалѣ, имѣютъ видъ старцевъ и постоянно занимаются чтеніемъ книгъ. Жилищами для нихъ служатъ огромные дворцы. Ухунъ хатъ имѣютъ на людей благотѣльное вліяніе и всѣми мѣрами стараются о благополучіи ихъ. Видѣть ихъ во снѣ, предзнаменуетъ несомнѣнное счастье. —Кромѣ *царей водъ*, монголы чтутъ еще другихъ добрыхъ духовъ, обитающихъ въ цѣлебныхъ ключахъ.

⁽¹⁾ *Иизи* — духи.

⁽²⁾ Rune XVII, Vers 261.

Митгъ—морской богъ камчадаловъ—имѣетъ видъ огромной рыбы. Въ его владѣніи море, которое онъ самъ сотворилъ и всѣ живущія въ немъ существа. Рыбы исполняютъ у него должность слугъ, онъ посылаетъ ихъ въ рѣки, за лѣсомъ себѣ на баты ⁽¹⁾.

Дианда—божество воды у тунгусовъ. Оно изображается на шаманскихъ платьяхъ въ видѣ лодки.

При частыхъ столкновеніяхъ шаманистовъ съ христіанами, первые приняли отъ послѣднихъ много религіозныхъ сказаній и представлений, передѣлавъ ихъ по своему. Христіанскій богъ и святые пользуются поклоненіемъ многихъ, даже некрещеныхъ шаманистовъ; нѣкоторыя библейскія сказанія въ ходу между шаманистами. Вотъ нѣсколько бурятскихъ легендъ, содержаніе которыхъ заимствовано отъ христіанъ.

а) Однажды Богъ, принявъ видъ человѣка, пріѣхалъ на поле къ одному земледѣльцу, сѣявшему хлѣбъ, и сказалъ ему *Богъ-помощь!* Сѣятель сказалъ Богу: „и безъ божьей помощи, земля сильно удобренная и хорошо обработанная, будетъ плодородна!“ Богъ, видя, что этотъ человѣкъ больше надѣется на землю, чѣмъ на Бога, сказалъ, что ни колоса не взойдетъ изъ земли, и поѣхалъ далѣе. Послѣ Бога пришелъ къ сѣятелю *Михола-богъ* ⁽²⁾ и спросилъ его: „зачѣмъ ты сказалъ Богу, что и безъ божьей помощи земля даетъ урожай? онъ проклялъ твой хлѣбъ!“ Потомъ Михола велѣлъ этому земледѣльцу продать свой хлѣбъ въ казну. Тотъ, только что посѣявъ, продалъ его, а Михола пришелъ къ Богу и сказалъ ему: „человѣкъ, хлѣбъ котораго ты проклялъ, продалъ его въ казну“. Богъ сказалъ: „да вымолотить онъ съ овина только одинъ мѣшокъ!“ Хлѣбъ у этого человѣка, по благословенію Михолы, родился

⁽¹⁾ Описаніе Камчатки, ч. III, стр. 57.

⁽²⁾ Georgi Bemerkungen, S. 276.

⁽³⁾ *Бурханъ-Михола*—такъ зовется у бурятъ чудотворецъ Николай.

отлично. Богъ сказалъ: „хотя хлѣбъ и родился у него, но съ овина онъ вымолотить не болѣе одного мѣшка“. Михола, научилъ земледѣльца, чтобы онъ садилъ въ овинъ только четыре снопа, въ четырехъ углахъ его и изъ четырехъ сноповъ вымолачивалъ цѣлый мѣшокъ. Такимъ образомъ человѣкъ вымолотилъ по цѣлому мѣшку съ каждыхъ четырехъ сноповъ, и вымолотилъ огромное количество хлѣба. Михола опять пришелъ къ Богу и сказалъ ему: „ты велѣлъ тому человѣку вымолотить не болѣе мѣшка съ цѣлаго овина, а онъ вымолачиваетъ по мѣшку изъ каждыхъ четырехъ сноповъ“. Богъ сказалъ: „хотя онъ вымолотилъ огромное количество мѣшковъ, однако этотъ хлѣбъ обратится въ ничто, если онъ будетъ продавать его черезъ двери анбаровъ“. Михола велѣлъ человѣку сдѣлать отверстіе въ стѣнѣ и черезъ него продавать хлѣбъ; онъ продалъ весь хлѣбъ. Когда Михола доложилъ объ этомъ Богу, то послѣдній сказалъ: „да не покажется никогда онъ на глаза мои!“ Михола объявилъ эту волю Бога упомянутому человѣку и далъ ему такой совѣтъ: „завтра, въ такое-то время, я поѣду съ Богомъ мимо твоего дома; ты втащи на крышу дома какъ можно болѣе бревенъ и досокъ и привязавъ за эту кучу веревку, стой на видномъ мѣстѣ и одинъ конецъ веревки держи въ рукахъ. Лишь только мы подъедемъ къ дому, ты дерни веревку,—все упадетъ съ крыши и произведетъ страшный шумъ“. Человѣкъ такъ и сдѣлалъ; Богъ обратилъ вниманіе на стукъ и шумъ падавшихъ съ крыши бревенъ и увидѣлъ человѣка, котораго не хотѣлъ никогда видѣть. Михола объяснилъ Богу, что это тотъ самый человѣкъ, котораго онъ никогда не хотѣлъ видѣть. Богъ отвѣчалъ: „если такъ, то пусть онъ постоянно находится во вниманіи и богатѣетъ, я благословляю его!“

б) „Однажды въ древности три бога обходили вселенную,—стерегли ее. Они встрѣтились съ Михолой-богомъ и спросили у него: „что ты дѣлаешь, зачѣмъ здѣсь?“ Михола отвѣчалъ имъ: „я стерегу вселенную, наблюдаю за всѣми государствами.“ Потомъ всѣ они четверо пошли далѣе и ночевали въ одномъ мѣстѣ.

Утромъ чѣмъ-свѣтъ Михола пошелъ обозрѣвать вселенную; три бога проспали все утро. Когда они встали,—Михолы съ ними не было; онъ пришелъ черезъ нѣсколько времени, весь мокрый и въ грязи. Три бога спросили его: „гдѣ ты былъ? почему такъ замочился и вымарался въ грязи?“ Онъ отвѣчалъ имъ: „утромъ, чѣмъ-свѣтъ я пошелъ осмотрѣть вселенную,—все ли благополучно, нѣтъ ли въ народѣ какихъ несчастій отъ демоновъ.“ Три бога сказали ему: „если ты такъ бдителенъ, то одинъ осматривай вселенную, а намъ нечего понапрасну ходить!“ Съ этого времени за всей вселенной надзираетъ одинъ Михола,—поэтому то онъ и извѣстенъ всему міру — и христіанамъ, и буддистамъ, и шаманистамъ.“

с) *Объ Ильи-пророка* (разсказъ шамана). „Илья пророкъ былъ такой же человѣкъ, какъ мы, но за святость сдѣлался угоднымъ Богу и богомъ. Однажды кто-то обругалъ его, — а онъ сталъ на одно колесо колесницы (?) и вознесся на небо. На этой колесницѣ онъ ѣздитъ по небу, отъ того и гремитъ громъ. Громовой ударъ убиваетъ человѣка, животное, разбиваетъ дерево, домъ потому, что въ нихъ скрываются нечистые духи. По временамъ изъ ада выходятъ демоны и распространяются по всему міру, причиняя людямъ зло. Но тэнгрии, заботящіеся о благѣ людей, посылаютъ Илью пророка убить демоновъ громовымъ ударомъ, ибо не иначе можно убить ихъ, какъ громовымъ ударомъ. По этому повелѣнію Илья пророкъ такъ быстро ѣздитъ по небу, преслѣдуя демоновъ, которые стараются убѣжать и спрятаться отъ него.“

д) *О потопѣ*. „Когда народъ сильно умножился и много грѣшилъ, Богъ рѣшилъ погубить его потопомъ. Онъ сошелъ на землю, чтобы найти праведнаго человѣка для продолженія рода человѣческаго послѣ потопы. Онъ нашелъ одного только праведника—Ноя, и велѣлъ ему строить корабль. Ной недолго строилъ, потому что Богъ помогалъ ему невидимо. Во время строенія всѣ люди смѣялись надъ Ноемъ и говорили, что онъ сошелъ съ ума. Вотъ, пошелъ сильный дождь, поднялись моря, рѣки, озера; животные,

по парѣ изъ каждого рода, вошли въ ковчегъ, по одному свисту Ноя. Вода поднималась все выше и выше; люди и животные начали тонуть. Дьяволъ обратился въ морскую мышъ и прогрызъ дно и стѣны Ноева корабля; въ него начала заливаться вода. Ной просилъ о спасеніи Бога, который спустилъ съ неба бѣлую кошку, тотчасъ задавившую мышъ. Дьяволъ оставилъ Ноя, который вылилъ воду и законопатилъ дыры. Корабль Ноя долго плылъ и остановился на горѣ въ турецкомъ царствѣ... (*Окончаніе чисто библейское*).

Кромѣ этихъ легендъ, въ сибирское шаманство вошло еще много другихъ христіанскихъ сказаній и вѣрованій. Но всѣ они передѣланы на шаманскій ладъ. Христіанскій богъ и святые, вполне заступили мѣсто шаманскихъ божествъ и приняли характеръ послѣднихъ. Когда мы спросили одного крещенаго якута — кто такой Арь-Тоень? онъ отвѣчалъ, что—Христосъ. А кто такая Айсыть? — Айсыть, говорилъ онъ, тотъ образъ богородицы, который стоитъ въ алтарѣ за престоломъ. У якутовъ еще болѣе, чѣмъ у бурятъ распространены христіанскія сказанія; но христіанскія идеи любви и свободы неизвѣстны имъ, какъ и остальнымъ крещенымъ шаманистамъ. Они заимствуютъ, или лучше сказать — имъ даютъ изъ христіанства только одну внѣшность, — обряды, иконы, да разныя сказанія, нисколько не посвящая ихъ въ высокую сущность христіанской религіи, — и они по прежнему остаются шаманистами.

Злые духи.

Во главѣ злыхъ духовъ стоитъ у бурятъ *Эрленгъ*. Это былъ, по шаманскимъ преданіямъ, младшій изъ сыновей Чингисъ-Хана, отличавшійся злымъ и упорнымъ характеромъ. Онъ ни съ кѣмъ не говорилъ, всѣхъ удалялся; убьетъ ли какого звѣря, — съѣстъ одинъ; захочетъ ли спать — ляжетъ одинъ, вдали отъ

(¹) По этому, говорятъ буряты, „кошка чиста, кромѣ рыла“.

своихъ братьевъ. Однажды пришелъ къ нему Чингисъ, но Эрленгъ не хотѣлъ говорить съ отцемъ и повернулся къ нему спиною. Чингисъ разсердился и поразилъ его стрѣлою. Умирающій Эрленгъ сказалъ ему: „хотя ты лишилъ меня жизни, но не въ состояніи погубить души моей, хотя не допустилъ меня до престола, но не въ силахъ лишить меня владычества въ темныхъ странахъ земли. Я отомщу тебѣ за все зло, отомщу сыновьямъ твоимъ и ихъ потомкамъ! не будутъ они спокойно царствовать! Хотя подданные ихъ размножатся, но не пройдетъ одного дня, чтобы я не погубилъ нѣсколько человѣкъ изъ нихъ!“ Сказавъ это, Эрленгъ испустилъ духъ и сдѣлался владыкою темнаго царства, находящагося гдѣ-то на сѣверѣ, въ ужасной, бездонной пропасти. Это мѣсто никогда не освѣщается солнцемъ и здѣсь царствуетъ вѣчная зима. Сдѣлавшись царемъ ада, Эрленгъ женился на дочери Буха Ноена, — *Шанданъ*.

Владѣя легіонами *читкуровъ* (демоновъ), Эрленгъ самъ и посредствомъ ихъ всячески старается вредить человѣку. Читкуры безусловно исполняютъ волю своего владыки и за успѣхъ получаютъ отъ него награды. Разлетаясь по всему міру, демоны ссорять людей, вовлекаютъ ихъ въ преступленія, насылаютъ болѣзни, причиняютъ смерть. Но тэнгрии, заботясь о благополучіи людей, преслѣдуютъ читкуровъ. Увидѣвъ демоновъ, летающихъ по землѣ, тэнгрии собираютъ облака и посылаютъ на читкуровъ громъ и молнію. Читкуры стараются избѣжать небесной кары и съ этою цѣлью скрываются въ деревьяхъ, зданіяхъ, животныхъ, даже человѣкѣ. Но куда ни скрылись бы дьяволы, всюду постигнетъ ихъ роковой ударъ, сокрушивъ и то, гдѣ они спрятались. Тэнгрии не щадятъ и человѣка, если читкуры изберутъ его мѣстомъ своего убѣжища.

Тунгусы такъ изображаютъ своего *хархи*, — *чернаго бога*: живеть онъ въ отдаленныхъ, непроходимыхъ тайгахъ, на сѣверѣ. У него огромные, огненные на выкатъ глаза, плоскій носъ, чудовищная голова. Его черные волосы на головѣ и бородѣ — все равно, что тайга послѣ бури. Онъ ходитъ всегда

въ черномъ тунгусскомъ платьѣ и принимаетъ разные виды на пагубу человѣка: то обернется огромнымъ медвѣдемъ, то представится волкомъ или сохатымъ ⁽¹⁾.

Абысы — такъ называется сатана у якутовъ — имѣетъ тотъ же характеръ и также обращается въ разныхъ животныхъ, особенно въ корову ⁽²⁾.

У камчадаловъ владыка демоновъ извѣстенъ подъ именемъ *канны*. Канна ужасный хитрецъ и продувной обманщикъ. Онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи множество духовъ, которыми наполнены лѣса, воды, особенно же сопки. Одинъ шаманъ рассказывалъ, что бѣсы приходятъ къ нему изъ разныхъ мѣстъ и въ разномъ видѣ — одни изъ моря, другіе изъ сопокъ; большіе и маленькіе, безрукіе, обгорѣлые, безбокіе. Морскіе богаче другихъ и одѣты въ платье, сдѣланное изъ травы *шелковника* ⁽³⁾.

Какъ добрые духи происходятъ отъ благаго божества, такъ и злые — отъ сатаны. По древнему вѣроученію чувашъ *шайтанъ* (сатана) былъ сыномъ главнаго бога. Люди убили его въ то время, когда онъ въ великолѣпной колесницѣ, запряженной бѣлыми конями, разтѣжалъ по землѣ, всюду разнося довольство и счастье. Чтобы скрыть отъ бога преступленіе, тѣло кереметя люди сожгли, а пепелъ развѣяли по вѣтру. Гдѣ палъ этотъ прахъ, тамъ выросли деревья, а съ ними возродился и кереметь, но уже не въ одномъ лицѣ, а во множествѣ враждебныхъ человѣку существъ ⁽⁴⁾. По черемисскому сказанію, кереметь сотворилъ подчиненныхъ ему духовъ (*сакче*) изъ камня, находящагося на небѣ. Онъ билъ объ этотъ камень молотомъ, и послѣ каждаго удара вылетали изъ него искры, обращавшіяся въ *сакче*. Кереметь сдѣлалъ это изъ подражанія Юмѣ, сотво-

⁽¹⁾ Записки Сибирск. Отд. Геогр. Общ. кн. IV, 1857 г. с. 104.

⁽²⁾ Путешествіе Лессепса, ч. III.

⁽³⁾ Описаніе Камчатки, ч. III, с. 74, 76 и 159.

⁽⁴⁾ Сбоева, Замѣтки о чувашахъ, стр. 110, 111.

рившему такимъ образомъ добрыхъ духовъ ⁽¹⁾. Также думаютъ и самоѣды о сотвореніи своихъ тадебціевъ. Вотъ еще подобная же предъидущимъ камачинская легенда: „шайтанъ просилъ у Кудая уголокъ земли въ вѣчное владѣніе, но получилъ отказъ. Тогда онъ сталъ просить на самое короткое время столько земли, сколько покроетъ концомъ своей трости. Кудай согласился. Шайтанъ ударилъ тростью въ принадлежащую ему точку земли и пробилъ въ ней дыру, изъ которой вышли на свѣтъ всѣ вредоносныя существа ⁽²⁾“.

Ойнъ эжинъ (у бурятъ)—*хозяинъ лѣса*. Это души тѣхъ людей, которые заблудившись въ лѣсу, умерли тамъ. Эти духи стараются завести человѣка въ непроходимую трущобу, гдѣ онъ непременно долженъ заблудиться и умереть. Съ этою цѣлью Ойнъ эжины откликаются заблудившемуся и такимъ образомъ увлекаютъ его все дальше и дальше въ глубь лѣса, или же водятъ его около одного и того же мѣста.

Камчадалы лѣсныхъ геніевъ называютъ *Ушахчу*. Они имѣютъ видъ человѣка; жены ихъ носятъ съ собою дѣтей, приросшихъ къ спинѣ ихъ и постоянно плачущихъ. Ушахчу сводятъ людей съ дороги и лишаютъ возможности найти обратный путь ⁽³⁾. Въ этихъ злыхъ геніевъ лѣса вѣрятъ всѣ шаманисты, придавая, конечно, имъ разныя названія.

Ухунъ эжинъ—господинъ воды. Эти духи совершенно не то уже, что *цари водъ*. Дѣйствія и характеръ ихъ совершенно сходны съ дѣйствіями и характеромъ нашихъ русалокъ и во-

⁽¹⁾ Этнограф. Сборн. вып. IV, стр. 211.—Также говоритъ о твореніи духовъ и русская легенда: „ударя Господь жезломъ въ камень и сотвори Господь отъ искръ огненныхъ Михаила Архангела и Гавріила—взлетѣли ангелы. Сатана жъ изсѣче изъ камня бѣсовскую неизчисленную силу боговъ.“ Варіантъ этого сказанія передаетъ, что какъ Богъ, такъ и сатана, ударяли камень о камень, и у каждаго явились свои ангелы (*Православный Собесѣдникъ* 1861 г. кн. III, стр. 263).

⁽²⁾ Сибирскій Вѣстникъ, 1818 г. ч. I, стр. 5.

⁽³⁾ Крашенинниковъ, часть III, ст. 75.

данныхъ. Живутъ они въ глубокихъ мѣстахъ рѣкъ, а выходя на землю, принимаютъ видъ человѣкъ или какого нибудь животнаго. Откуда влялись они? бурятская міѳологія отвѣчаетъ, что это души утопленниковъ.

Духъ *Элме* (у бурятъ же) является людямъ подъ видомъ коршуна, который сидя на конѣ и запустивъ когти въ его гриву, стрѣлою мчится по горамъ и степямъ. Явленіе его предвѣщаетъ несчастіе ⁽¹⁾.

Ада, Бохолдай, Альбинъ,—это души тѣхъ дѣвицъ, которые небыли по своимъ физическимъ или нравственнымъ недостаткамъ замужемъ и тѣхъ мужчинъ, которые были почему нибудь въ пренебреженіи у другихъ. Эти духи принимаютъ различныя виды—какого нибудь животнаго, карлика—и являясь неожиданно, пугаютъ человѣка. Живя или въ самыхъ юртахъ, или гдѣ нибудь около, они ночью, томимые голодомъ, ходятъ по юртѣ и ищутъ себѣ поѣсть. Впрочемъ, они не опасны для людей, почему и жертвы имъ не приносятъ. Для избѣжанія же ночныхъ посѣщеній, шаманъ можетъ, посредствомъ извѣстныхъ заклинаній, навсегда заградить для нихъ входъ въ юрту.

Смерть, поклоненіе умершимъ, адъ и его духи.

Большая часть шаманистовъ вѣритъ въ личное безсмертіе человѣка. Смерть, по ихъ воззрѣнію, есть ничто иное, какъ только переходъ къ другой жизни, въ которой люди будутъ жить точно также, какъ и въ настоящей: съ тѣми же нуждами и стремленіями, съ тѣми же занятіями. Нѣкоторые, впрочемъ, народы держатся мнѣнія, что человѣкъ послѣ смерти принимаетъ новое тѣло. Такъ по вѣрованію лопарей, умершіе имѣютъ такую же душу, какъ и на землѣ,

⁽¹⁾ Буддизмъ арх. Нила, стр. 231.

но получаютъ новое, отличное отъ прежняго тѣло. ⁽¹⁾. Другіе шаманисты считаютъ умершихъ за духовъ, которые живутъ въ области смерти или же блуждаютъ по землѣ, особенно во время ночи и грозы. Они проявляются въ шумѣ вѣтра, въ шелестѣ листьевъ, въ трескѣ костра. Обыкновенные люди неспособны видѣть ихъ, только одни шаманы имѣютъ эту возможность. Наконецъ, есть еще шаманисты, какъ напр. самоѣды, которые не вѣрятъ въ безсмертіе души. По ихъ убѣжденію, человѣкъ нѣсколько времени живетъ въ могилѣ, а съ разрушеніемъ тѣла прекращается и жизнь. Только одни шаманы наслаждаются безсмертіемъ: души ихъ превращаются въ *Итармъ*, какъ называются тадебціи канинскихъ тундръ. ⁽²⁾.

Представляя загробную жизнь человѣка подобною земной, шаманисты заботятся о доставленіи покойнику разныхъ удобствъ и средствъ, необходимыхъ въ жизни. Всѣ погребальныя ихъ церемоніи и соблюдаемые при этомъ обряды имѣютъ цѣлью обезпечить умершаго и тѣмъ избавить себя отъ его посѣщеній, которыя онъ, въ противномъ случаѣ, будетъ дѣлать своимъ родственникомъ, требуя себѣ должнаго и желая отомстить за невниманіе къ нему.

Буряты кладутъ покойника въ могилѣ головою на сѣверъ; съ нимъ же кладутся одежда и другія житейскія принадлежности. На могилу приводятъ любимаго коня умершаго, убиваютъ его или же пускаютъ въ степь, чтобы покойникъ ѣздилъ на немъ. Этотъ конь считается опаснымъ для живыхъ, почему и называется *Хойли* (*удаленіе*).

Тунгусы зашиваютъ покойника въ оленью шкуру и вѣшаютъ на дерево, съ любимымъ оружіемъ умершаго и котломъ, дно котораго пробивается. Туруханскіе тунгусы иногда сожигаютъ покойниковъ. Богучанскіе татары вѣшаютъ покойника

⁽¹⁾ Kastren's Vorlesungen, s. 120.

⁽²⁾ Кастрена Воспоминанія о путешествіи, стр. 299.

на дерево, срубивши на немъ всѣ сучья, чтобы мертвецъ не спустился на землю. ⁽¹⁾.

Юраки вкапываютъ въ землю четыре столба и верхи ихъ связываютъ четырьмя перекладинами, на которыхъ вѣшаютъ кожу, съ лежащимъ на ней мертвецомъ и переднюю частью нарочно убитаго барана. На этой кожѣ умершій долженъ отправиться на небо. Пустивши въ покойника три стрѣлы, родные его уходятъ домой. ⁽²⁾.

Камчадалы, если вѣрять Крашениникову, бросаютъ покойниковъ на сѣденіе собакамъ. Возвращаясь съ этихъ похоронъ они пролазятъ въ нарочно сдѣланныя для того изъ прутьевъ кольца, которыя потомъ относятся въ лѣсъ и бросаются къ западу. Тащившій же покойника, долженъ поймать двухъ птичекъ и одну изъ нихъ сжечь, а другую съѣсть. ⁽³⁾.

Въ старину коряки сожигали своихъ покойниковъ съ слѣдующими обрядами: наряжали ихъ въ лучшее платье и везли на мѣсто сожженія. Здѣсь устраивали огромный костеръ и клали на него вмѣстѣ съ мертвецомъ всѣ его принадлежности: топоры, стрѣлы, ножи и т. п. Зажегши этотъ костеръ, кололи оленей, на которыхъ былъ привезенъ покойникъ, мясо ихъ съѣдали, а остатки брасали въ огонь. ⁽⁴⁾.

Шаманы погребаются на горахъ и утесахъ, въ складенныхъ изъ валежнаго камня пещерахъ и гротахъ. Шамана сажаютъ туда во всѣхъ его доспѣхахъ и заваливаютъ входъ въ пещеру, оставляя лишь небольшое отверстіе. Отъ одного дерева къ другому протягиваютъ веревку и вѣшаютъ на ней бубенъ, лукъ, котель и другія принадлежности покойника. Потомъ обводятъ вокругъ могилы принадлежавшаго

⁽¹⁾ Зап. Спб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. к. III. 1857 г. ст. 97.

⁽²⁾ Ibid. стр. 160.

⁽³⁾ Описаніе Камчатки, ч. III, стр. 136—137.

⁽⁴⁾ Ibid. стр. 166.

шаману коня девять разъ и убиваютъ его. Иногда же онъ дѣлается *хойла*, т. е. отпускается на волю. ⁽¹⁾.

Поклоненіе предкамъ составляетъ первоначальную форму антропоморфизма и ведетъ свое начало съ древности. У китайцевъ оно было уже во времена основанія ихъ монархій. Конфуцій считалъ одною изъ первыхъ обязанностей человѣка — поклоняться предкамъ и приносить имъ жертвы. Въ императорскомъ китайскомъ дворцѣ есть такъ называемая *зала предковъ*, въ которой приносятся жертвы умершимъ членамъ царской фамиліи ⁽²⁾. Подобныя же залы имѣетъ каждое китайское семейство; въ извѣстное время здѣсь собираются всѣ члены фамиліи и приносятъ жертвы своимъ предкамъ ⁽³⁾. Кочевые народы Азіи поклонялись предкамъ въ древности и продолжаютъ это до сихъ поръ. Племя *Тона*, перешедшее въ верхнюю Азію изъ южной Сибири, долго еще по своему переселенію почитало могилы отцовъ и посылало имъ жертвы ⁽⁴⁾. Монголы, по словамъ Сананъ Сэцэна, дѣлали поклоненіе праху и могилѣ Чингисъ-Хана ⁽⁵⁾. Хубилай, потомокъ Темучина, выстроилъ въ 1263 г. въ Пекинѣ храмъ своимъ предкамъ — Исукэю, Чингису и другимъ ⁽⁶⁾. У сѣверныхъ финновъ и самоѣдскихъ народовъ сохранились ясные слѣды древняго религіознаго культа въ честь мертвыхъ. Многіе изъ этихъ народовъ приносили покойникамъ жертвы и устроили въ честь ихъ праздники, но даже призывали ихъ въ молитвахъ, какъ своихъ помощниковъ и заступниковъ. Между финнами, лопарями и другими шаманистами ходитъ повѣрье, что шаманы, во время своего экстаза сходятъ душою въ подземное царство и просятъ тамъ у умер-

⁽¹⁾ Буддизмъ А. Нила, стр. 236.

⁽²⁾ Grossier, Description de la Chine.

⁽³⁾ Stühr's Religions-Systeme des Orients, B. I.

⁽⁴⁾ Deguines Geschichte d. Hünen.

⁽⁵⁾ Geschichte d. Ost-Mongolen, S. 146, 170, 184 и др.

⁽⁶⁾ Іакинѳа — Записки о Монголіи, ч. III.

шихъ совѣта и помощи. Въ Калевалѣ поется, что Вейнемейненъ, когда ему недоставало трехъ волшебныхъ словъ, пришелъ на могилу стараго Випунена, чтобы получить мудрость отъ выросшаго изъ его внутренностей растенія (Runo XVII). Нѣкоторые самоѣды считаютъ своихъ тадебцѣвъ за тѣни умершихъ людей ⁽¹⁾. По вѣрованію бурятъ, души нѣкоторыхъ умершихъ людей, особенно шамановъ и шаманокъ, дѣлаются *эжи-нами*. Чья душа и какимъ эжиномъ сдѣлалась, — это возвѣщаетъ шаманъ. Самоѣды вѣрятъ, что шаманы послѣ своей смерти, превращаются въ *итармъ* — духовъ, живущихъ на канинскихъ тундрахъ ⁽²⁾. Остатки послѣ смерти знаменитыхъ шамановъ дѣлаютъ ихъ изображенія и поклоняются имъ, какъ божествамъ. Эти идолы, въ отличіе отъ идоловъ обыкновенныхъ умершихъ людей, — существующихъ только три года — хранятся изъ рода въ родъ ⁽³⁾.

Души умершихъ имѣютъ на живыхъ двоякаго рода вліяніе. Одни — добрыя, благотѣлствуютъ человѣку, другія же, злыя, стараются вредить ему. Впрочемъ, одна и та же душа можетъ стать въ различныя отношенія къ живымъ людямъ. Вотъ что рассказываютъ балаганскіе буряты о вліяніи на живыхъ людей знаменитыхъ умершихъ шамановъ. Они караютъ и убиваютъ не только бурятъ, обратившихся къ христіанству, но и русскихъ, — особенно чиновниковъ и купцовъ. Схороненная недалеко отъ Балаганска, шаманка ненавидитъ особенно балаганскихъ купцовъ; отъ того-то они, какъ скоро пріобрѣтутъ кой-какое состояніе, то начинаютъ пить, и шаманка скоро изводитъ ихъ. Прежніе купцы, боясь ранней смерти, всегда подчивали виномъ покойницу и просили одну живую шаманку приносить умершей жертвы, что дѣлаютъ до сихъ поръ старые балаганскіе купцы. Смерть исправника Скрябина (1858 г.)

⁽¹⁾ Кастрена Vorlesungen, стр. 122.

⁽²⁾ „Воспоминанія о путешествіи“, стр. 299.

⁽³⁾ Бѣлявскій, Поѣздка къ Ледовит. морю, стр. 99.

буряты приписываютъ другой умершей шаманкѣ, которой онъ долженъ былъ, чтобы выздоровѣть, принести въ жертву кобылу.

Первая шаманка была дочь одного бурята Булутскаго рода, вскорѣ послѣ ея выхода замужъ за бурята Онгоева рода, у нея заболѣли и отнялись обѣ ноги. Сдѣлавшись шаманкою, она превзошла своимъ чародѣйствомъ всѣхъ шамановъ. Она не ходила, а или — скакала, или летала по воздуху, или ѣздила на дикомъ жеребцѣ. Часто въ Балаганскѣ, сидя на улицѣ, она посредствомъ чародѣйства вытаскивала изъ чулановъ русскихъ, лучшіе съѣстные припасы, и ѣла. Русскіе боялись ея, подчивали виномъ, и она выпивала за одинъ разъ цѣлую бочку. Русскіе не одинъ разъ пытались убить ее, но безуспѣшно; бросали ее связанною въ Ангару, но она выплывала изъ воды; бросали въ огонь, — не горѣла... Еще живой ей приносили жертвы и буряты и русскіе.

Память знаменитыхъ умершихъ людей хранится въ продолженіе одного или двухъ вѣковъ, потомъ исчезаетъ и мѣсто прежнихъ занимаютъ новые покойники. Намъ доводилось слышать, какъ старики буряты укоряютъ молодыхъ людей, что они забываютъ имена тѣхъ, кому поклонялись отцы ихъ. Забвеніе и пренебреженіе къ памяти умершихъ предковъ возбуждаютъ гнѣвъ и мщеніе ихъ. Такъ напр., преемники Чингиса считали священной обязанностью при вступленіи на престолъ поклоняться могилѣ завоевателя. Но Тогонъ, сынъ калмыцкаго князя Эсэна съ пренебреженіемъ отозвался о Чингисѣ, изрубилъ его священныя юрты и не хотѣлъ, по совѣту бывшихъ тутъ монголовъ, просить у Темучина прощенія. Не успѣлъ дерзкій отойти отъ гроба завоевателя, какъ кровь хлынула у него изъ горла и онъ палъ мертвымъ. Народъ приписалъ это несчастіе гнѣву оскорбленной тѣни Чингиса ⁽¹⁾.

Религіозный культъ въ честь мертвыхъ, состоитъ прежде всего въ жертвоприношеніяхъ имъ. Первая жертва приносится

⁽¹⁾ Ssanang Ssetzen, Ausgabe v. Schmidt. S. 150.

во время погребенія. Самоѣды нѣсколько лѣтъ сразу послѣ погребенія покойника приносятъ на его могилѣ въ жертву оленей. Чуваша совершаютъ *помишки* въ третій и седьмой день и каждый четвертокъ до шести недѣль послѣ смерти покойника. У нихъ есть постоянныя мѣста, назначенныя для жертвоприношеній умершимъ, это — *мазарки*. Чуваша приносятъ сюда съѣстное и пиво для угощенія мертвыхъ ⁽¹⁾. Коряки совершаютъ поминовеніе умершихъ черезъ годъ послѣ ихъ смерти. Родственники покойнаго берутъ двухъ оленей и множество оленьихъ роговъ и пришедши на какое нибудь возвышенное мѣсто, колютъ и съѣдаютъ оленей, а рога втыкаютъ въ землю и шаманъ отсылаетъ ихъ къ покойнику вмѣсто табуна. Когда коряки возвращаются домой, то шаманъ бьетъ ихъ прутьемъ, приговаривая, чтобы покойники не брали ихъ къ себѣ ⁽²⁾.

У бурятъ существуютъ публичныя, торжественныя жертвоприношенія знаменитымъ шаманамъ. Намъ удалось пріобрѣсти двѣ молитвы, распѣваемые шаманами при этихъ жертвоприношеніяхъ. Вотъ первая — умершему шаману Барлаку, жившему 150 лѣтъ тому назадъ. Въ этой молитвѣ шаманъ, приносящій жертву, говоритъ часто отъ лица Барлака; такія мѣста мы обозначимъ курсивомъ.

„Я-шаманъ—призываю не по быстротѣ ума, а по силѣ родовой линіи. Барлакъ, сынъ Хогнуя! отъ своего имени попроси Эрленга, восполни недостатки жертвы! Въ моихъ словахъ нѣтъ ничего противнаго, въ моихъ дѣйствіяхъ — ничего оскорбительнаго!“

„Съверный и восточный мысъ моей Зукулей ⁽³⁾; девяносто девять моихъ заливовъ ⁽⁴⁾, восемьдесятъ восемь моихъ заливовъ“

⁽¹⁾ Сбоева — Замѣтки о чувашахъ, стр. 136, 133.

⁽²⁾ Описаніе Камчатки, томъ III, стр. 167.

⁽³⁾ Большая падь, въ которой жилъ Барлакъ.

⁽⁴⁾ Заливы р. Уни.

ловъ (1), крутые мои, высокіе, каменные утесы (2), Зукүли — мѣсто моей родины! Унгу рѣку мою (3) я усадилъ тростникомъ, юную юру Тархай я покрылъ березовымъ лѣсомъ! мой хранитель, производящій молнію и землетрясеніе! благодѣтель мой, указывающій мнѣ путь, сзади хранящій меня! предки мои шаманы, призывавшіе высокое небо, предки мои, употреблявшіе въ войлочной юртѣ двѣ шаманскія трости! хранитель мой, научившій меня съ дѣтства шаманскому искусству, притягивающій меня къ небу, поднимающій меня вверхъ! бубенъ мой подобенъ широкой степи, моя шаманская одежда подобна лѣсу. Спавшіе люди вскакивали съ постели отъ бряцанья моихъ колецъ, лежащіе вскакивали со страху отъ гула моего бубна. Черныя тучи служили мнѣ спутницами, синіе облака доставляли мнѣ прохладу. Багай и Баханъ (4) мои! ходатайствуя за нихъ я стоялъ у дверей сорока четырехъ адовъ до того, что лошадь моя изсохла съ сидломъ, самъ я изсохъ съ шубой! Я сдѣлался шаманомъ тогда только, когда изсохъ какъ кора древесная! хотя и дикъ сивый мой эсеребецъ, но онъ доставляетъ счастье, хотя и капризна жена моя Буре, но и она доставляетъ счастье.

А вотъ другая молитва умершему шаману Шумуру, жившему на устьѣ Селенги.

„Шумуръ ходитъ по свѣту, чтобы выть подъ ухо спящему, чтобы говорить лежащему: я не могъ утолить жажды водой великаго океана; но утоляю жажду чернымъ виномъ (араки). Я погрузился по уши въ красную кровь, находящуюся въ груди, я погружался по горло въ кровь желудочную. Я не могъ владѣть собой, за то былъ прозванъ непостояннымъ Шумуромъ;

(1) Поляны подъ горою Тархай.

(2) Горы Уриуту и Сузъ на восточной окраинѣ пада Зукүлей.

(3) На берегу Унги Барлакъ училъ народъ. Всѣ эти горы, р. Унга и пада Зукүлей, находятся въ Иркутской губерніи, около Балаганска.

(4) Дѣти Барлака.

ничто меня не удерживаетъ, я отнимаю и владѣю всѣмъ, что есть лучшаго; немогу остановиться въ своихъ дѣйствіяхъ! Я изучилъ законы, нравы и обычаи; я — не подданный бѣлаго царя, я подданный царя другаго міра (Эрлена)! Мнѣ ни почему бѣлый снѣгъ, я не мерзну въ трескучіе морозы! Никто на сѣверной сторонѣ Байкала не можетъ побѣдить меня! Я летаю по широкой долинѣ, какъ листъ, носимый вѣтромъ; въ темнотѣ я не боюсь, потому что знаю шаманское искусство; въ полумракѣ мнѣ еще лучше, потому что у меня длинныя крылья!“

Хотя души умершихъ странствуютъ по землѣ и имѣютъ подъ своею властью нѣкоторые предметы, но постоянное пребываніе ихъ подъ землею или въ могилѣ. Самоѣды и другія сѣверныя племена, которыя хоронятъ зимою трупы въ ящикахъ, думаютъ, что души покойниковъ имѣютъ свое пребываніе въ этихъ гробахъ. Другіе же народы, которые своихъ покойниковъ, особенно дѣтей, вѣшаютъ на деревьяхъ, вѣрятъ, что души ихъ живутъ между древесными вѣтвями и радостно слушаютъ шумъ вѣтра и пѣніе птицъ. Такое воззрѣніе нѣкоторыхъ шаманистовъ есть древнѣйшее; съ развитіемъ міѳологіи, является вѣра въ подземный міръ, въ адъ, гдѣ живутъ души умершихъ людей. То и другое воззрѣніе у большей части шаманистовъ смѣшаны, слиты между собою. Древніе финны, напр., смотрѣли на могилы, какъ на жилища покойниковъ и въ то же время признавали существованіе подземнаго ада — *Туонелы*, или *Маналы*. Въ томъ и другомъ случаѣ души умершихъ считались въ зависимости отъ извѣстныхъ божествъ. Божество могилъ извѣстно было подъ именемъ *Кольмы*, повелитель же ада назывался *Туони* или *Мана*. Обиталище его — Манала, по опредѣленному свидѣтельству рунъ, находится подъ землею, однако совершенно подобно земному міру. Тамъ все также, какъ и на землѣ — и солнцѣ свѣтитъ, есть и воды, и лѣса, и поля, и пашни, и луга и долины; тамъ есть медвѣди, волки, змѣи, рыбы, птицы. Но всѣ предметы подземнаго міра вредны, опасны и

мрачны. Обитатели этого міра и во главѣ ихъ Туони—существа злыя и кровожадные. Жена Туони — старая женщина съ крючковатыми когтями и отвратительнымъ зобомъ. Она угощаетъ своихъ гостей змѣями и лягушками. Къ числу страшныхъ обитателей этого царства принадлежатъ *Дочери Туони* и *народъ Туонелы*, т. е. души умершихъ, которыя стерегутъ Туони и его жена (1).

Подобнымъ же образомъ представляютъ адъ и сибирскіе шаманисты. Это, по ихъ мнѣнію, подземный, совершенно сходный съ здѣшнимъ, міръ. Тамъ царствуетъ *Эрленг* (бурят.), *Ирле-Ханг* (татарскій) и т. д. Покойники тамъ живутъ совершенно такъ же, какъ жили здѣсь—ѣдятъ, пьютъ, работаютъ, дерутся и т. п.

Въ миѳическихъ сказаніяхъ объ адѣ, важное мѣсто занимаютъ рассказы о похищеніяхъ живыхъ людей въ подземномъ мірѣ. Калевала говоритъ о путешествіи Вейнемейнена въ жилище бога смерти для узнанія трехъ волшебныхъ словъ. Мощные шаманы также предпринимали путешествіе въ Туонелу, ища тамъ мудрости и знанія. О подобныхъ путешествіяхъ говоритъ и лопарская мифологія. „Эти путешествія, говоритъ Иессенъ, предпринимались по двумъ побужденіямъ—или потому, что шаманъ хотѣлъ умолить своихъ умершихъ предковъ и родственниковъ, чтобы они стерегли его оленей, или же шаманъ отправлялся по случаю болѣзни извѣстнаго лица умоливать души мертвыхъ, чтобы они продлили жизнь больного, а не привлекали его къ себѣ“. Передъ подобнымъ путешествіемъ, шаманъ билъ въ бубенъ и ворожилъ до тѣхъ поръ, пока не падалъ въ изнеможеніи, подобно мертвому. Лопари и другіе шаманисты вѣрятъ, что въ это время душа шамана отдѣляется отъ тѣла и переходитъ въ адъ (2).

У самоѣдовъ существуютъ также сказанія о путешествіи

(1) Кастрена Vorlesungen über die finn. Mithologie.

(2) Кастрена Vorlesungen, стр. 127—147.

въ подземный міръ, для исканія тамъ мудрости и знанія. Мы приведемъ въ сокращеніи одну изъ такихъ легендъ, сообщаемую академикомъ Лепехинымъ (1).

„Одинъ самоѣдъ, живучи въ худомъ чумѣ со старухою матерью, соскучился и пошелъ странствовать. На дорогѣ нашель онъ два чума; въ одномъ изъ нихъ женился и поживъ нѣсколько времени, отправился дальше. На одномъ холмѣ онъ встрѣтилъ большой камень, отворотивъ который, нашель подъ нимъ доску, а подъ доскою лѣстницу; спустившись по ней, онъ дошелъ до жилища подземныхъ духовъ. Повелитель ихъ спросилъ самоѣда о цѣли его прибытія. „Просвѣщенія ищу“, отвѣчалъ странникъ; „скажи мнѣ—какимъ образомъ произошелъ я на свѣтъ?“ Владыка подземнаго міра послалъ его за отвѣтомъ на землю; здѣсь Христосъ рассказываетъ ему о построеніи вавилонской башни, о разсѣяніи народовъ, въ числѣ которыхъ были будто бы и самоѣды. Затѣмъ самоѣдъ снова спустился въ подземелье; повелитель духовъ далъ ему *пензеръ* (шаманскій бубенъ), говоря:—„возьми и употребляй его при нуждѣ, а мы всегда будемъ приходить къ тебѣ на помощь.“ Возвратившись въ чумъ, самоѣдъ началъ бить въ пензеръ, и вотъ явилось вдругъ множество духовъ, у которыхъ онъ спросилъ: „каково я буду жить?“ Духи отвѣчали: „въ настоящемъ случаѣ мы ничѣмъ не можемъ услужить тебѣ; когда же ты сдѣлаешься боленъ, то мы готовы будемъ помочь тебѣ.“ Когда самоѣдъ однажды заболѣлъ и съ помощью пензера вызвалъ духовъ, то при одномъ взглядѣ на нихъ, почувствовалъ облегченіе и вышелъ изъ чума. Когда онъ возвратился, то встрѣтилъ въ дверяхъ старуху, держащую бумагу. „Знаешь-ли ты меня?“ спросила она у самоѣда. „Незнаю“, отвѣчалъ онъ. „Какъ же ты не знаешь меня, я вѣдь мать твоя — сыра-земля; помни меня всегда, я много тебѣ дѣлаю добра и буду дѣлать!“

По вѣрованію сибирскихъ татаръ, въ подземномъ мірѣ цар-

(1) Путешествіе, Спб. 1805 г. ч. IV, стр. 294—296.

ствуютъ девять *Ирле-Хановъ* ⁽¹⁾, изъ которыхъ одинъ считается ихъ княземъ или атаманомъ. Его власти подлежатъ не одни мертвые, но еще безчисленное множество видимыхъ и невидимыхъ служебныхъ духовъ. Въ числѣ этихъ духовъ есть девятиголовое чудовище *Джилбеганъ*, которое ѣздитъ на сорокарогому животномъ. Въ одной легендѣ говорится, что Джилбеганъ выѣзжалъ однажды изъ подземнаго міра и отрубилъ голову богатырю *Комдей-Миряну*, когда онъ охотился за *черной лисицей* ⁽²⁾. Послѣ этого Джилбеганъ возвратился въ царство Ирле-хановъ и унесъ съ собою голову богатыря. Сестра послѣдняго, *Кубайко*, рѣшилась идти въ подземное царство за головой брата. По слѣдамъ Джилбегана она дошла до пещеры, черезъ которую спустилась во владѣнія Ирле-хановъ. Здѣсь встрѣтила она много чудесныхъ вещей. На дорогѣ видѣла она семь глиняныхъ кружекъ и старуху, переливавшую молоко изъ одной кружки въ другую. Немного дальше, на песчаной равнинѣ, стояла привязанная лошадь, хотя не было кругомъ ни травы, ни воды, но лошадь была тучна и сильна. Дальше, на зеленомъ и орошенномъ водою лугу, стояла другая, тощая и хилая лошадь. Въ одномъ мѣстѣ рѣка была запружена половиной человѣческаго тѣла, между тѣмъ, какъ въ другомъ мѣстѣ, цѣлыя тѣла не могли запрудить подобной же рѣки. Полная ужаса, Кубайко прошла мимо всѣхъ этихъ предметовъ и встрѣтила дѣвушку, которая привѣтствовала ее и сказала, что она принадлежитъ землѣ свѣта. Она пришла въ подземный міръ для спасенія своего брата, но когда достигла жилища Ирле-хановъ, то услышала сильные удары молота, испугалась ихъ и рѣшилась возвратиться на бѣлый свѣтъ. Она дала Кубайко

⁽¹⁾ Одного корня съ буддійскимъ *Эрлинз* и бурято-шаманскимъ *Эрленг*.

⁽²⁾ *Черная лисица* по татарской мифологіи принадлежитъ подземному міру; въ татарскихъ поэмахъ она представляется дочерью адскаго божества Изитъ-хана (*Этногр. Сборн. вып. IV, с. 108*).

шелковый платокъ для передачи брату ея *Канмиргену*, чтобы онъ, если горить въ огнѣ, то обтиралъ этимъ платкомъ потъ. Дѣвушки разстались. Кубайко все дальше и дальше проникала во внутренность подземнаго царства и встрѣтила чудеса, еще удивительнѣйшія прежнихъ. Удары молота слышались все сильнѣе и сильнѣе, и скоро Кубайко увидѣла, что сорокъ человѣкъ ковали, другіе сорокъ дѣлали пилы, а еще сорокъ — приготавливали клещи. Идя по слѣдамъ Джилбегана, Кубайко пришла на берегъ рѣки, текшей при подножіи высокой горы; на берегу этой рѣки стояло жилище Ирле-хановъ ⁽¹⁾, — каменный, сорокаугольный домъ ⁽²⁾. Передъ входомъ въ него стояло девять листовницъ, росшихъ на одномъ корнѣ. Къ одному изъ деревьевъ были привязаны лошади Ирле-хановъ. Кубайко увидѣла на одномъ деревѣ слѣдующую надпись: „когда Кудай сотворилъ небо и землю, тогда явилось и это дерево, и до сихъ поръ ни одинъ человѣкъ, ни одно животное не подходило живыми къ этому дереву.“ Прочитавъ надпись, Кубайко вошла въ жилище Ирле-Хановъ и затворила за собою дверь; внутри было темно, и Кубайко заблудилась. Она почувствовала, что ее хватаютъ невидимыя руки, цѣпляются за ея платье, дергаютъ и терзаютъ её. Она пыталась поймать своихъ мучителей, но напрасно — они не имѣли тѣла! Кубайко закричала, тогда отворилась дверь, просвѣтлѣло и вышелъ атаманъ Ирле-Ханъ. Онъ спасъ Кубайко и пошелъ назадъ, не говоря ни слова; дѣвушка слѣдовала за нимъ; она шла по многимъ покоямъ, которые были пусты и ждали обитателей; за тѣмъ шла она по другимъ, наполненнымъ людьми, покоемъ. Въ одномъ изъ нихъ сидѣли

⁽¹⁾ Подобнымъ образомъ и Вейнемейненъ, во время своего путешествія по Туонелѣ, пришелъ на берегъ рѣки, при которой возвышалась скала и на ней стояла жилище самого Туони. (*Kalevala, rune XVI, vers 151*).

⁽²⁾ По словамъ бурята, адъ имѣетъ сорокъ угловъ, сорокъ дверей и сорокъ отдѣленій.

старухи и прали лёнъ; въ другомъ были тоже старухи, но они ничего не дѣлали, а, казалось, хотѣли что-то проглотить, чего они не могли разжевать. Въ слѣдующемъ покоѣ сидѣли женщины среднихъ лѣтъ, на шеѣ и рукахъ у нихъ были камни, которыхъ они не могли пошевелить. Четвертая комната была наполнена мужчинами, съ кольцами на шеѣ, на которыхъ висѣли огромныя деревья. Въ пятомъ отдѣленіи Кубайко увидѣла прострѣленныхъ мужей, вооруженныхъ стрѣлами и луками; они бѣжали съ крикомъ и воемъ. Та же бѣготня, тѣ же крики и вопли встрѣтили дѣвушку въ шестомъ покоѣ, занятомъ мужчинами, которые ранили себя ножами. Вошедши въ седьмой покой, Кубайко увидѣла бѣшенную собаку и укушенныхъ ею людей, то же бѣшенныхъ и разсвирѣпѣвшихъ. Въ восьмомъ отдѣленіи, мужъ и жена лежали подъ одѣяломъ, спитымъ хотя и изъ девяти овечьихъ шкуръ, но покрывавшимъ только одну половину. Въ девятомъ, мужъ и жена лежали подъ одѣяломъ, сдѣланнымъ только изъ одной шкуры, и тѣмъ не менѣе, обѣ половины были покрыты. Наконецъ, Кубайко вступила въ десятое отдѣленіе, обширное какъ степь. Здѣсь сидѣли восемь Ирле-Хановъ, къ которымъ присоединился и самъ атаманъ, шедшій съ Кубайко. Дѣвушка преклонилась передъ Ирле-Ханами и спросила — на какомъ основаніи, подвластный имъ духъ Джилбеганъ отрубилъ и унесъ голову ея брата? Ирле-Ханы отвѣчали, что это сдѣлано по ихъ приказанію. Они согласились возвратить голову только въ томъ случаѣ, если Кубайко сможетъ вытащить изъ земли семирогаго барана, такъ глубоко вросшаго въ землю, что видѣлись одни рога. Предпріятіе было опасно, и Ирле-Ханы говорили Кубайко, что она сама можетъ лишиться своей головы; но дѣвушка не испугалась, и Ирле-Ханы пошли изъ покоя, взявши ее съ собой. Они вели ее черезъ девять отдѣленій, наполненныхъ человѣческими тѣлами, въ числѣ которыхъ Кубайко увидѣла голову своего брата; она остановилась и заплакала. Но Ирле-Ханы повели ее въ десятый покой, гдѣ былъ закопанъ баранъ. Здѣсь они велѣли Кубайко приступить къ

дѣлу. Она принялась тащить барана и скоро взвалила его на свои плечи. Тогда Ирле-Ханы упали къ ногамъ Кубайко, отдали ей голову брата и проводили ее изъ своего жилища. На дорогѣ они спрашивали — не можетъ ли она, столь сильная богатырша, дать имъ совѣтъ, какъ сжечь богатыря Канмиргэна, который давно уже горитъ въ огнѣ, но сгорѣть не можетъ. Кубайко захотѣла посмотрѣть его, и Ирле-Ханы повели ее снова черезъ девять покоевъ, въ которыхъ ковали кузнецы; въ десятомъ жарился Канмиргэнъ. Кубайко воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы передать богатырю платокъ отъ его сестры, и просила Ирле-Хановъ освободить Канмиргэна, потому что онъ человѣкъ честный и мучится невинно. Отсюда пошли они дальше и ханы проводили Кубайко до выхода изъ подземнаго міра. Дорогою, по просьбѣ дѣвушки, Ирле-Ханы объясняли ей чудеса своего царства. „Старуха, которая переливаетъ молоко изъ кружки въ кружку, угощала на землѣ своихъ гостей молокомъ, смѣшаннымъ съ водою; въ наказаніе за это, она должна цѣлую вѣчность отдѣлять воду отъ молока. Половина тѣла, которымъ запружена рѣка, не терпитъ наказанія; она принадлежитъ мудрому человѣку, который могъ запруживать рѣки и исполнять все, что ни захотѣлъ. Половина трупа его лежитъ для напominанія проходящимъ, что умный человѣкъ, лишившись даже своихъ членовъ, можетъ совершать великія дѣла своимъ разумомъ. Цѣлая же тѣла, которыя не могли запрудить рѣки, должны напоминать, что одною физическою силою, человѣкъ не можетъ сдѣлать ничего. Эти тѣла принадлежали сильнымъ, но не умнымъ людямъ. Жирная лошадь на песчаномъ дугу, служить доказательствомъ, что предусмотрительный человѣкъ и при дурномъ пастбищѣ можетъ хорошо содержать лошадь; напротивъ, тощая лошадь на зеленомъ дугу, показываетъ, что животное и на хорошемъ пастбищѣ будетъ дурно, если оставлено безъ присмотра“. Кубайко спросила: „что за существа схватили меня въ темномъ покоѣ, драли мое платье, мучили меня и не имѣли тѣла?“ Ирле-Ханы отвѣчали: „это наши

служебные, невидимые духи, которые вредятъ злымъ и могутъ умертвить ихъ; отъ добрыхъ же людей они держатъ себя далеко и не могутъ причинить имъ зла. Женщины, которыя прядутъ въ первой комнатѣ, осуждены за то, что пряли на землѣ послѣ солнечнаго захода, хотя и запрещено заниматься въ это время какою-бы то ни было работою. Сидящія во второмъ отдѣленіи, получали на землѣ нитки для наматыванья на клубки, но дѣлали клубки пустыми внутри и воровали пряжу. Теперь они осуждены мотать эти клубки, но такъ какъ это невозможно, то клубки будутъ вѣчно сидѣть въ ихъ горлѣ. Молодые женщины, которыя сидятъ въ третьемъ отдѣленіи съ камнями на шеѣ и рукахъ, клали камни въ масло, чтобы прибавить ему вѣсу. За это цѣлую вѣчность, они должны носить тяжелые камни. Мужчины съ кольцами на шеѣ, повѣсились изъ за пресыщенія жизнью. Прострѣленные мужчины въ пятомъ отдѣленіи, также самоубійцы, застрѣлившіеся изъ за несогласія съ женами. Равнымъ образомъ, самоубійцы и раненые мужчины въ шестомъ отдѣленіи; они въ пьяномъ видѣ зарѣзались ножами. Обитатели седьмаго покоя страдаютъ за то, что были неосторожны передъ бѣшенными собаками и укушены ими. Въ восьмомъ покоѣ лежатъ супруги, которые на землѣ жили несогласно и каждый старался только о своихъ выгодахъ; они осуждены вѣчно ссориться за одѣяло, которое при согласіи было бы болѣе, чѣмъ достаточно для обоихъ. Лежащія въ девятомъ отдѣленіи супруги, могутъ служить примѣромъ того, что и малымъ имѣніемъ будутъ довольны супруги, если только будетъ между ними миръ и согласіе. Они не несутъ никакого наказанія, а лежатъ для того, чтобы при видѣ ихъ, злые еще болѣе чувствовали свое наказаніе“.

Выслушавъ все это, Кубайко простилась съ Ирле-ханами и возвратилась съ головою своего брата на бѣлый свѣтъ. Она отыскала трупъ брата и начала плакать, что не можетъ возвратитъ ему жизни. Кудай сжалился надъ дѣвушкой и далъ ей живой воды. Кубайко вспыснула этой водой трижды губы

своего брата, — Комдей Миргенъ ожилъ и получилъ прежнюю силу“ (1).

Съ распространеніемъ между шаманистами христіанскихъ, буддійскихъ и мусульманскихъ вѣрованій и сказаній, ученіе объ адѣ, нѣсколько измѣняется. У бурятъ и якутовъ, напр., подземный міръ есть почти совершенно то же, что христіанскій адъ, въ которомъ мучатся грѣшники, а праведники, въ особомъ отдѣленіи, въ раѣ, блаженствуютъ. Самый колоритъ этихъ сказаній и подробности, заимствованы болѣею частью современныхъ шаманистовъ извнѣ, преимущественно отъ христіанъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Священныя животныя, идола и амулеты.

Мы видѣли уже, что поклоненіе горамъ, деревьямъ, камнямъ почти совершенно потеряло характеръ фетишизма, и шаманисты почитаютъ эти предметы священными, только какъ мѣстопробыванія извѣстныхъ духовъ. Тоже должно сказать объ идолахъ и священныхъ животныхъ: имъ поклоняются не затѣмъ, что они боги, но потому, что духи благоволили избрать ихъ мѣстомъ своего пребыванія. Впрочемъ нѣкоторые шаманисты въ этомъ отношеніи не вышли еще изъ предѣловъ фетишизма. А что въ древности священныя животныя считались дѣйствительными божествами, это видно, напр., изъ древне-финской мифологіи. Между священными животными древнихъ финновъ первое мѣсто занимаетъ медвѣдь, — „яблоко лѣса“, „гордость трущобы“. Ему приписывали финны человѣческій умъ и двѣнадцать человѣческихъ силъ. Вотъ что говорятъ руны (2) о

(1) Это сказаніе переведено нами изъ Vorlesungen über die finnische Mithologie, A. M. Кастрена.

(2) Kalevala, rune XLVI, v. 355—458.

происхожденіи медвѣдя: дочь воздуха странствовала въ небесныхъ пространствахъ на облакѣ: она держала въ рукахъ корзину съ шерстью. Шерсть упала въ воду и вѣтеръ прибилъ ее къ лѣсу, богатому медомъ. „Хозяйка лѣса“ взяла шерсть и положила ее въ прекрасную кленовую колыбель, которую повѣсила золотою нитью на вѣтвь цвѣтущей пихты. Здѣсь зачался и выросъ прекрасный медвѣдь. „Хозяйка лѣса“ не хотѣла давать дитяти зубовъ, но медвѣдь клялся, что онъ не будетъ злоупотреблять ими, — и она дала ему зубы. Медвѣдь не сдержалъ клятвы, — и за это люди убиваютъ его. Однакожь это считается преступленіемъ и въ честь убитаго устраивается празднество ⁽¹⁾. Преслѣдуя и убивая медвѣдя, финны поютъ пѣсни, въ которыхъ извиняется передъ нимъ въ своей жестокости ⁽²⁾. Убитаго медвѣдя дѣлятъ, варятъ и ѣдятъ тоже съ пѣснями, но уже на два хора, которые поютъ попеременно. Вотъ одна изъ этихъ пѣсень ⁽³⁾: „тише старики, тише бабы, тише и вы — вы, старые герои! Прочь мальчишки изъ сѣней, прочь дѣвушки отъ дверей! Добрый пришелъ въ горницу, счастливый убить! Приди сюда, мой сынокъ, изъ бѣдной земли сѣвера!“..

У древнихъ финновъ были и священные птицы. Такъ, во время перваго странствованія Вейнемейнена, прилетѣлъ орелъ изъ *Turin*, сѣлъ къ нему на колѣна, свилъ гнѣздо и снесъ яйца. Изъ этихъ яицъ божественный пѣвецъ сотворилъ солнце и луну, землю и звѣзды ⁽⁴⁾. Кукушка, своимъ крикомъ способствующая, по вѣрованію финновъ, плодородію земли, и крохаль, предчувствующая грозу и предсказывающая о ней своимъ пѣніемъ, считались священными птицами ⁽⁵⁾. Подобнымъ же уваженіемъ пользовалась пчела; шаманъ призывалъ ее въ

⁽¹⁾ Kastren Vorlesungen, стр. 202.

⁽²⁾ Я. Гриммъ о финск. эпосѣ. Журн. М. Н. Пр. ч. XLIX, с. 176.

⁽³⁾ Eckerman, Religionsgeschichte. Band IV, стр. 189.

⁽⁴⁾ Гриммъ, о финскомъ эпосѣ. стр. 159.

⁽⁵⁾ Кастрена Vorlesungen, стр. 201.

своихъ молитвахъ, какъ могущую дать спасительное средство въ извѣстныхъ случаяхъ ⁽¹⁾. У нывѣшнихъ лопарей особеннымъ уваженіемъ пользуются змѣи. О нихъ рассказываютъ, что они живутъ въ общинахъ, управляясь своими законами и обычаями. Въ каждой общинѣ есть начальникъ и покорные ему служители. Разъ въ годъ, въ опредѣленномъ мѣстѣ, змѣи собираются на сеймъ; каждый подчиненный имѣетъ здѣсь право высказывать свои жалобы начальнику. Начальникъ не только чинить судъ и расправу надъ змѣями, но опредѣляетъ наказанія людямъ и другимъ тварямъ, умертвившимъ или оскорбившимъ кого-нибудь изъ его подчиненныхъ ⁽²⁾.

Буряты и якуты считаютъ священными лошадей, посвященныхъ духамъ. Кромѣ того, якуты почитаютъ бѣлогубыхъ жеребцовъ, подъ видомъ которыхъ живетъ въ улусѣ и хранитъ его отъ несчастій *эсхеитъ* — духъ-посредникъ между людьми и небожителями. О бурятскомъ Буха Ноемъ (*порожь*) мы уже говорили. Къ числу священныхъ животныхъ у бурятъ принадлежатъ лебеди, вороны, коршуны, гагары, орлы. Духи принимаютъ иногда видъ этихъ птицъ, почему они и называются *эжиней шобутъ* — „птицами, имѣющими владѣтеля.“ Такъ напр., экъ-юрень, равно какъ и якутская кубей хатунъ, спускались въ древности на землю въ видѣ лебедя. Эту птицу якуты и буряты не смѣютъ бить и раззорять ея гнѣзда. „Одинъ охотникъ, — говоритъ бурятская легенда — раззорилъ гнѣздо лебедя и принесъ дѣтенышей его домой. Лебедь, въ отмщеніе за это, сжегъ весь улусъ, принеши горящую головню во рту и бросивъ ее на крышу дома.“ Духъ элье является людямъ подъ видомъ коршуна. Гагара участвовала въ твореніи міра. Всѣхъ этихъ птицъ буряты и якуты не употребляютъ въ пищу и не смѣютъ пугать ихъ; иначе эжинъ птицы наслетъ какое-нибудь несчастіе. По этому, когда летитъ надъ юртою лебедь или орелъ,

⁽¹⁾ Кастренъ. Kalevala, rune XV, vers 393.

⁽²⁾ Кастрена путешествіе, стр. 236.

то шаманисты плещутъ вверхъ молоко или вино, въ жертву пролетающей птицѣ. Полевые черви считаются у бурятъ существами личными. Они раздѣляются на нѣсколько царствъ, изъ которыхъ каждымъ владѣетъ особый государь. Эти цари вступаютъ иногда между собою въ войну; пришедши во владѣнія непріятелей, черви стараются подѣлать хлѣбные корни и тѣмъ стараются нанести вредъ враждебному царству.

Камчадалы почитаютъ многихъ животныхъ: медвѣдей, волковъ, тюленей, китовъ, и имѣютъ идоловъ всѣхъ этихъ животныхъ. Голову убитаго медвѣдя вѣшаютъ на дерево и поклоняются ей, равно какъ и головѣ убитаго тюленя, въ честь которой устроится праздникъ и приносится жертва ⁽¹⁾. Кромѣ того, уважаются мыши. Онѣ кочуютъ въ Камчаткѣ съ мѣста на мѣсто и иногда на нѣсколько лѣтъ исчезаютъ съ полуострова; это считается худымъ предзнаменованіемъ ненастья и неудачныхъ звѣриныхъ промысловъ. Напротивъ, возвращеніе мышей считается до того благопріятнымъ предзнаменованіемъ, что туземцы рассылаютъ другъ къ другу извѣстія о приходѣ мышей, какъ о событіи весьма важномъ и радостномъ. Когда мыши уходятъ съ Камчатки, то камчадалы говорятъ, что онѣ уплыли за море, на ловлю звѣрей. Судами мышей считаются раковины, которыя поэтому и зовутся *мышинными байдарами* ⁽²⁾.

Ящерицы считаются за шпіоновъ, посылаемыхъ подземнымъ владыкой съ тѣмъ, чтобы извѣщали его, какому человѣку пора умереть. Если камчадалъ увидитъ ящерицу, то убиваетъ ее и растерзываетъ на части; а случится ей уйти отъ своего преслѣдователя, онъ впадаетъ въ тоску и отчаяніе, каждый часъ ожидая смерти ⁽³⁾.

Выдра почитается особенно у колошей. Готовящійся въ шаманы уходитъ въ лѣсъ; духи посылаютъ ему выдру, которую

⁽¹⁾ Описаніе Камчатки, томъ II, стр. 266.

⁽²⁾ Ibid. т. II, стр. 228, 229.

⁽³⁾ Ibid. стр. 350.

онъ убиваетъ однимъ звукомъ *о*, вырѣзываетъ у ней языкъ и кладетъ себѣ въ ротъ. Это одно изъ самыхъ необходимыхъ средствъ пріобрѣтенія дара предсказаній ⁽¹⁾.

Идолы и разные священные амулеты извѣстны у монголо-бурятъ подъ именемъ *онгоновъ*. Католическіе миссіонеры среднихъ вѣковъ рассказываютъ о монголахъ, что они имѣли одного общаго идола, держали его въ большой чести, молились ему и приносили жертвы. Дѣлать другихъ идоловъ считалось преступленіемъ, соединеннымъ съ опасностью жизни. Упомянутый идолъ стоялъ посреди юрты, ему приносили въ жертву кобылье молоко и другіе роды пищи. Если убивали животное, то сердце его клали передъ идоломъ и оно лежало тутъ до слѣдующаго дня. Передъ шатромъ хана стоялъ тоже драгоценный идолъ, ему посвящали лошадей, которыя съ тѣхъ поръ считались священными и не употреблялись на работу ⁽²⁾.

Въ настоящее время у бурятъ не всѣ духи имѣютъ онгоновъ, а только нѣкоторые, большею частью души знаменитыхъ шамановъ и шаманокъ. Онгоны дѣлаются шаманами изъ дерева, жести, овечьей шкуры. Деревянные идолы имѣютъ нѣкоторое подобіе человѣка, голову, руки, ноги, глаза изъ свинца или коралловъ. На звѣриныхъ же шкурахъ шаманы красною краской малюютъ человѣческую фигурку, вставляютъ оловянные или свинцовые глаза, или просто намазываютъ на овчинной мездрѣ жиромъ носъ, ротъ, глаза. Эти кожаные идолы называются *зол-замче* — „судьба-счастье“. Есть еще у бурятъ идолы Буха Ноена, эжиновъ солнца и луны. Изображенія послѣднихъ состоятъ изъ деревянныхъ кружковъ, обитыхъ красною шелковой матеріей. Одни изъ онгоновъ висятъ по стѣнамъ юрты, другіе лежатъ въ ящикѣ. На стѣнѣ юрты виситъ еще особаго рода онгонъ — деревянный ящикъ и въ немъ

⁽¹⁾ Шаманство, Н. Шукіна въ прибавл. къ Ж. М. Н. П. 1846 г.

⁽²⁾ Deguines, übersetzt von Dähnert, theil III, S. 7.

шкуръ бурундука, бѣлки, горностая; шаманъ читаетъ надъ этимъ ящичкомъ заклинаніе, — и онъ становится онгономъ.

Онгоны заводятся въ юртѣ по волѣ духовъ, возвѣщаемой шаманомъ. Сначала заводятъ только трехъ онгоновъ, а черезъ нѣсколько времени остальныхъ. Заведеніе этихъ идоловъ стѣбитъ бурятамъ не малыхъ издержекъ, потому что при этомъ бьютъ кобылу и устрояютъ празднество. Онгоны имѣютъ благотѣльное вліяніе на хозяевъ, охраняя ихъ юрту и имущество; но по смерти хозяевъ они бывають вредны оставшемуся послѣ нихъ потомству, почему новые жильцы юрты выносятъ ихъ въ поле и, принеся въ жертву барана или лошадь, сожигаютъ идоловъ. Этотъ обрядъ называется *ототъ харюлана*, „возвращеніе онгоновъ.“

Идолы якутовъ имѣютъ видъ небольшихъ болванчиковъ, вырѣзываются изъ дерева и обшиваются берестой по два и по три вмѣстѣ.

Идолы пользуются у бурятъ и якутовъ большимъ уваженіемъ. Если же бурятъ не имѣетъ онгоновъ или не оказываетъ имъ должнаго почтенія, то духи посылають разныя несчастія на его семейство. Если кто, говорятъ шаманы, наступитъ на онгона, то духи лишаютъ его жизни. Извѣстія, сообщаемыя многими этнографами, будто бы буряты сѣкутъ своихъ идоловъ, ложны.

Идолы тунгусовъ, называемые *шовоки*, бывають изъ дерева, желѣза, олова; дѣлаются и освящаются они шаманомъ. Одни изъ нихъ представляютъ духовъ, другіе — тѣла небесныя, третьи — животныхъ. Идолъ солнца состоитъ изъ деревяннаго или жестянаго изображенія человѣческаго лица. Жестяные идолы называются *ганенг*. Кромѣ человѣческихъ изображеній планетъ и духовъ, изъ жести дѣлають изображенія медвѣдей, львовъ, рыбъ, лебедей. Каменные идолы — камни, неопредѣленной формы въ которыхъ воображеніе шамана находитъ подобіе чело- вѣка ⁽¹⁾.

⁽¹⁾ Georgi, Reise, стр. 279.

У сѣверныхъ камчадаловъ висятъ въ юртѣ два идола — *хантай* и *ажушакъ*. Хантай имѣетъ одну половину, до груди, человѣческую, а вторую рыбою. Ставится онъ подлѣ очага на годъ; по истеченіи этого срока, дѣлають другаго хантая и ставятъ на-ряду со старымъ. *Ажушакъ* — это небольшой столбикъ, съ верхушкою, обдѣланною на подобіе человѣческой головы. Онъ ставится надъ домашнею посудой, хранитъ юрту и отгоняетъ лѣсныхъ духовъ ⁽¹⁾. *Урилыдачъ* — болванчики съ обтесанными головами — дѣлаются для годоваго праздника, вмѣстѣ съ изображеніями волка и кита, а послѣ праздника сожигаются. Идолъ бога огня *нома*, о которомъ уже говорено. *Итунгъ* — идолъ, дѣлаемые въ упомянутой праздникъ и втыкаемые въ потолокъ. Идолъ *байбаянай* вырѣзывается на деревѣ передъ началомъ звѣриной ловли; ему приносятъ въ жертву животное и кровью его мажутъ лицо идола, желая при этомъ, чтобы промышленники видѣли на охотѣ кровь каждый день ⁽²⁾.

Объ идолахъ самоѣдовъ, остяковъ и другихъ шаманистовъ, мы не говоримъ, потому что сущность идолопоклонства одна и та же у всѣхъ шаманистовъ, разница только въ названіяхъ да въ мелкихъ частностяхъ, которыми растягивать нашу статью намъ не хочется.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Шаманы, священные обряды, кудесничество.

Жрецы разсматриваемой нами религіи, извѣстны подъ именемъ *шамановъ*. Это слово происходитъ отъ манджурскаго *саманъ*, корень котораго *сам* даетъ нѣсколько монгольскихъ и манджурскихъ словъ; напр. мандж. *сам-арамби* — возмущать,

⁽¹⁾ Крашенинниковъ, т. III, стр. 27.

⁽²⁾ Ibid., т. II, стр. 258.

биться, монг. *сам-оромой* — то же, *сам-ану* — возмущившійся, мандж. *сам-дамби* ⁽¹⁾ — плясать. Вообще, значеніе этихъ словъ означаетъ тревожное, безпокойное состояніе, а *саманъ* или *шаманъ* означаетъ человѣка взволнованнаго, изступленнаго, скачущаго ⁽²⁾ *).

Слово *шаманъ* употребляется изъ послѣдователей шаманства только бурятами, тунгусами и якутами, прочіе же шаманисты имѣютъ свои названія шамановъ — самоѣды зовутъ ихъ *тадибей*, чуваша — *жомза*, монголы — *боге* или *бѣ*, тибетцы — *хлаба* и т. д.

Шаманы являются еще въ глубокой древности; уже при Шакьямуни они были на верху своей славы, какъ свидѣтельствуемъ буддійская книга *Ултерунъ-Далай*. При появленіи буддизма, шаманы должны были выдержать упорную борьбу съ его проповѣдниками. Шакьямуни объявилъ себя противникомъ всѣхъ шамановъ и осудилъ ихъ на погибель. Будучи на одномъ состязаніи съ представителями *Черной Вѣры*, Шакьямуни рѣшилъ ихъ участь однимъ мановеніемъ руки, — едва коснулся онъ своего сѣдалища, — оно потряслось, раздался дикій голосъ, похожій на ревъ слона; явились изъ земли духи и начали по-

⁽¹⁾ Не сюда ли нужно отнести происхожденіе самоѣдскаго *самбадава* — колдовство, кудесничество?

⁽²⁾ Черная Вѣра, Банзарова; стр. 104 и 105.

*) Не знаю, почему не производить названіе саманъ или шаманъ, отъ китайскаго ша-мынь, въ свою очередь искаженнаго, изъ санскритскаго шаманъ — общаго названія буддистовъ. Буддизмъ явился въ Китаѣ въ началѣ IV столѣтія, и первые его жрецы были кудесники. Вліяніе Китая на Сѣверо-Восточную Азію не сомнительно; если и говорить, что шаманство и буддизмъ не одно и то же, то все же можно предположить, что здѣсь названіе шаманъ заимствованное. При томъ въ буддизмѣ такъ много толкуется о чарахъ, что скорѣе допустить, что шаманскіе обряды представляютъ искаженные остатки древняго буддизма, занесеннаго въ Сѣверо-Восточную Азію за-долго до Чингисхана. Эти остатки встрѣтились враждебнѣе попомъ съ возобновленнымъ буддизмомъ. Пр. В. П. Васильева.

ражать шамановъ. Несчастные искали спасенія въ бѣгствѣ, но рѣка преградила имъ путь и погибель ихъ сдѣлалась неизбежною. Изъ шести сотъ тысячъ уцѣлѣло только двѣсти шамановъ; они то разсѣявшись по міру, служили орудіемъ тѣхъ понятій о Черной Вѣрѣ, которыя до сихъ поръ удерживаются ея послѣдователями ⁽¹⁾.

Нынѣшніе шаманисты представляютъ древнихъ шамановъ гораздо выше современныхъ. Отчего же шаманы дѣлаются все хуже и хуже, на это отвѣчаетъ слѣдующая легенда, записанная нами отъ балаганскихъ бурятъ. „Первый шаманъ назывался *Хара Гыргенъ*. Это былъ знаменитѣйшій изъ шамановъ, — для него все было возможно — и мертвца воскресить, и бѣднаго обогатить. Богъ, видя такое могущество Гыргена и опасаясь, какъ бы онъ впослѣдствіи невоспротивился ему, пожелалъ испытать его. Для этой цѣли онъ взялъ душу одной богатой дѣвицы. Когда она сдѣлалась отчаянно больна, вслѣдствіе взятія души, то отецъ ея обратился къ упомянутому шаману съ просьбою — исцѣлить больную. Собравши всѣ свои силы, *Хара Гыргенъ* сѣлъ на бубенъ и полетѣлъ по сводамъ небеснымъ и по всему пространству ада преисподняго, отыскивая душу дѣвицы. Вдругъ, онъ видитъ ее въ бутылкѣ на столѣ у Бога, а бутылку богъ заткнулъ пальцемъ правой руки, чтобы душа не выскочила. Хитрый шаманъ превратился въ желтаго паука и сильно ужалилъ Бога въ правую щеку, такъ что онъ отъ боли, схвативъ правую рукою щеку, выпустилъ изъ бутылки душу. Шаманъ воспользовался этимъ и возвратилъ душу умиравшей дѣвицѣ. Но разгнѣванный Богъ ограничилъ могущество *Хара Гыргена*, и съ тѣхъ поръ шаманы стали все хуже и хуже.“

Подобную же легенду рассказываютъ самоѣды о великомъ

⁽¹⁾ Эта легенда, конечно не имѣющая исторической достовѣрности, находится въ *Ултерунъ Далай*, изъ которой переведена А. Ниломъ въ его *Буддизмъ*; стр. 219—227. Нами она сокращена.

тадибѣ *Уріеръ*, который, будучи недоволенъ землею жизнью, вознесся на небо. Послѣ него не было уже такихъ великихъ тадибовъ ⁽¹⁾.

Шаманы въ настоящее время не составляютъ отдѣльнаго сословія или касты, но въ древности это званіе принадлежало извѣстнымъ фамиліямъ и было наследственно. Остатки такого порядка сохранились до сихъ поръ. Нынѣ у бурятъ только тотъ можетъ быть шаманомъ, кто имѣетъ шамана между своими предками, для чего, поступающій на эту должность, обязанъ объявить всю свою родословную по отцовской линіи. У остяковъ до нынѣ шаманы передаютъ своимъ дѣтямъ свой санъ и обязанность. Бездѣтные уступаютъ свою должность друзьямъ или воспитанникамъ. У колошей шаманство почти всегда наследственно. Потомки шамановъ у бурятъ могутъ безъ посвященія приносить жертвы и умолять духовъ, между тѣмъ какъ не имѣющіе въ своей фамиліи шамановъ, подвергаются за это опасности—подпасть гнѣву духовъ и даже лишиться отъ нихъ жизни. Все это утверждаетъ насъ въ томъ мнѣніи, что шаманы составляли нѣкогда касту, сословіе.

Одни изъ шамановъ призываются, по ихъ словамъ, на это служеніе духами и называются *дѣйствительными*; другіе поступаютъ на шаманскую должность безъ всякаго призванія свыше и называются *ложными*. Еще шаманы дѣлятся у бурятъ на *бѣлыхъ* и *черныхъ*; первые служатъ добрымъ духамъ, а послѣдніе—злымъ. Бѣлые находятся всегда въ непримиримой враждѣ съ черными, отличающимися звѣрскимъ характеромъ. Буряты рассказываютъ, что бѣлые и черные сражаются между собою, бросая другъ въ друга топорами на сто верстъ и болѣе. Вражда эта обыкновенно кончается смертью одного изъ противниковъ. Побѣда остается большею частью на сторонѣ того, кто имѣетъ больше и знаменитѣе предковъ-шамановъ. Послѣдніе въ этомъ, равно какъ и въ другихъ важныхъ слу-

⁽¹⁾ См. Этногр. Сборникъ, вып. IV, стр. 298.

чаяхъ, ходатайствуютъ за своего потомка передъ духами, отчасти и сами помогаютъ ему.

Теперь намъ слѣдуетъ говорить о посвященіи въ шаманы; нужно впрочемъ замѣтить, что у манджуровъ и нѣкоторыхъ другихъ народовъ, шаманы принимаютъ свою должность безъ всякихъ обрядовъ посвященія ⁽¹⁾.

Многіе изъ шамановъ призываются, по ихъ словамъ, на это служеніе духами. Признаками такого призванія служатъ—явленіе самихъ духовъ или умершихъ шамановъ, частые обмороки, головокруженія, способность угадывать будущее, предсказаніе шамановъ, что такой-то ребенокъ долженъ быть по волѣ духовъ шаманомъ, или, наконецъ, особенныя, чудесныя явленія. Такъ напр., тунгусы вѣрятъ въ сверхъестественное призваніе къ шаманскому служенію. Ребенокъ, у котораго изъ носа или рта течетъ кровь, назначается въ это званіе духами и берется шаманомъ для воспитанія. Этого и достаточно у нѣкоторыхъ народовъ, чтобы быть шаманомъ, у другихъ же считается необходимымъ обрядъ посвященія, а иногда нѣкоторые тѣлесные подвиги и пріобрѣтеніе нѣкоторыхъ средствъ, открывающихъ новому шаману міръ духовъ. У колошей, желающій поступить въ шаманы, уходитъ въ лѣса и живетъ тамъ до тѣхъ поръ, пока явятся къ нему духи и, главный изъ нихъ пошлетъ выдру. Онъ убиваетъ ее однимъ словомъ *о!*, произнесеннымъ на разные лады четыре раза. Выдра опрокидывается на спину и умираетъ, высунувши языкъ. Шаманъ вырѣзываетъ у нея языкъ, кладетъ его въ особенную коробочку и прячетъ въ какомъ-нибудь потаенномъ мѣстѣ. Если случится найти эту коробочку кому-нибудь изъ непосвященныхъ, то онъ сойдетъ съ ума. Шкура съ выдры снимается и навсегда остается при шаманѣ, какъ признакъ его должности. Шаманъ, которому не явились ни духи, ни выдра, идетъ на могилу шамана и спитъ тамъ,

⁽¹⁾ Китай, соч. Іакинѣа, ч. IV, стр. 56.

⁽²⁾ Georgi, Bemerkungen ein. Reis., стр. 286.

или отрѣзываетъ у мертвого мизинецъ, вынимаетъ зубъ, — и держать во рту, пока явятся духи ⁽¹⁾.

У бурятъ, готовящійся въ шаманы, приглашаетъ себя въ наставники пожилаго и опытнаго шамана и, подъ его руководствомъ, знакомится съ мифологіей. За три или за четыре дня до совершенія обряда посвященія, готовящійся съ девятью избранными товарищами и со старымъ шаманомъ, ѣздитъ по своему и окрестнымъ улусамъ, на верховой лошади, держа въ рукахъ длинную березовую вѣтвь. Съ нею онъ останавливается передъ дверьми каждой юрты и вышедшій хозяинъ долженъ привязать къ вѣтви какой-нибудь длинный лоскутокъ. Кромѣ того богачи и родственники будущаго шамана дарятъ его.

Въ день совершенія обряда посвященія, народъ собирается къ назначенному для этого мѣсту, гдѣ садятъ въ землю девять березъ по три въ рядъ и украшаютъ ихъ шкурами девяти разныхъ животныхъ. Готовящійся сидитъ на войлокѣ передъ березами; старый шаманъ нѣсколько разъ поливаетъ ему голову холоднымъ *тарасуномъ* ⁽²⁾, а товарищи хлещутъ его по головѣ вѣтвями до тѣхъ поръ, пока онъ задрожитъ. Тогда поднимаютъ его на войлокъ къ березамъ и онъ, уцѣпившись за вѣтви, окружаетъ каждую березу три раза, потомъ съ крикомъ соскакиваетъ на войлокъ, который держатъ его товарищи и поютъ положенный гимнъ.

Этотъ обрядъ совершается не вездѣ одинаково, у нѣкоторыхъ бурятъ и тунгусовъ онъ получаетъ такое измѣненіе: надѣвъ полный служебный нарядъ на себя и на своего ученика, старый шаманъ начинаетъ бѣгать съ нимъ вокругъ девяти бе-

⁽¹⁾ Прибавл. къ Ж. М. Н. П. 1846 г., стр. 50.

⁽²⁾ *Тарасунъ* — хмѣльной напитокъ изъ молока. Онъ имѣетъ священное происхожденіе, какъ видно изъ слѣдующаго мѣста у Сананъ-Сэцэна: „однажды въ руки утомившагося Темучина, черезъ верхнее отверстіе юрты, спустилась чаша съ тарасуномъ. Бывшіе тутъ признали это за даръ неба своему сыну, Чингису.“ (С. Сеценъ, стр. 83.)

резъ, прыгая и напѣвая. Потомъ ловко вскакиваетъ онъ на березу, становится въ приготовленномъ для того уступѣ, усиливаетъ крики и кривлянья; всему этому подражаетъ стоящій внизу его ученикъ. Эта сцена должна по настоящему повторяться девять дней, но по причинѣ сопряженныхъ съ нею хлопотъ и издержекъ, ограничиваютъ ее обыкновенно тремя днями.

Если ученикъ непонятливъ и не перенимаетъ скоро всего необходимаго для шаманства, то наставникъ приноситъ жертвы и умоляетъ духовъ открыть разумъ своему питомцу.

До совершенія этого обряда и нѣсколько времени послѣ, будущій шаманъ и его наставникъ ходятъ вмѣстѣ, привязанные другъ къ другу шолковымъ снуркомъ за кисти шапокъ. Въ это время готовящійся въ шаманы, долженъ повторять всѣ слова своего ментора и дѣлать тоже самое, что тотъ дѣлаетъ. Но когда развязываютъ снурокъ, соединявшій ихъ, тогда новый шаманъ дѣлается уже самостоятельнымъ. Въ это время начинается пиръ, и новый шаманъ долженъ впервые дебютировать въ своей должности, принести жертву, а иногда и предсказать собравшемуся народу о какомъ-нибудь событіи.

Обрядъ посвященія въ шаманы, называющійся у бурятъ „омытіе тѣла“ (*бэя улаху*), долженъ повторяться въ жизни шамана до трехъ разъ и каждое омытіе служить повышеніемъ его на степень высшаго служенія. Поэтому только омытый три раза, имѣетъ право носить при богослуженіи всѣ священныя одежды и символическіе знаки, напр. желѣзные когти и т. п. Прежде бывали шаманы, омытые трижды и имѣвшіе всѣ священныя атрибуты, но нынѣ, когда вліяніе шамановъ и уваженіе къ нимъ народы, значительно ослабѣли, обрядъ омытія совершается не болѣе одного раза.

Въ обыкновенной жизни шаманы не имѣютъ никакого внѣшняго отличія отъ другихъ лицъ, только у якутовъ они не стригутъ волосъ. При совершеніи же богослуженія, шаманы надѣваютъ особенныя одежды и имѣютъ разные инструменты. Сюда относятся:

1) *Верхній кафтанъ*; у однихъ народовъ онъ шьется изъ сукна, у другихъ—изъ звѣриныхъ шкуръ и увѣшивается разными побрякушками, кольцами, изображеніями мифическихъ животныхъ.

2) *Лищина*; у самоѣдскихъ тадибовъ ее замѣняетъ платокъ, которымъ закрываются глаза и все лицо, потому что тадибъ глядитъ въ міръ духовъ *внутреннимъ зрѣніемъ*.

3) *Шапка* считается одною изъ главнѣйшихъ принадлежностей шамана. Тадибей, потерявшій шапку, отвѣчаетъ за нее тадебціямъ своею головою.

4) *Мѣдная или жельзная бляха* на груди.

5) *Бубенъ*—важнѣйшая принадлежность шамана, безъ которой онъ не можетъ ни принести жертвы, ни произвести заклинанія, ни вызвать духовъ. Бубенъ неразлучный спутникъ шамановъ и послѣ ихъ смерти: его вѣшаютъ на шаманскихъ могилахъ.

Бубенъ дѣлается самимъ шаманомъ и у нѣкоторыхъ народовъ изъ извѣстнаго только дерева. У лопарей онъ дѣлается изъ березы, сосны или ели, вѣтви которыхъ должны быть обращены къ сторонѣ солнечнаго заката ⁽¹⁾. Бубенъ всегда круглый и обтянутъ шкурой оленя или какого-нибудь другаго звѣря. На кожѣ, а иногда на самомъ деревѣ, рисуются изображенія солнца, луны, порога и др. божествъ. Кромѣ силы вызывать духовъ, бубенъ имѣетъ еще волшебную силу носить шамана „по высотамъ небеснымъ и по всему пространству ада преисподняго.“ У лопарей и финновъ, шаманскій бубенъ былъ въ большой чести. Его завертывали въ овечью шкуру и хранили въ скрытыхъ мѣстахъ. Въ случаѣ перехода въ новое жилище, бубенъ уносили послѣ всего съ разными церемоніями и устраивали при этомъ праздникъ ⁽³⁾.

⁽¹⁾ Eckermann's. Mithologie. Band. IV, стр. S. 138.

⁽²⁾ Поэмы Милусъ: Татаръ, Этногр. Сборникъ, стр. 88.

⁽³⁾ Eckermann, B. IV. S. 140.

Древніе шаманы имѣли не по одному бубну, а по нѣскольکو; въ одной татарской легендѣ говорится: „есть шаманъ о 9 бубнахъ, *Баламонъ Камъ*, онъ знаетъ все, что дѣлается на свѣтѣ.“

6) *Палки*, которыми бьютъ въ бубенъ.

Шаманы исполняютъ обязанности жреца, лекаря и волхва-предсказателя. Прежде мы поговоримъ о жертвоприношеніяхъ, потомъ о лѣченіи и, наконецъ, перейдемъ къ волшебству и чудесничеству.

Жертвоприношенія.

Жертвоприношенія у шамановъ бываютъ общія и частныя, непремѣнныя и случайныя.

Къ числу общественныхъ непремѣнныхъ жертвоприношеній относятся такъ называемые *тайланы* (у бурятъ), которые совершаются трижды въ годъ. Первый тайланъ бываетъ весною и празднуется нынѣ въ честь *южныхъ царей*. Совершеніе этого праздника, мы видимъ еще за-долго до Р. X. Во время династїи Хунну, народъ собирался ежегодно (въ 5 луну) для жертвоприношенія предкамъ, небу, землѣ и духамъ ⁽¹⁾. Рубрукъ тоже говоритъ, что монголы ежегодно, 9 мая, устраивали большой праздникъ, посвящали богамъ кобылицъ, разливали по землѣ кумысъ ⁽²⁾. Этотъ тайланъ есть праздникъ обновленія природы и наступленія весны, когда стада приносятъ номаду приплодъ и обильное количество молока. По этому-то монголы собирали кобылъ и привязывали ихъ къ веревкѣ, протянутой между двумя столбами. Одинъ изъ присутствующихъ садился верхомъ на кобылу, а другой — на жеребца. Первый объѣзжалъ кругомъ собранное стадо, а послѣдній, взявши сосудъ съ кумысомъ, обливалъ имъ животныхъ; къ гривѣ посвященной лошади привязывали лоскутокъ красной матерїи. Все это дѣлалось по прочтеніи шаманомъ извѣстныхъ молитвъ ⁽³⁾.

⁽¹⁾ Банзаровъ; Пл. Карпини, гл. XL, стр. 11.

⁽²⁾ Voyage; Liv. 1; chap. LXX.

⁽³⁾ Черная Вѣра, стр. 109.

Этотъ праздникъ до нынѣ совершается калмыками, подъ названіемъ *урусъ-сара* и татарами-шаманистами, подъ именемъ *сабанъ*. Буряты же отправляютъ его такимъ образомъ:

Нѣсколько семействъ собираются на жертвенную гору и устраиваютъ тамъ жертвенникъ; сажаяхъ въ двадцати отъ него ставятъ рядами посуды съ кислымъ молокомъ и тарасуномъ, назначенными для возліяній. Немного поодаль стоятъ жертвенныя животныя. Когда всѣ буряты соберутся, шаманъ беретъ *жодо* ⁽¹⁾, обжигаетъ его кончикъ и освящаетъ посуды, открывая ихъ и погружая въ нихъ жодо. Потомъ идетъ къ жертвеннику и, обращаясь къ югу, неистово-громко читаетъ на-распѣвъ молитву. Тогда подходятъ къ шаману буряты, назначенные помогать ему, по одному изъ семьи. Они въ правой рукѣ держатъ чашку съ тарасуномъ, а въ лѣвой — поваренку съ молокомъ. Подошедши къ шаману, буряты три раза повторяютъ *цокъ,—цокъ,—цокъ*, произнесенное шаманомъ. Послѣдній идетъ мимо своихъ помощниковъ и, мокая жодо въ чашкѣ каждаго, брызжетъ къ югу. Обошедши всѣхъ, онъ указываетъ своимъ жодо на небо, а помощники бросаютъ вверхъ свои чашки съ крикомъ: „да будетъ счастье!“ Когда чашки упадутъ, буряты смотрятъ, какъ ляжетъ чашка: если вверхъ дномъ, то значитъ въ семействѣ будетъ несчастье, если же, напротивъ, то — счастье. Это повторяется трижды. Затѣмъ приступаютъ къ рѣзанью животныхъ, которыхъ шаманъ обливаетъ сперва тарасуномъ, потомъ поретъ имъ животъ и, просунувши во внутренность руку, вырываетъ дыхательное горло. Прикоснувшись своимъ жодо къ умирающимъ животнымъ, шаманъ обращается къ югу, говоря: „прими!“ Затѣмъ убивши, снимаютъ съ нихъ кожу, мясо кладутъ въ котелъ и, немного поваривши, вынимаютъ и дѣлятъ на три части: одну шаману и старикамъ, другую — приносящимъ семействамъ, третью — посѣтителемъ. Ко-

(1) Березовая палочка, на концѣ которой находится пихтовая кора, сожигаемая при жертвоприношеніи.

сти же, отдѣленные отъ мяса, посвящаются богамъ ⁽¹⁾. Послѣ дедежа начинается борьба и конскія скачки. Обѣжавшій другихъ, выливаетъ немного тарасуна на гриву своего коня, а остатокъ подаетъ одному изъ стариковъ. Послѣ скачекъ всѣ идутъ къ пищѣ, ѣсть которую только теперь шаманъ разрѣшаетъ, прочитавши молитву. Наѣвшись и напившись до пьяна, буряты возвращаются домой. Впереди ѣдетъ шаманъ, одинъ изъ бурятъ, сопровождающихъ его, держитъ въ рукахъ горящую головню. За шаманомъ слѣдуютъ буряты на арбахъ или верхомъ; одни кричатъ по волчьи, другіе поютъ, иные затягиваютъ пѣсню. Если же это бываетъ во время засухи и въ день тайлгана случится дождь, то радость бурятъ бываетъ еще неистовѣе.

У якутовъ этотъ весенній праздникъ совершается слѣдующимъ образомъ: на большомъ лугу строятъ шалашъ и даютъ ему коническую форму. Онъ дѣлается изъ тонкихъ жердей и покрывается березовою корою; зеленныя вѣтви раскладываются по полу и украшаютъ стѣны шалаша; по срединѣ устроится очагъ. Когда всѣ гости соберутся, старшій изъ шамановъ призываетъ двухъ якутовъ, извѣстныхъ своимъ честнымъ поведеніемъ; приказываетъ имъ взять большую чашу, называемую *чоронъ* и наполнить кумысомъ *симиръ* ⁽²⁾. Якуты, ставши лицомъ къ западу, три раза льютъ кумысъ изъ чорона на очагъ, въ жертву Арь-Тоену. Потомъ, поворотившись немного направо, льютъ столько же разъ въ честь Кубей-Хатунъ. Послѣ этого, смотря на югъ, якуты дѣлаютъ возліянія добрымъ духамъ; къ востоку — 27-ми родамъ воздушныхъ божествъ; а къ сѣверу — 8-ми родамъ адскихъ божествъ и душамъ умершихъ шамановъ.

(1) Шаманисты, какъ видно изъ примѣра лопарей, принося въ жертву кости и другіе остатки, вѣрують, что боги облачаютъ эти кости кожею и мясомъ, и такимъ образомъ создаютъ изъ нихъ новое, живое существо. (*Eckermann, B. IV. S. 166*).

(2) Особеннаго рода сосудъ.

Наконецъ совершается возліаніе въ честь Ёмааксинъ, послѣ чего шаманъ, обратившись къ западу, произноситъ благодарственную молитву богамъ и проситъ ихъ впредь быть милосердными къ народу. Окончивъ молитву, шаманъ снимаетъ свою шапку и обмахиваясь ею, кричитъ: *улуй, улуй, улуй*, что повторяютъ всѣ присутствующіе. За тѣмъ начинается пиршество, на которое впрочемъ не допускаются женщины и люди съ замаранною честію. Шаманы пьютъ первыми, потомъ чаша обходитъ, по теченію солнца, всѣхъ гостей. Послѣ борьбы и скачекъ, которыми обыкновенно сопровождается этотъ праздникъ, якуты садятся на лошадей, образуютъ полукругъ, пьютъ еще разъ, обращаясь къ солнцу, и возвращаются домой ⁽¹⁾.

Телеуты устрояютъ около 20 іюля большое общественное жертвоприношеніе. Для этого собираются въ полѣ и приводятъ трехъ лошадей или коровъ, убивши снимаютъ съ нихъ кожу, а мясо кладутъ въ котлы и варятъ. Потомъ всѣ становятся лицомъ на востокъ и шаманъ, ударяя въ бубень, читаетъ молитву. Затѣмъ начинается пиръ, мясо съѣдаютъ а кости сжигаютъ.

Второй тойланъ у бурятъ отправляется въ честь царей *водъ* и въ честь земли; третій имѣетъ цѣлю — поблагодарить духа владѣтеля утуговъ, за хорошіе сѣнокосы. О послѣднемъ извѣстно, что онъ началъ существовать еще съ древности. Во время династїи Хунну, народы средней Азіи ежегодно осенью приносили жертвы богамъ полей и плодородія ⁽²⁾. Марко-Поло пишетъ, что монголы 28 августа совершали празднество, принося въ жертву богамъ кумысъ и прося ихъ о продолженіи здоровья и жизни. Кромѣ того, шаманы въ тотъ праздникъ приносили въ жертву лошадей, быковъ, козъ; изъ мяса ихъ дѣлалось пиршество для всего народа, сопровождаемое борьбою и

конскими скачками ⁽¹⁾. Обряды, соблюдаемые нынѣшними монголами-шаманистами, при второмъ и третьемъ тайланѣ, тѣже самые, какъ и при первомъ, съ незначительными измѣненіями.

Минусинскіе татары собираются лѣтомъ на гору, обращаются лицомъ къ востоку, сжигаютъ на жертвенникѣ барана и умоляютъ небо, землю и воды — быть милостивыми. День оканчивается пиромъ и играми ⁽²⁾.

У камчадаловъ общественное жертвоприношеніе совершается въ ноябрѣ. Прежде всего метутъ юрту и пошептавъ надъ соромъ, выбрасываютъ его. Юрту выстилаютъ сѣномъ, дѣлаютъ изъ соколы топоры и обвиваютъ ихъ сладкою травою. Потомъ посылаютъ въ лѣсъ за березами, необходимыми при жертвоприношеніи. До времени принесенія березъ, дѣлаютъ Хантая и другихъ идоловъ, потомъ садятся вокругъ очага и шаманъ, взявши въ руку лопату, обвитую травою, говоритъ такую молитву къ огню: „Кутху повелѣлъ намъ приносить тебѣ жертву однажды въ годъ; мы исполняемъ это и просимъ, чтобы ты миловалъ и сохранялъ насъ, не причинялъ скорбей и бѣдъ, не дѣлалъ пожара!“ Эта молитва заключается пляскою вокругъ очага.

Принесенную изъ лѣса березу, вносятъ на юрту и опускаютъ въ верхнее отверстіе. Находящіеся въ юртѣ съ крикомъ тянутъ березу внизъ, къ себѣ, — но стоящіе на кровлю держать ее. Кончается же тѣмъ, что береза опускается въ юрту. Затѣмъ, сдѣлавши 55 идоловъ, мажутъ ихъ брусникою, а одна изъ женщинъ приноситъ сдѣланнаго изъ травы кита, котораго камчадалы тотчасъ разрываютъ на части.

На другой день, праздникъ начинается приготовленіемъ пищи и окуриваніемъ юрты жжеными ремешками, къ которымъ должны прикоснуться всѣ присутствующіе, а женщины, окуривъ себя и семейство, надѣваютъ эти ремешки на каждого; за тѣмъ окуриваютъ юрту травою. Принесши березовыхъ прутьевъ и

⁽¹⁾ Geographie de W. Guthrie; tom. 11; pag. 207 и 208.

⁽²⁾ Черная Вѣра, стр. 110.

⁽¹⁾ Voyage, Livre 1, chap. LXV.

⁽²⁾ Ж. М. В. Дѣль 1856 г. кн. VI, от. III, стр. 38.

согнувши ихъ въ кольца, всё пролезаютъ въ нихъ для очищенія. Наконецъ пируютъ и выносятъ березу, которая должна лежать весь годъ на балаганѣ ⁽¹⁾.

Жертвоприношеніе при водруженіи шаманской вѣхи совершается Пекинскими шаманистами ежегодно. Евнухъ царскаго двора отправляется въ горы и срубаетъ тамъ ель, вышиною футовъ въ двадцать, съ десятью колѣнцами, или рядами сучьевъ. Эту вѣху водружаютъ передъ входомъ въ храмъ. Въ день жертвоприношенія ставятъ передъ онгонами вино и хлѣбное. Затѣмъ протягиваютъ по храму бичевку, вѣшаютъ на нее бумагу, а на вѣхѣ выставляютъ флагъ. Шаманка читаетъ молитвы и ей вторятъ разные музыкальные инструменты. Если присутствуетъ государь, то онъ получаетъ жертвенное мясо ⁽²⁾.

Жертвоприношенія небу, какъ видно изъ китайскихъ лѣтописей, начались съ глубокой древности и совершались четыре раза въ годъ на пограничныхъ четырехъ горахъ, соотвѣтствовавшихъ четыремъ странамъ свѣта. Во время весенняго равноденствія, императоръ отправлялся на гору, лежащую въ сторонѣ солнечнаго восхода, и приносилъ тамъ жертву небу, чтобы оно имѣло попеченіе о посѣянныхъ и начинавшихъ уже всходить зернахъ. Лѣтомъ, во время солнечнаго поворота, на полуденной горѣ приносилась вторая жертва, съ цѣлью—испросить у неба благотворной теплоты возбуждающей въ землѣ производительныя силы. Въ осеннее равноденствіе приносили на западной горѣ, третью жертву и умоляли небо—избавить плодоносныя поля, отъ вреднаго дѣйствія грозы, вѣтра, насѣкомыхъ и т. п. Наконецъ, при жертвоприношеніи на сѣверной горѣ, во время зимняго поворота солнца, благодарили небо за всё блага прошедшаго года и просили о продолженіи благодѣяній въ наступающемъ годѣ ⁽³⁾. Нынѣ же Пекинскіе шаманисты приносятъ жертвы небу такимъ образомъ:

⁽¹⁾ См. подробности: Камчатка, Краш. ч. III, стр. 84—97.

⁽²⁾ Китай Іакинѳа, ч. IV, стр. 65.

⁽³⁾ Stühr, Band I, ss. 19, 20.

передъ каменною тумбою съ вѣховой, посреди служебнаго дома, ставятъ длинный столъ съ тремя тарелками для предложеній; средняя изъ нихъ съ рисомъ, прочія пусты. На сѣверо-востокъ отъ вѣхи ставится длинный столъ для жертвеннаго мяса. Во время служенія, шаманка дважды, передъ молитвою, окропляетъ рисъ освященною водою. Послѣ этого приводятъ жертвенное животное, выпускаютъ изъ него кровь, разнимаютъ по хребетнымъ позвонкамъ, срѣзываютъ съ нихъ мясо и варятъ. На правую изъ пустыхъ тарелокъ кладутъ позвонки, а на лѣвую—желчь. Сваренное мясо изрѣзываютъ въ куски и кладутъ въ два сосуда, между которыми ставятъ еще два съ просяною кашею. Подлѣ сосудовъ кладутъ разливную ложку и палочки, употребляемыя вмѣсто вилокъ; остальное мясо изрѣзываютъ въ куски и положивши въ лоханки, покрываютъ кожею. Подшаманка вторично окропляетъ рисъ водою, дважды передъ молитвою и дважды послѣ молитвы; между тѣмъ нанизываютъ шейные позвонки на ниточку, и вѣшаютъ на вѣхѣ, а срѣзанное съ нихъ мясо, окропленный рисъ и желчь, кладутъ въ сосудъ, прикрѣпленный къ верхнему концу вѣхи ⁽¹⁾.

Буряты тоже приносятъ жертвы небу, но время этихъ жертвоприношеній не узаконено и обрядовъ особенныхъ нѣтъ. Намъ удалось пріобрѣсть молитву, читаемую при этомъ жертвоприношеніи. Приводимъ ее безъ всякихъ измѣненій:

„Малое, малое небо я призываю по числу, призываю со времени Югозападныхъ царей, спустившихся съ неба! Великое, великое небо призываю со всею ясностію, призываю съ того времени, какъ спустились съ него девять прекрасныхъ царей! Небо доставляетъ счастье тому, у кого разобьетъ громовою стрѣлою юрту, доставляетъ милость тому, у кого убьетъ коня, корову. Отъ неба, гдѣ обитаютъ цари, упала, оторвавшись, громовая стрѣла, отъ сине-серебристаго неба, съ громомъ спу-

⁽¹⁾ Ibid. стр. 61.

стилась стрѣла, — на стадо, просить стада, на домъ, — просить счастья!“

Жертвоприношеніе по случаю грома совершается съ древности. Гоагюйцы (въ кв.) любили громовые удары и при каждомъ кричали и стрѣляли въ небо. Осенью слѣдующаго года, на мѣстѣ громоваго удара зарывали въ землю барана и зажигали надъ нимъ свѣточъ. Шаманка читала молитвы, а мужчины верхомъ много разъ объѣзжали это мѣсто. Потомъ одинъ изъ мужчинъ ставилъ снопъ ивовыхъ вѣтвей и обливалъ кумысомъ. Женщина же завертывала кости барана въ кожу и ставила себѣ на голову (1).

Урянхиты имѣли обыкновеніе, во время сильной молніи и грома, бранить небо, молнію и громъ. Если перунъ убьетъ четвероногое животное, то мясо его не ѣдятъ, уходятъ и удаляются отъ него (2).

У древнихъ монголовъ было тоже возліяніе по случаю грозы и по случаю перваго грома весною. У нынѣшнихъ бурятъ это жертвоприношеніе совершается такимъ образомъ: выбираютъ сильную лошадь, ставятъ ей на спину чашку съ молокомъ. Шаманъ обрызгиваетъ этимъ молокомъ сперва лошадь, а потомъ брызжетъ молокомъ и виномъ къ небу и на четыре страны свѣта. Потомъ окутивши лошадь богородскою травою и пихтовою корою, а къ гривѣ привязавъ какой-нибудь доскутокъ, отпускаетъ ее. Бросаясь, она роняетъ чашку съ молокомъ, надъ которою потомъ шаманъ молится о здоровьи и благополучіи жертвоприносителя. Лошадь же не употребляется на работу все лѣто, и принадлежитъ уже повелителю громовъ. Если она околѣетъ, то отрѣзавъ у нея хвостъ и гриву, вплетаютъ ихъ другой лошади которая въ такомъ случаѣ замѣняетъ погибшую (3).

Минусинскіе татары посвящаютъ духу грома бѣлую ло-

(1) Исторія народовъ Средн. Азіи. ч. 1, стр. 250.

(2) Раш. Эддинъ стр. 141.

(3) Сибир. Вѣстн. 1824 г. ч. 1, стр. 71.

шадь; приводятъ ее на мѣсто моленія, снимаютъ узду и пускаютъ ее въ поле; съ тѣхъ поръ она неприкосновенна (1).

Богинѣ солнца чувашинъ приносятъ жертву въ первый день пасхи. Вставши на зарѣ, чувашенинъ разводитъ огонь передъ дверями своего дома и стережетъ восходъ солнца. При первыхъ лучахъ восходящаго солнца, чувашенинъ кладетъ въ огонь хлѣбъ, и яйца и кланяясь огню, поминаютъ своихъ умершихъ родственниковъ (2).

Будла (у бурятъ). Жертва эта приносится тогда, когда ребенку исполнится два года. Этою жертвою умоляется Эжинъ, покровитель младенческаго возраста, чтобы онъ хранилъ дитя и содѣйствовалъ скорѣйшему возрастанію его.

Жертва, приносимая бурятами злымъ духамъ, называется *кырызъ*; она не имѣетъ опредѣленнаго времени и совершается слѣдующимъ порядкомъ: на полѣ ставятъ длинный березовый шестъ, занимъ котлы съ виномъ, по лѣвую сторону которыхъ стоитъ жертвенное животное. Шаманъ троекратно призываетъ духовъ и приносить имъ вино. Затѣмъ разрѣзываютъ у животнаго грудь и, засунувъ во внутренность руку, жгутъ сердце и тѣмъ ускоряютъ смерть животнаго. Шаманъ, погрузивъ въ рану жоду и поднявъ окровавленную вѣтвь къ небу, говоритъ: „будь за жизнь уплата, за тѣло подарокъ! счастье свое оставляй здѣсь, а несчастіе уноси прочь! Долой! лети скорѣе стрѣлы, легче пера!“ Съ убитаго животнаго снимаютъ кожу, такъ что ноги, голова, горло, сердце и легкія остаются въ сердцѣ. Ее надѣваютъ на шестъ, воткнутой въ землю; она виситъ до тѣхъ поръ, пока вороны и сорѣки не растаскаютъ ее. Мясо и кишки варятъ. Между тѣмъ устроиваютъ костеръ и жгутъ на немъ кости и жилы убитой скотины. По окончаніи троекратнаго призванія духовъ, съ предложеніемъ мяса, шаманъ беретъ деревянный ковшъ, кладетъ въ него кусочки, отрѣзанные отъ желуд-

(1) Ж. М. В. Д. 1856 г. кн. 6 стр. 38.

(2) Ibid. стр. 225.

ка и кишекъ, бросаетъ ихъ на тотъ огонь, гдѣ варилось мясо. Это жертва тѣмъ низшимъ духамъ, которые не смѣли подступитъ къ горящимъ на кострѣ костямъ, для вдыханія питательнаго запаха. Здѣсь шаманъ восклицаетъ: „носящимся на заревѣ горящаго огня, на парахъ кипящаго котла“. Почерпнувъ ковшомъ изъ котла бульону, выливаетъ на огонь въ жертву тѣмъ духомъ, которые не смѣютъ носиться надъ костромъ, а бѣгаютъ подъ нимъ. Шаманъ восклицаетъ: „шепчущіе подъ костромъ и дрожащіе подъ тѣнью, это вамъ!“ Подойдя къ котламъ съ виномъ и махая ковшомъ, шаманъ кричитъ: „большое счастье отъ 90 царей; первое счастье отъ многихъ царей!“ Хозяинъ подставляетъ руки и шаманъ кладетъ на нихъ ковшъ. Послѣ того, взявши отъ хозяина ведро съ мясомъ, становится на колѣно передъ костромъ и склонивъ свою голову, начинаетъ призываніе сперва обще, а потомъ обращается къ тому духу, въ честь котораго дѣлается жертвоприношеніе, скачетъ, кривляется, громко произноситъ непонятные слова, мычитъ и машетъ ведромъ около головы. Это значитъ, что духъ вселяется въ шамана и начинаетъ говорить его устами; хозяинъ беретъ ведро, а духъ, вселившійся въ шамана, рассказываетъ его устами свои дѣянія и происхожденіе; благодаритъ хозяина за почести, обѣщая ему разныя блага, или укоряетъ его за медленное исполненіе обѣтовъ и прощаетъ единственно по просьбѣ шамана. Успокоившись, шаманъ начинаетъ молитву: „призываю, призываю! Призываніемъ, призываю счастье и благополучіе! Просится у пространнаго неба; у протяженной земли, у 90 югозападныхъ царей, у девяти бѣлыхъ старцевъ, у отца нашего Буха-Ноена, у чрева матери нашей Буданъ-Хатунъ, просится у духа (которому приносили жертву, просится рабу (такому-то) долгій вѣкъ, продолжительное благоденствіе, наслажденіе, радость, толстая кожа въ четверть аршина, крѣпкая, желѣзная жизнь! Просится, чтобы умоляемый духъ принялъ жертву и сдѣлался защитникомъ и хранителемъ! Просится исцѣленіемъ извъ, уничтоженіе немощей, большое скотоводство, семейное многолюдство“. Кончивъ призываніе, шаманъ

подаетъ хозяину ведро съ жертвеннымъ мясомъ; затѣмъ шаманъ бросаетъ нѣсколько кусочковъ мяса на огонь; остальное дѣлается между присутствующими (1).
Саама, или приношеніе въ жертву вина, вотъ какъ описывается г. Шукинымъ: въ юртѣ, около огня ставится нѣсколько котловъ вина. Хозяинъ сидя на полу, окуриваетъ вино богородскою травою, можжевельникомъ, пихтовою корою и т. п. Почерпнувъ изъ одного котла деревянною чашкою немного вина, подаетъ шаману; который вставши на ноги и поднявши чашку вверхъ, начинаетъ призыванія: „взываю ко всѣмъ и приношу всѣмъ! о, пространное небо, протяженная земля, девяносто югозападныхъ царей, девять бѣлыхъ старцовъ! умножившіе племя бурятъ до нынѣшняго числа, какъ просо въ урожай, какъ кипѣніе не изсякающаго ключа. Отецъ нашъ Буха-Ноенъ, мать наша Буданъ-Хатунъ! призываю васъ!“ Затѣмъ шаманъ воспѣваетъ происхожденіе, характеръ и могущество того духа, которому приносится жертва. Далѣе приываетъ его родственниковъ и товарищей—участвовать въ почести. Если настоящая жертва приносится по случаю болѣзни, то шаманъ проситъ духовъ принять жертву, освободить душу больного отъ мученій, даровать ему пріятный сонъ, аппетитъ и долготѣе здравіе. Потомъ, плеснувъ изъ чашки вино вверхъ, чашку подаетъ хозяину. Наливши снова, чашку возвращаетъ шаману, который повторяетъ прежнее призываніе. Принявши изъ рукъ хозяина чашку въ третій разъ, шаманъ говоритъ: „сначала было приношеніе царю челоуѣковъ,—теперь приывается царь каждой горы, каждой кочки, cadaго мѣста. О вы, носящіеся по эхамъ высокихъ горъ, по прохладамъ долинъ, по влагамъ глубокихъ морей! примите угощеніе хозяина и будьте къ нему милостивы.“ Затѣмъ шаманъ приываетъ души всѣхъ шамановъ, погребенныхъ въ окрестности и проситъ ихъ участвовать въ почести, проситъ помочь ему умиловитъ духа, раздраженнаго хозяиномъ. Принявъ

(1) О Шаманствѣ. Шукина. Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846 г. стр. 57.
 Отдѣлъ II.

чашку въ четвертый разъ, шаманъ обращается къ той стѣнѣ, гдѣ висятъ онгоны: снисшедшіе отъ неба-царя, по приказанію тысячи хатайтановъ! Снисшедшіе отъ вышшаго неба по благорасположенію тысячи тысячъ Усайтановъ! это приношеніе вамъ, возьмите! Потомъ проситъ онгоновъ охранять юрту отъ злыхъ, пускать въ нее только добрыхъ, исполнять желанія хозяина, исцѣлять немощи, будить во-время отъ сна, напоминать забытое, и т. п. Послѣ призванія наливаютъ полную чашу вина, и шаманъ, принявъ ее, льетъ по каплѣ на огонь, приговаривая: „отецъ—лысое небо! мать—Юрентъ небо! младшій сынъ—плѣшиваго неба старецъ Сагадай, жена его Сахалу! лежа дающіе, грызя разжигающіе! огонь Булу-Ханъ и жена его Гули (мѣдь)! о вы, имѣющіе даху изъ сѣрой мерлушки и требующіе въ жертву неменѣ какъ годоваго барана; утромъ бывающіе съ кочку, а къ ночи вырастающіе съ гору! Сдѣлайте, чтобы такой-то былъ богатъ скотомъ, имѣлъ многочисленное семейство, былъ счастливъ на звѣриныхъ промыслахъ! послѣ призванія духовъ, хозяинъ и шаманъ пьютъ изъ чашки вина; затѣмъ всѣ присутствующіе распиваютъ вино, находящееся въ котлахъ⁽¹⁾.

Это жертвоприношеніе совершается и другимъ образомъ⁽²⁾ но различія здѣсь неважны.

Къ жертвамъ же относится, такъ называемое *кормленіе идоловъ*, которое состоитъ въ томъ, что идоламъ даютъ въ ротъ кость, мясо, хлѣбъ или мажутъ ихъ масломъ, жиромъ и т. п. Самоѣды мажутъ губы хеговъ кровью и жиромъ убитаго животного, говоря при этомъ *кушайте!*

Болѣзни, по вѣрованію шаманистовъ, бывають слѣдствіемъ гнѣва духовъ, которые вселясь въ человѣка, мучатъ его. Для изгнанія этихъ духовъ-мучителей, призываются шаманы. Вотъ какъ у разныхъ народовъ они отправляютъ эту обязанность.

Остаки къ юртѣ больного приволятъ нѣсколько оленей, по

(1) Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846 г. 54.

(2) Ibid. стр. 56.

назначенію шамана. Къ ногѣ одного изъ оленей привязываютъ конецъ веревки, а другой конецъ даютъ въ руку больного, и когда послѣдній дернетъ веревку, то оленя убиваютъ, голову и рога ставятъ на колья, мясо сѣдаютъ, а жиромъ мажутъ больного.⁽¹⁾

У киргизовъ шаманъ садится противъ больного, играетъ на балалайкѣ, поетъ, кричитъ, кривляется. Потомъ соскакиваетъ съ мѣста, бѣгаетъ по юртѣ, или выбѣжавъ изъ нея, садится на первую попавшуюся лошадь и во всю прыть мчится по степи, гоняясь за духомъ, мучающимъ больного. Возвратившись въ юрту, онъ бьетъ больного плѣтью, думая изгнать духа, кусаетъ его до крови, замахивается ножомъ, плюетъ въ глаза. Эта исторія повторяется девять дней⁽²⁾.

Пришедши къ больному, якутскій шаманъ, садится на сѣдельномъ потникѣ. Сначала онъ задумывается, чтѣ-то бормочетъ, потомъ вскакиваетъ, и взявши бубенъ, съ крикомъ бѣгаетъ по юртѣ, наконецъ, кинувъ бубенъ межъ ногъ, въ безчувствіи падаетъ наземь. Вставши, онъ объявляетъ имя того духа, который одержитъ больного и которому угодно въ жертву такое-то животное. Для жертвоприношенія устроится на четырехъ столбахъ невысокій помостъ. Шаманъ, обхвативъ животное по брюху, бормочетъ и кричитъ, а якуты увѣрены, что въ него вселяется духъ. Наконецъ животное убиваютъ, мясо кладутъ на помостъ, а шкуру вѣшаютъ на двухъ столбахъ; разводятъ огонь, мясо варятъ и сѣдаютъ, бросивъ предварительно кусокъ жира въ огонь; кости возлагаютъ на жертвенникъ⁽²⁾.

Для избавленія больного отъ болѣзни, тунгусы убиваютъ птицу или другое животное; по крови и печени шаманъ узнаетъ болѣзнь и ея причину. Онъ также объявляетъ, чѣмъ боги могутъ быть умилостивлены—новыми идолами или принесеніемъ жертвъ.

(1) Путешествіе Палласа.

(2) Шаманство у народ. Сѣв. Азіи, стр. 35.

(2) Ж. М. В. Д. 1854 г. кн. VII, стр. 21.

Жертву приносятъ въ юртѣ вечеромъ. Шаманъ беретъ больного за голову обѣими руками, сосетъ у него лобъ, плюетъ въ лицо и постоянно гладитъ больное мѣсто (1).

Къ числу священныхъ дѣйствій принадлежитъ еще присяга. Она имѣетъ у шаманистовъ три вида — клятва передъ огнемъ, о которой мы уже говорили; клятва передъ идолами и медвѣжьей шкурой и клятва передъ обожаемыми предметами природы.

Клятва передъ идолами и медвѣжьей шкурой, у остяковъ совершается такъ: передъ идоломъ стоитъ остякъ, держа въ рукѣ топоръ или ножъ, которымъ онъ долженъ ударить идола въ носъ и сказать: „пусть звѣрь растерзаетъ меня въ лѣсу, пусть постигнуть меня всевозможныя несчастія, если я сказалъ неправду о томъ, въ чемъ присягаю здѣсь!“ Клятва передъ медвѣжьей шкурой: „если я сказалъ неправду, то пусть медвѣдь растерзаетъ меня, пусть топоръ убьетъ, пусть подавлюся я хлѣбомъ, пусть ножъ поразитъ меня“. Иногда присягающаго заставляютъ стать передъ шкурой на колѣни и укусить ее (2). У Самоѣдовъ клятва произносится надъ остроконечнымъ кускомъ земли или снѣга, отъ котораго присягающій долженъ отрѣзать ножомъ небольшую часть. Это значитъ, что клятвopреступникъ долженъ разсыпаться какъ земля, разтаять какъ снѣгъ. Кланутся также и надъ головой медвѣда, приговаривая „если я лгу, то пусть онъ меня съѣстъ“ (3).

О клятвѣ передъ священными предметами природы, напр. передъ Шаманскимъ камнемъ, мы говорили выше.

Кудесничество, ворожба, предсказанія.

Силы природы въ глазахъ шаманиста ничто иное, какъ духи, а дѣйствія этихъ силъ — обнаруженіе воли духовъ. Такимъ

(1) Georgi's Bemerkungen, S. 282.

(2) Geographie de W. Guthrie, tome II, p. 125.

(3) Зап. И. Р. Георг. Общ. 1853 г. кн. VII, стр. 101.

образомъ шаманисты считаютъ себя въ полной зависимости отъ духовъ, но врожденное человѣку чувство жизни, заставляетъ ихъ изыскивать средства къ отклоненію вреднаго вліянія божествъ. Для этого нужно знать — какъ умыслы духовъ, такъ и средства къ отвращенію ихъ вредныхъ дѣйствій. Это знаніе принадлежитъ шаманамъ, которые одни изъ всѣхъ смертныхъ находятъ въ ближайшемъ общеніи съ духами. При извѣстныхъ обстоятельствахъ, духи сообщаютъ шаману такія свѣдѣнія, которыя недоступны обыкновенному человѣку. Пропадетъ ли, напр., у кого лошадь, — онъ обращается къ шаману, послѣдній вызываетъ духовъ и узнаетъ отъ нихъ какъ, найти пропавшую лошадь. Желаетъ ли кто узнать о будущемъ, — духи сообщаютъ черезъ шамана и объ этомъ.

Находясь въ близкомъ общеніи съ духами, шаманъ при ихъ помощи, можетъ совершать такія дѣла, которыя совершенно не по силамъ обыкновенному человѣку. Сюда относятся разные фокусы, лѣтаніе по воздуху, превращеніе въ животныхъ и т. п.

Мы будемъ говорить о шаманскомъ кудесничествѣ на столько, на сколько это можетъ относиться къ міеологіи. Физиологическое изслѣдованіе подобныхъ явленій лежитъ внѣ предѣловъ настоящей статьи.

Такъ какъ шаманисты не имѣютъ опредѣленныхъ мѣстъ для богослуженія и такъ какъ шаманить приходится часто непредвидѣнно, во всякое время и на всякомъ мѣстѣ, то шаманство можетъ совершаться вездѣ — въ юртѣ, въ лѣсу, на горѣ, на берегу рѣки или озера и т. д. Шаманы выбираютъ для совершения своихъ обрядовъ мѣста глухія, темныя и болѣе частью ночное время, чтобы въ темнотѣ казаться болѣе страшными и таинственными. На избранномъ мѣстѣ сожигается костеръ, вокругъ котораго собираются зрители. Шаманъ надѣваетъ свои священные одежды и беретъ бубенъ, подъ унылые звуки котораго онъ начинаетъ пѣть свои заклинанія, сперва тихо, потомъ все громче и громче. Наконецъ онъ приходитъ въ изступленіе, дѣлаетъ огромные прыжки, кривляется и кри-

чить голосами разныхъ животныхъ. Пѣна клубится у его рта, налитые кровью глаза страшно вращаются. Вотъ онъ въ изнеможеніи упалъ на землю и его душа сошла въ міръ духовъ, узнать то, что нужно. У нѣкоторыхъ уже народовъ духи сами приходятъ къ шаману и сообщаютъ ему желаемое свѣдѣніе, и шаманъ въ этихъ случаяхъ не имѣетъ необходимости доходить до изнеможенія и обморока. Вотъ какъ напр. самоѣдскій тадебъ призываетъ духовъ въ случаѣ пропажи оленя: „придите, придите, духи волшебные! Если не придете, я самъ приду къ вамъ! Пробудитесь вы, о, духи волшебные, я пришелъ къ вамъ; вставайте!“ — „Что кричишь ты, что тревожишь нашъ покой?“ спрашиваетъ самъ себя шаманъ отъ лица явившагося ему тадебція, и тотчасъ отвѣчаетъ: „пришелъ ко мнѣ одинъ самоѣдъ, онъ сильно мучитъ меня: пропалъ у него олень.“ Тадебцій отправляется отыскивать оленя и, возвратившись, сообщаетъ шаману о томъ мѣстѣ, гдѣ онъ видѣлъ оленя.

У прежнихъ лопарей заклинательнымъ пѣснямъ шамана вторили всѣ присутствующіе, продолжая пѣть и тогда, когда шаманъ падалъ навзничь и положивъ себѣ на спину бубень, засыпалъ какъ мертвый. Во время сна, непродолжавшагося долѣе 24 часовъ, лицо шамана было темно-зеленое, и по нему струились капли пота. Пробудившись, онъ рассказывалъ видѣнное имъ въ мірѣ духовъ ⁽¹⁾.

Крашенинниковъ такъ описываетъ шаманство у камчадаловъ: „дѣвѣ бабы садятся въ уголь и непрестанно шепчутъ. Одна изъ нихъ привязываетъ крапивную нитку къ ногѣ и качаетъ ею. Если ей поднимать ногу покажется легко, то это считается счастливымъ предзнаменованіемъ, а если тяжело — то напротивъ. Между тѣмъ она призываетъ духовъ и скрежещетъ зубами, а когда явится духъ, то она начинаетъ хохотать. Черезъ полчаса бѣсы уходятъ и ворожея кричитъ *нльтэ (ишхи)*!“

⁽¹⁾ Eckermann's Mithologie. Band IV, S. 139.

Нѣкоторые говорятъ, что во время грома и молніи Пилячучъ вселяется въ шаманокъ и способствуетъ имъ угадывать ⁽¹⁾.

Шаманы обладаютъ способностью творить чудеса; народные преданія особенно выхваляютъ за это древнихъ шамановъ. С. Сэнэнь рассказываетъ о камѣ *Бомбо*, что онъ умертвилъ своими заклинаніями 97 человекъ ⁽²⁾. Самоѣды говорятъ о старинныхъ шаманахъ, что они летали по воздуху, плавали подъ водою, поднимались до облаковъ, прокалывали себя копьями, давали изрубить себя въ куски и потомъ воскресали и т. д. Особенно сѣверъ Финляндіи знаменитъ былъ своими кудесниками, и въ средніе вѣка слова *финнз* и *волшебникз* были тождественны. Изъ Швеціи и Лапландіи многіе приходили учиться къ финскимъ шаманамъ волшебному искусству ⁽³⁾. Русскіе тоже часто посѣщали финскихъ кудесниковъ.

Кромѣ бубна и колотушки, финскіе и лопарскіе шаманы имѣли: 1) *вптранные узлы*, 2) *ганз* и 3) *тиро*.

1) Финны продавали часто корабельщикамъ вѣтеръ въ канатѣ съ тремя узлами. Если развязывали первый узелъ, то поднимался благоприятный, умеренный вѣтеръ, со вторымъ узломъ вѣтеръ становился сильнѣе, когда же развязывали третій узелъ, то мгновенно поднималась страшная гроза и буря. Волшебники также могли останавливать корабли на всемъ ходу, производить штиль и т. п., и только мѣсячная кровь дѣвушки могла противодѣйствовать этимъ чарамъ.

2) *Ганы* хранились въ кожаныхъ мѣшкахъ, въ горныхъ пещерахъ. Это были синеватые, безкрылые, похожіе на муху животныя. Волшебникъ посылалъ ихъ въ извѣстное мѣсто и они приносили туда несчастье.

3) *Тиро* величиною съ грецкій орѣхъ, покрытъ желтою шерстью и весьма легокъ. Онъ летаетъ со скоростью вѣтра и

⁽¹⁾ Описаніе Камчатки, ч. III, стр. 82.

⁽²⁾ Geschichte d. Ost-Mongolen, S. 241.

⁽³⁾ Eckermann, B. IV, S. 142, 137.

поражаетъ все встрѣчающееся ему. Раненный *ханомъ* долженъ умереть отъ рака; раны *тиро* хотя мучительны, но несмертельны ⁽¹⁾.

4) *Судной камень* считается шаманами хорошимъ пособіемъ въ дѣлахъ судебныхъ.

5) Камчадалы жгутъ *жилы каменнаго барана*, при чемъ преступника корчитъ и сводитъ у него жилы.

6) *Змѣиное юрю*; черезъ него финскій шаманъ процѣживаетъ воду въ ротъ больного.

7) *Трава*, которую змѣя держитъ во-рту, когда плаваетъ. Она даетъ силу кусать самое твердое желѣзо и охранять въ дѣлахъ судебныхъ ⁽²⁾.

8) Монголо-бураты и тунгусы ворожатъ посредствомъ сожиганья *бараньей лопатки*, по трещинамъ которой узнаютъ то, что нужно. Подобная ворожба была еще при Чингисъ-Ханѣ. Этотъ государь, передъ каждымъ походомъ, заставлялъ *Бмай Чуца* ворожить—успѣшно ли предпріятіе и самъ повѣрялъ его ворожбу сожиганіемъ *лѣвкиго барана* ⁽³⁾.

9) Камчадалы, по словамъ Крашенинникова, шепчутъ на *рыбьи шалы*, на траву *тоничи*, и по нимъ предсказываютъ будущее.

10) Къ числу средствъ узнанія будущаго относится гаданіе по полету и крику птицъ, по вою собаки и т. п.

Предметы шаманскихъ предсказаній самые различные: погода, урожай хлѣба, судьба человѣка, общественныя бѣдствія и т. д.

Шаманскія фокусы состоятъ въ томъ, что шаманы лижутъ раскаленное желѣзо, грызутъ камни, показываютъ изъ рта голову утки, глотаютъ шпаги, рубятъ себя невинно топоромъ по брюху и т. д. Всѣ эти фокусы имѣютъ цѣлю убѣдить людей въ сверхъестественной силѣ, обитающей въ шаманѣ.

Слово человѣческое, по мифическому воззрѣнію, обладаетъ

(1) Ibidem.

(2) Путешествіе Кастрена, стр. 237.

(3) Іакинѣа. Истор. первыхъ четырехъ хановъ, стр. 107.

чрезвычайною волшебною силою. Оно сотворило міръ, оно можетъ умертвить человѣка, наслать на него болѣзнь и бѣду, а также и избавить отъ нихъ. На такомъ мифическомъ воззрѣніи основаны всѣ заговоры и волшебныя пѣсни. Последними особенно знаменита была древняя Финляндія. У нынѣшнихъ шаманистовъ заклинанія дѣлаются большею частію съ враждебнымъ намѣреніемъ, съ цѣлю повредить человѣку или наказать его. Вотъ что рассказываетъ одинъ очевидецъ чувашскаго заклинанія. „Одинъ чувашенинъ пересѣкъ мнѣ дорогу, торопливо пробираясь въ глубь лѣса. Вышедши на небольшую поляну, онъ сбросилъ съ головы шляпу и грянулся оземь, произнося въ полголоса какую-то молитву. Вставши на ноги, онъ распоясался, скинулъ рукавицы, кафтанъ и совершенно нагой нѣсколько времени шепталъ что-то про себя, вперивъ глаза на востокъ и изрѣдко покачивая головой. Потомъ вдругъ завылъ дикимъ, пронзительнымъ голосомъ. Вопли его прерывались восклицаніями: *злая кереметь, лихая кереметь, услышь мою молитву, немедленно излови, умертви его!* Произнося эти слова, онъ валялся по землѣ, рылъ ее руками, кувыркался, скрежеталъ зубами.“ ⁽¹⁾

Народное суевѣріе представляетъ особенно сильнымъ и дѣйствительнымъ родительское проклятiе. Такъ въ одной, напр. бурятской легендѣ рассказывается, что молодой бурятъ отправился странствовать по свѣту, не смотря на запрещеніе своего отца, который проклиналъ его за такое ослушничество. Странствователь не имѣлъ нигдѣ успѣха. Состарѣвшись въ своихъ несчастливыхъ приключеніяхъ, онъ пришелъ къ своимъ братьямъ, но они его не узнали. Такъ какъ онъ славился необычайною силою, то братья предложили ему, въ доказательство того, что онъ братъ ихъ, убить однимъ выстрѣломъ изъ лука быка. Онъ поразилъ быка, но тутъ ему измѣнили послѣднія силы, и онъ мертвымъ повалился къ ногамъ своихъ братьевъ.

С. Шашковъ.

(1) Сбоева. Замѣтки о чувашахъ, стр. 116.